This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

PG-3460
C5
1903
N.7

Тип. Монтвида Уг. Конной ул. и Телѣжнаго пер., д. 3—5.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

1. Иванъ Миронычъ 1

2. Мужики 99

3. Красные огни 209

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Chirikov, E. N.

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

~~5774~~

Евгеній Чириковъ.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

ПЬЕСЫ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Иванъ Миронычъ.
Мужики.
Красные огни.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1907.

PG-3460
C5
1903
N.7

Тип. Монтвида Уг. Конной ул. и Телѣжнаго пер., д. 3—5.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

1. Иванъ Миронычъ 1

2. Мужики 99

3. Красные огни 209

ИВАНЪ МИРОНЫЧЪ.

ПЬЕСА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Новая квартира Боголюбовыхъ. Они только-что переѣхали,—„устраиваются“. Гостиная съ необычайной, немного странной планировкой мебели. Въ дальней стѣнѣ три окна: отсюда великолѣпный видъ на рѣку, луга и зарѣчье. Въ лѣвой стѣнѣ дверь въ столовую. Въ правой стѣнѣ три двери: ближайшая—въ кабинетъ Боголюбова, средняя—въ коридоръ и переднюю, дальняя—въ комнату Ольги. Тихій весенній полдень. Окна раскрыты. Слышно, какъ гдѣ-то щебечутъ птицы. При поднятіи занавѣса Вѣра Павловна и Ольга оканчиваютъ странную установку мебели; обѣ онѣ въ приподнятомъ настроеніи, веселы и радостны, похожи на увлекшихся играми дѣтей.

ВѢРА ПАВЛОВНА. Вотъ здѣсь мы устроимъ зеленый уголокъ!.. Поставимъ два кресла и закроемъ ихъ пальмами... Понимаешь? Маленькій тропическій садикъ...

ОЛЬГА (хлопая въ ладоши). Это будетъ великолѣпно!

ВѢРА ПАВЛОВНА. Ну, живо! Тащи цвѣты! (Устраиваютъ маленькій садикъ, весело переговариваются, спорятъ и смѣются).

ОЛЬГА. У одной моей подруги устроена рѣшетка, а внизу—длинный ящикъ съ землей. Въ землѣ растутъ какія-то вьющіяся растенія и ползутъ вверхъ по рѣшеткѣ... И выходитъ зеленая бесѣдка! Мы въ этой бесѣдкѣ учили уроки и мечтали о веснѣ.... На дворѣ — зима, а мы—въ саду!

ВѢРА ПАВЛОВНА (отходитъ и любуется издали). А вѣдь красиво!

ОЛЬГА. До свиданья! (Шутливо декламируетъ) „Ухожу отъ васъ я въ горы, въ море синяго тумана!“ (Скрывается въ цвѣтахъ) Видишь меня?

ИВАНЪ МИРОНЫЧЪ.

ПЬЕСА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ БОГОЛЮБОВЪ—учитель шестиклассной прогимназіи, только что назначенный инспекторомъ. Плотный рыжеватый человѣкъ съ небольшой лысиной, лѣтъ за 40; вдовецъ, женатый вторымъ бракомъ.

ВѢРА ПАВЛОВНА—жена его, стройная молодая женщина съ грустнымъ выраженіемъ лица, лѣтъ около 30-ти.

ОЛЬГА—дочь Боголюбова отъ перваго брака, дѣвушка, только что окончившая гимназію. Носитъ косу, любитъ напѣвать, кружиться; смотритъ на жизнь любопытно-восторженными взорами чистой дѣвичьей души.

ГРИША—сынъ Боголюбова отъ второго брака; очень подвижной, экспансивный мальчикъ 12 лѣтъ, ненавидитъ свои „науки"; остался въ 1-мъ классѣ на второй годъ.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА—мать Боголюбова, вдова изъ духовнаго званія, лѣтъ за 60; полная женщина, неугомонная хозяйка и подозрительная собственница, недовольна всякими „новшествами".

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ—красивый высокій человѣкъ, лѣтъ 28, по внѣшнему виду, жестамъ и манерамъ напоминающій „свободнаго художника": веселъ, жизнерадостенъ, говоритъ пріятнымъ баскомъ. Случайный знакомый Боголюбовыхъ.

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ СОЛОВЬЕВЪ—жирный человѣкъ лѣтъ за 50 страдаетъ одышкой, говоритъ вяло и угрюмо: недавно овдовѣлъ и сильно тоскуетъ по женѣ. Бывшій сослуживецъ Боголюбова.

ритъ съ нимъ. Опять стукъ бубна и гнусавый голосъ: „Шумна Марица“. Входитъ Любовь Васильевна).

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (бѣжитъ къ окну). Перестань! Убирайся вонъ! Работать надо... Лѣнтяй! Что? А въ полицію хочешь? (Отходитъ отъ окна) Навѣрно, и не болгаринъ вовсе, а воръ какой-нибудь... Вымазалъ себѣ рожу и ходитъ... (Озираясь) Что вы тутъ натворили,— не разбери Господи!.. По модѣ это, что-ли!.. ужъ и не знаю... Все новшества, все хочется—не какъ у людей... (Подходитъ къ піанино) Полюбуйтесь: исцарапали! Просила — осторожнѣе, Христомъ Богомъ просила... а! инструментъ 400 цѣлковыхъ!.. Просто сердце кровью обливается. Чужого, видно, никому не жалко...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Не бѣда, Любовь Васильевна... (Идетъ къ окну).

ОЛЬГА (подойдя къ піанино). Я на старой квартирѣ эту царапину видѣла... Вы за эту царапину ругали ужъ меня...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Этакая вещь на всю жизнь покупается... А кто самъ во всю свою жизнь цѣлковаго не заработалъ, тому все „не бѣда“!

ОЛЬГА. Будетъ ужъ... (Съ гримасой отходитъ и прячется въ садикѣ).

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (раскрывъ піанино). Пылищи — сколько угодно!.. И никто не догадается взять тряпку и стереть... (Озабоченно уходитъ за тряпкой въ столовую).

ВѢРА ПАВЛОВНА. Оля, поди сюда, посмотри! Пароходъ идетъ... (Ольга выскакиваетъ изъ „садика“ и бѣжитъ къ окну) Ма-ленькій! Какъ игрушечный... (Слышенъ далекій свистокъ парохода) Когда я вижу убѣгающій пароходъ, мнѣ всегда хочется куда-то уѣхать... Куда?.. Не знаю... И я завидую всѣмъ, кто тамъ, на пароходѣ...

ОЛЬГА. Боже мой, какъ красиво! Ширь, просторъ!.. Какъ я рада, мама, что мы переѣхали сюда! (Цѣлуетъ Вѣру Павловну).

ВѢРА ПАВЛОВНА. Теперь, Оля, мы устроимъ съ тобой нашу жизнь по другому... Будемъ вставать рано

и уходить на рѣку... Будемъ читать, [illegible] Сергѣй Борисовичъ будетъ доставать книги... Скажи, тебѣ нравится Сергѣй [illegible]

ОЛЬГА (смущенно). Н...не знаю... Я боюсь... Съ нимъ очень весело и интере[illegible]вать, но я боюсь.

ВѢРА ПАВЛОВНА (съ улыбкой). Чего-жъ [illegible]

ОЛЬГА. Мнѣ кажется, что... я... ему смѣш[illegible] [illegible] него на лицѣ всегда скользитъ какая-то ироническая улыбочка... Мнѣ обидно...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Смѣшная ты, Оля!.. Ну, что-жъ ты покраснѣла?

ОЛЬГА. Должно быть, ему со мной не интересно. Ничего-то я не знаю, что дѣлается на свѣтѣ... Мнѣ ужасно хочется учиться, путешествовать... Я хотѣла бы быть такой же умной, какъ онъ... (Послѣ паузы) Знаешь: ему не нравится наша жизнь?!..

ВѢРА ПАВЛОВНА (задумчиво). Наша жизнь?.. да... Жизнь у людей коротенькая и не успѣешь оглянуться, какъ она пройдетъ. А мы много спимъ, ссоримся, никого сильно не любимъ и ничѣмъ сильно не интересуемся... Изъ вѣжливости ходимъ въ гости и изъ вѣжливости принимаемъ гостей; томимся скукой, злимся... (Вздохнувъ) У насъ больше половины жизни уходитъ на ссоры, обѣды, чаи и ужины...

ОЛЬГА. Онъ, мама, сравнилъ нашу жизнь... не нашу съ тобой, а, понимаешь, всѣхъ такихъ, какъ мы, женщинъ, съ жизнью утокъ, которыхъ откармливаютъ къ праздникамъ... (Звонко смѣется).

ВѢРА ПАВЛОВНА. Утки... Это хорошо... Ты знаешь: я никогда въ жизни не видала, какъ восходитъ солнце... Никогда!

ОЛЬГА (восторженно). Вчера, когда вы всѣ уснули, я долго сидѣла у окна... Пріотворила ставень и смотрѣла... До самой зари сидѣла... Ахъ, какъ это хорошо! Сперва на небѣ появилась розовая лента, потомъ она стала

ритъ съ нимъ. Опять стукъ бубна и гнусавый голосъ: „Шумна Марица“. Входитъ Любовь Васильевна).

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (бѣжитъ къ окну). Перестань! Убирайся вонъ! Работать надо... Лѣнтяй! Что? А въ полицію хочешь? (Отходитъ отъ окна) Навѣрно, и не болгаринъ вовсе, а воръ какой-нибудь... Вымазалъ себѣ рожу и ходитъ... (Озираясь) Что вы тутъ натворили,— не разбери Господи!.. По модѣ это, что-ли!.. ужъ и не знаю... Все новшества, все хочется—не какъ у людей... (Подходитъ къ піанино) Полюбуйтесь: исцарапали! Просила — осторожнѣе, Христомъ Богомъ просила... а! инструментъ 400 цѣлковыхъ!.. Просто сердце кровью обливается. Чужого, видно, никому не жалко...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Не бѣда, Любовь Васильевна... (Идетъ къ окну).

ОЛЬГА (подойдя къ піанино). Я на старой квартирѣ эту царапину видѣла... Вы за эту царапину ругали ужъ меня...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Этакая вещь на всю жизнь покупается... А кто самъ во всю свою жизнь цѣлковаго не заработалъ, тому все „не бѣда“!

ОЛЬГА. Будетъ ужъ... (Съ гримасой отходитъ и прячется въ садикѣ).

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (раскрывъ піанино). Пылинки — сколько угодно!.. И никто не догадается взять тряпку и стереть... (Озабоченно уходитъ за тряпкой въ столовую).

ВѢРА ПАВЛОВНА. Оля, поди сюда, посмотри! Пароходъ идетъ... (Ольга выскакиваетъ изъ „садика“ и бѣжитъ къ окну) Ма-ленькій! Какъ игрушечный... (Слышенъ далекій свистокъ парохода) Когда я вижу убѣгающій пароходъ, мнѣ всегда хочется куда-то уѣхать... Куда?.. Не знаю... И я завидую всѣмъ, кто тамъ, на пароходѣ...

ОЛЬГА. Боже мой, какъ красиво! Ширь, просторъ!.. Какъ я рада, мама, что мы переѣхали сюда! (Цѣлуетъ Вѣру Павловну).

ВѢРА ПАВЛОВНА. Теперь, Оля, мы устроимъ съ тобой нашу жизнь по другому... Будемъ вставать рано

и уходить на рѣку... Будемъ читать, говорить, думать... Сергѣй Борисовичъ будетъ доставать намъ интересныя книги... Скажи, тебѣ нравится Сергѣй Борисовичъ?..

ОЛЬГА (смущенно). Н...не знаю... Я его немножко боюсь... Съ нимъ очень весело и интересно разговаривать, но я боюсь.

ВѢРА ПАВЛОВНА (съ улыбкой). Чего-жъ ты боишься?..

ОЛЬГА. Мнѣ кажется, что... я... ему смѣшна... У него на лицѣ всегда скользитъ какая-то ироническая улыбочка... Мнѣ обидно...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Смѣшная ты, Оля!.. Ну, что-жъ ты покраснѣла?

ОЛЬГА. Должно быть, ему со мной не интересно. Ничего-то я не знаю, что дѣлается на свѣтѣ... Мнѣ ужасно хочется учиться, путешествовать... Я хотѣла бы быть такой же умной, какъ онъ... (Послѣ паузы) Знаешь: ему не нравится наша жизнь?!..

ВѢРА ПАВЛОВНА (задумчиво). Наша жизнь?.. да... Жизнь у людей коротенькая и не успѣешь оглянуться, какъ она пройдетъ. А мы много спимъ, ссоримся, никого сильно не любимъ и ничѣмъ сильно не интересуемся... Изъ вѣжливости ходимъ въ гости и изъ вѣжливости принимаемъ гостей; томимся скукой, злимся... (Вздохнувъ) У насъ больше половины жизни уходитъ на ссоры, обѣды, чаи и ужины...

ОЛЬГА. Онъ, мама, сравнилъ нашу жизнь... не нашу съ тобой, а, понимаешь, всѣхъ такихъ, какъ мы, женщинъ, съ жизнью утокъ, которыхъ откармливаютъ къ праздникамъ... (Звонко смѣется).

ВѢРА ПАВЛОВНА. Утки... Это хорошо... Ты знаешь: я никогда въ жизни не видала, какъ восходитъ солнце... Никогда!

ОЛЬГА (восторженно). Вчера, когда вы всѣ уснули, я долго сидѣла у окна... Пріотворила ставень и смотрѣла... До самой зари сидѣла... Ахъ, какъ это хорошо! Сперва на небѣ появилась розовая лента, потомъ она стала

увеличиваться, краснѣть,—золотиться... И вдругъ точно весь міръ вздрогнулъ... Я тебѣ не могу передать, какъ это странно, хорошо и красиво! Понимаешь: точно все засмѣялось отъ радости...

ВѢРА ПАВЛОВНА (грустно). А я не видала... Никогда... (Встряхнувъ головой) Но теперь мы увидимъ! Непремѣнно увидимъ!..

ОЛЬГА (становясь грустной). Моя первая мама тоже никогда не видала, какъ восходитъ солнце... Когда она была при смерти, она лежала въ полутемной комнатѣ и часто говорила, что хотѣла бы хоть передъ смертью увидать, какъ восходитъ солнце... (Вынимаетъ платокъ и закрываетъ глаза).

ВѢРА ПАВЛОВНА. Ты, никакъ, плачешь?.. (Ласкаетъ Ольгу) Я тебя люблю такъ же крѣпко, какъ первая мама... Ты такая добрая, чуткая... (Ольга порывисто обнимаетъ Вѣру Павловну и смѣется сквозь слезы) Теперь мы съ тобой будемъ жить по-новому... Вотъ увидишь, какъ намъ будетъ интересно и хорошо!.. Мы не будемъ походить на утокъ...

ОЛЬГА. Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы вы съ папой никогда, никогда не ссорились!.. И съ моей первой мамой они... тоже ссорились... Она часто плакала... Я помню... одинъ разъ... Я была тогда совсѣмъ маленькая... Просыпаюсь я ночью и слышу: кто-то горько-горько плачетъ. (Замѣтивъ входящую Любовь Васильевну, обрываетъ).

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (войдя съ тряпкой, подходитъ къ піанино). И ты, Олечка, погляжу я, такая же неряха, какъ твоя покойная мать... Вотъ тоже, бывало, ничего не жалко!.. А выйдешь замужъ, тебѣ же инструментъ пойдетъ...

ГРИША (вбѣгаетъ красный, потный, поглощенный своими дѣлами). Бабушка! на старой квартирѣ подъ лѣстницей у меня лежали бабки... Куда ты ихъ засунула?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Теперь ты — сынъ инспектора,— прилично ли тебѣ играть въ бабки?

ГРИША. Теперь у тебя стало все неприлично... Въ городки играть—неприлично, въ бабки—неприлично, съ мальчишками играть—неприлично... (Перевѣшивается черезъ окно и съ кѣмъ-то задорно споритъ).

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Географію лучше поучилъ бы!

ГРИША. Только переѣхали — и сейчасъ же географію!.. Мама! Неужели сегодня папа будетъ изъ географіи?.. Только переѣхали...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Вѣроятно, отецъ усталъ сегодня...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Вотъ вѣдь какое баловство! Отецъ старается къ порядку пріучить, а вы — „усталъ"... Усталъ—не усталъ, а ужъ онъ своего дѣла никогда не откладываетъ... (Изъ дверей столовой появляется Дуня, выметающая соръ) Я вотъ тоже устала; какъ ломовая лошадь. (Идетъ и садится въ „садикѣ", сложивъ руки на животѣ) Лѣнтяй... вытянулся балбесомъ... Никто и не вѣритъ, что ему двѣнадцатый годъ... (Ольга тихо бредетъ въ столовую).

ВѢРА ПАВЛОВНА. Пойдемъ, Оля, за ширмами... Мнѣ ужасно хочется устроить этотъ уголокъ.

ОЛЬГА (какъ бы извиняясь). Мнѣ не хочется на улицу... я пойду въ садъ... Мнѣ хочется побыть одной... Ты не сердишься? да?

ВѢРА ПАВЛОВНА. Вотъ еще! Иди, иди... мечтай! А я пойду... Дуня! дай мнѣ шляпу! Она гдѣ-то тамъ! (Дѣлаетъ неопредѣленный жестъ въ пространство; Дуня уходитъ за шляпой. Ольга исчезаетъ. Дуня приноситъ шляпу. Вѣра Павловна надѣваетъ ее и уходитъ: Дуня продолжаетъ мести полъ около „садика").

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Что это у тебя блеститъ въ сору?

ДУНЯ. Иголка, что-ли...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Подними! Нагнуться людямъ лѣнь!..

ДУНЯ (поднявъ и бросая иголку). Не годится она: безъ ушка... (Подогнавъ соръ къ печкѣ, складываетъ его туда руками.

Гриша, подскочивъ къ раскрытому піанино, начинаетъ играть однимъ пальцемъ „чижика“).

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (вскакивая, идетъ къ Гришѣ). Не барабань! не барабань! Инструментъ 400 цѣлковыхъ заплаченъ. (Хочетъ закрыть піанино; Гриша не даетъ, продолжая играть „чижика“). Уйди! руки отшибу! (Хлопаетъ крышкой піанино) Озорь! Погоди, отецъ придетъ, я пожалуюсь...

ГРИША (убѣгая вприскочку встоловую). Ты на все жалуешься, ты извѣстная ябеда! (Исчезаетъ).

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Ахъ, пострѣлъ!.. Погоди!..

ДОМНА (въ дверяхъ столовой). Барыня! У меня дымитъ.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. У васъ всегда дымитъ. На старой квартирѣ дымило... Теперь и здѣсь дымитъ?..

ДОМНА. Не я печки-то строила... (Уходитъ).

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (идя слѣдомъ за ней). Навалите въ плиту цѣлое беремя дровъ, поневолѣ дымитъ... Чего жалѣть: не мы покупаемъ дрова-то!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (входитъ и озабоченно кричитъ вслѣдъ уходящимъ). Одна сажень на печку! Казенная норма! На плиту — полторы!.. (Къ Дунѣ) У тебя, душа моя, опять дверь расперта?

ДУНЯ (бѣжитъ запирать). Только что молодая барыня вышли!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (озираясь). Что за фокусы!.. (Пожимаетъ плечами, заглядываетъ въ „садикъ“). Удивительно...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (входитъ и ворчитъ). Натоплено, какъ въ аду... Дымитъ у нихъ!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Скажите, пожалуйста, мамаша: кто это тутъ распорядился? (Дуня возвращается и стоитъ со щеткой).

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (къ Дунѣ). Иди, дѣлай свое дѣло! Лишній разъ рукой шевельнуть лѣнь... (Дуня уходитъ). Стоитъ, разинула ротъ, а жалованье ей идетъ каждый часъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Что это за мебельная лавка!.. Конура какая-то изъ цвѣтовъ!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Садикъ, говорятъ, это... Не знаю...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Къ чему? (Разрушаетъ „садикъ", разставляя пальмы по угламъ). Да и вообще тутъ хаосъ какой-то... (Начинаетъ переставлять мебель). У людей передъ диваномъ столъ ставится, а у насъ—два пуфа... А третій (озирается)—чортъ его знаетъ, гдѣ... вотъ онъ... Гм!.. Намъ не нравится, если стулья стоятъ прямо и симметрично. Намъ, видите-ли, понадобилось поставить ихъ такъ, какъ они никогда еще не ставились...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (помогая переставлять). По-новому захотѣлось... Новый порядокъ... И жить, говоритъ, станемъ теперь по-новому... Ужъ какую-такую новую жизнь она думаетъ устроить—неизвѣстно...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Не такъ, мамаша! Около дивана ставится кресло, а затѣмъ уже—полу-кресло...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. А я какъ же поставила?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (съ легкимъ раздраженіемъ). Это называется, мамаша, полу-кресломъ, а не кресломъ. Нельзя этого смѣшивать. (Послѣ паузы) А обивочку, пожалуй, придется новую...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Чехлы надѣнемъ - не видать будетъ. Поднимать да заглядывать не станутъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Чехлы?.. Пожалуй... Ничего не оставили на старой квартирѣ? въ каретникѣ? чуланѣ? на подволокѣ?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Все, все! до послѣдняго гвоздя! Сама всю квартиру обошла, все обозрѣла... Чисто! До послѣдняго гвоздя... Я и вьюшки изъ бани забрала: нами онѣ куплены, не хозяиномъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. И прекрасно! Имѣли полное право...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Вьюшки могутъ пригодиться... Онѣ денегъ стоятъ... (Устанавливаютъ мебель по общепринятому въ глухой провинціи шаблону). Ну, слава Богу! Теперь, кажется, все на своемъ мѣстѣ... (Уходитъ въ столовую).

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (оглядываетъ гостиную и потирая руки). Совсѣмъ другое дѣло! (Прохаживается, дѣлаетъ нѣсколько поправокъ, заводитъ часы съ музыкой; часы играютъ „Боже, Царя храни!"... Иванъ Мироновичъ довольнымъ тономъ подпѣваетъ басомъ, затѣмъ подходитъ къ тазику съ пескомъ и плюетъ туда) Эхъ! не попалъ! (Кричитъ) Авдотья! Авдотья!

ДУНЯ (въ дверяхъ). Что, баринъ?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (очень серьезно). Плюнулъ—и не попалъ. (Показываетъ рукой) Вытри, душа моя!.. Сейчасъ же вытри! (Дуня уходитъ и сейчасъ же возвращается со щеткой). Кто же вытираетъ щеткой? щеткой метутъ. Каждая вещь имѣетъ свое назначеніе. (Дуня убѣгаетъ и возвращается съ тряпкой) Вотъ здѣсь!.. (Дуня вытираетъ полъ) И затѣмъ, душа моя, изволь одѣваться поопрятнѣе: ты служишь у инспектора...

ДУНЯ. Возня, уборка... Развѣ можно въ чистомъ?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Ну, сегодня ужъ пускай такъ... А вообще-то, душа моя, надо поопрятнѣе... (Оглядываетъ Дуню, морщится и тихо уходитъ въ кабинетъ. Дуня уходитъ въ столовую. Пауза. Слышно, какъ въ саду поютъ птицы, какъ „тикаютъ" часы и какъ покашливаетъ въ кабинетѣ Иванъ Мироновичъ).

ОЛЬГА (напѣвая „Сладкимъ запахомъ сирени напоенъ душистый садъ", вбѣгаетъ въ гостиную съ книгой въ рукѣ, удивленно-испуганными глазами смотритъ на гостиную и почти съ ужасомъ восклицаетъ) Опять по старому! Кто это испортилъ?..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (изъ кабинета). Что тамъ такое?..

ОЛЬГА (подбѣгаетъ къ двери кабинета). Папочка! Неужели нельзя было оставить, какъ нравится мамѣ? Тебѣ все равно, а ей хотѣлось по-новому...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (изъ кабинета, серьезно). Нѣтъ, не все равно. Кабы было все равно, такъ бы лазили въ окно... А для этого дѣлаются двери... Я не хочу ходить и заниматься.

ОЛЬГА. Ты никогда не хочешь сдѣлать такъ, какъ нравится мамѣ... (Отходитъ отъ кабинета, печально оглядываетъ гостиную и идетъ къ окну,—читаетъ).

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (впопыхахъ входитъ). Ольга! Не видала ключи отъ буфета?

ОЛЬГА (не отрываясь отъ книги). Ничего я не видала... Не мѣшайте!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. „Не мѣшайте“! Все книжки читаешь... А выйдешь замужъ,—щей мужу не сумѣешь сварить...

ОЛЬГА. Я въ кухарки къ мужу не собираюсь... (Уходитъ въ садъ).

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. По-новому тоже хочешь? Все будешь книжки читать, а мужъ будетъ щи варить?.. Къ этому ваша новая-то жизнь клонится... (Звонокъ) Авдотья! Авдотья! (идетъ въ столовую и продолжаетъ кричать. Пробѣгаетъ изъ столовой Дуня. Въ передней слышенъ звонкій веселый голосъ Вѣры Павловны).

ДУНЯ (вноситъ японскія ширмы). Куда ихъ, барыня, поставить-то?

ВѢРА ПАВЛОВНА (въ дверяхъ). Что это значитъ? (Входитъ, озирается). Кто это распорядился?!

ДУНЯ. Баринъ. Имъ не понравилось. Куда ихъ поставить-то?

ВѢРА ПАВЛОВНА (раздраженно). Брось! все равно... не надо...

ДУНЯ (ставя къ стѣнѣ ширмы). Баринъ по-старому захотѣли. (Уходитъ).

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (въ дверяхъ кабинета, въ одномъ жилетѣ). Я распорядился.

ВѢРА ПАВЛОВНА. Вы? Я такъ и знала...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Помилуй, душа моя; это была не гостиная, а хаосъ, хаосъ довременный... Ни въ одномъ порядочномъ домѣ...

ВѢРА ПАВЛОВНА (съ злымъ смѣшкомъ). Конечно! конечно!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (выходитъ на средину гостиной). Некрасиво, неудобно и... безтолково...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (оглядываетъ гостиную и потирая руки). Совсѣмъ другое дѣло! (Прохаживается, дѣлаетъ нѣсколько поправокъ, заводитъ часы съ музыкой; часы играютъ „Боже, Царя храни!"... Иванъ Мироновичъ довольнымъ тономъ подпѣваетъ басомъ, затѣмъ подходитъ къ тазику съ пескомъ и плюетъ туда) Эхъ! не попалъ! (Кричитъ) Авдотья! Авдотья!

ДУНЯ (въ дверяхъ). Что, баринъ?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (очень серьезно). Плюнулъ—и не попалъ. (Показываетъ рукой) Вытри, душа моя!.. Сейчасъ же вытри! (Дуня уходитъ и сейчасъ же возвращается со щеткой). Кто же вытираетъ щеткой? щеткой метутъ. Каждая вещь имѣетъ свое назначеніе. (Дуня убѣгаетъ и возвращается съ тряпкой) Вотъ здѣсь!.. (Дуня вытираетъ полъ) И затѣмъ, душа моя, изволь одѣваться поопрятнѣе: ты служишь у инспектора...

ДУНЯ. Возня, уборка... Развѣ можно въ чистомъ?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Ну, сегодня ужъ пускай такъ... А вообще-то, душа моя, надо поопрятнѣе... (Оглядываетъ Дуню, морщится и тихо уходитъ въ кабинетъ. Дуня уходитъ въ столовую. Пауза. Слышно, какъ въ саду поютъ птицы, какъ „тикаютъ" часы и какъ покашливаетъ въ кабинетѣ Иванъ Мироновичъ).

ОЛЬГА (напѣвая „Сладкимъ запахомъ сирени напоенъ душистый садъ", вбѣгаетъ въ гостиную съ книгой въ рукѣ, удивленно-испуганными глазами смотритъ на гостиную и почти съ ужасомъ восклицаетъ) Опять по старому! Кто это испортилъ?..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (изъ кабинета). Что тамъ такое?..

ОЛЬГА (подбѣгаетъ къ двери кабинета). Папочка! Неужели нельзя было оставить, какъ нравится мамѣ? Тебѣ все равно, а ей хотѣлось по-новому...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (изъ кабинета, серьезно). Нѣтъ, не все равно. Кабы было все равно, такъ бы лазили въ окно... А для этого дѣлаются двери... Я не хочу ходить и запинаться.

ОЛЬГА. Ты никогда не хочешь сдѣлать такъ, какъ нравится мамѣ... (Отходитъ отъ кабинета, печально оглядываетъ гостиную и идетъ къ окну,—читаетъ).

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (вспыхахъ входитъ). Ольга! Не видала ключи отъ буфета?

ОЛЬГА (не отрываясь отъ книги). Ничего я не видала... Не мѣшайте!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. „Не мѣшайте"! Все книжки читаешь... А выйдешь замужъ,—щей мужу не сумѣешь сварить...

ОЛЬГА. Я въ кухарки къ мужу не собираюсь... (Уходитъ въ садъ).

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. По-новому тоже хочешь? Все будешь книжки читать, а мужъ будетъ щи варить?.. Къ этому ваша новая-то жизнь клонится... (Звонокъ) Авдотья! Авдотья! (идетъ въ столовую и продолжаетъ кричать. Пробѣгаетъ изъ столовой Дуня. Въ передней слышенъ звонкій веселый голосъ Вѣры Павловны).

ДУНЯ (вноситъ японскія ширмы). Куда ихъ, барыня, поставить-то?

ВѢРА ПАВЛОВНА (въ дверяхъ). Что это значитъ? (Входитъ, озирается). Кто это распорядился?!

ДУНЯ. Баринъ. Имъ не понравилось. Куда ихъ поставить-то?

ВѢРА ПАВЛОВНА (раздраженно). Брось! все равно... не надо...

ДУНЯ (ставя къ стѣнѣ ширмы). Баринъ по-старому захотѣли. (Уходитъ).

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (въ дверяхъ кабинета, въ одномъ жилетѣ). Я распорядился.

ВѢРА ПАВЛОВНА. Вы? Я такъ и знала...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Помилуй, душа моя; это была не гостиная, а хаосъ, хаосъ довременный... Ни въ одномъ порядочномъ домѣ...

ВѢРА ПАВЛОВНА (съ злымъ смѣшкомъ). Конечно! конечно!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (выходитъ на средину гостиной). Некрасиво, неудобно и... безтолково...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (оглядываетъ гостиную и потирая руки). Совсѣмъ другое дѣло! (Прохаживается, дѣлаетъ нѣсколько поправокъ, заводитъ часы съ музыкой; часы играютъ „Боже, Царя храни!"... Иванъ Мироновичъ довольнымъ тономъ подпѣваетъ басомъ, затѣмъ подходитъ къ тазику съ пескомъ и плюетъ туда) Эхъ! не попалъ! (Кричитъ) Авдотья! Авдотья!

ДУНЯ (въ дверяхъ). Что, баринъ?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (очень серьезно). Плюнулъ—и не попалъ. (Показываетъ рукой) Вытри, душа моя!.. Сейчасъ же вытри! (Дуня уходитъ и сейчасъ же возвращается со щеткой). Кто же вытираетъ щеткой? щеткой метутъ. Каждая вещь имѣетъ свое назначеніе. (Дуня убѣгаетъ и возвращается съ тряпкой) Вотъ здѣсь!.. (Дуня вытираетъ полъ) И затѣмъ, душа моя, изволь одѣваться поопрятнѣе: ты служишь у инспектора...

ДУНЯ. Возня, уборка... Развѣ можно въ чистомъ?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Ну, сегодня ужъ пускай такъ... А вообще-то, душа моя, надо поопрятнѣе... (Оглядываетъ Дуню, морщится и тихо уходитъ въ кабинетъ. Дуня уходитъ въ столовую. Пауза. Слышно, какъ въ саду поютъ птицы, какъ „тикаютъ" часы и какъ покашливаетъ въ кабинетѣ Иванъ Мироновичъ).

ОЛЬГА (напѣвая „Сладкимъ запахомъ сирени напоенъ душистый садъ", вбѣгаетъ въ гостиную съ книгой въ рукѣ, удивленно-испуганными глазами смотритъ на гостиную и почти съ ужасомъ восклицаетъ) Опять по старому! Кто это испортилъ?..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (изъ кабинета). Что тамъ такое?..

ОЛЬГА (подбѣгаетъ къ двери кабинета). Папочка! Неужели нельзя было оставить, какъ нравится мамѣ? Тебѣ все равно, а ей хотѣлось по-новому...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (изъ кабинета, серьезно). Нѣтъ, не все равно. Кабы было все равно, такъ бы лазили въ окно... А для этого дѣлаются двери... Я не хочу ходить и заниматься.

ОЛЬГА. Ты никогда не хочешь сдѣлать такъ, какъ нравится мамѣ... (Отходитъ отъ кабинета, печально оглядываетъ гостиную и идетъ къ окну,—читаетъ).

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (впопыхахъ входитъ). Ольга! Не видала ключи отъ буфета?

ОЛЬГА (не отрываясь отъ книги). Ничего я не видала... Не мѣшайте!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. „Не мѣшайте“! Все книжки читаешь... А выйдешь замужъ,—щей мужу не сумѣешь сварить...

ОЛЬГА. Я въ кухарки къ мужу не собираюсь... (Уходитъ въ садъ).

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. По-новому тоже хочешь? Все будешь книжки читать, а мужъ будетъ щи варить?.. Къ этому ваша новая-то жизнь клонится... (Звонокъ) Авдотья! Авдотья! (идетъ въ столовую и продолжаетъ кричать. Пробѣгаетъ изъ столовой Дуня. Въ передней слышенъ звонкій веселый голосъ Вѣры Павловны).

ДУНЯ (вноситъ японскія ширмы). Куда ихъ, барыня, поставить-то?

ВѢРА ПАВЛОВНА (въ дверяхъ). Что это значитъ? (Входитъ, озирается). Кто это распорядился?!

ДУНЯ. Баринъ. Имъ не понравилось. Куда ихъ поставить-то?

ВѢРА ПАВЛОВНА (раздраженно). Брось! все равно... не надо...

ДУНЯ (ставя къ стѣнѣ ширмы). Баринъ по-старому захотѣли. (Уходитъ).

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (въ дверяхъ кабинета, въ одномъ жилетѣ). Я распорядился.

ВѢРА ПАВЛОВНА. Вы? Я такъ и знала...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Помилуй, душа моя; это была не гостиная, а хаосъ, хаосъ довременный... Ни въ одномъ порядочномъ домѣ...

ВѢРА ПАВЛОВНА (съ злымъ смѣшкомъ). Конечно! конечно!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (выходитъ на средину гостиной). Некрасиво, неудобно и... безтолково...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Не симметрично? Конечно! Вы... вы удивительно симметричный человѣкъ!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Нѣтъ ничего удивительнаго: законъ симметріи, это, душа моя, міровой законъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Еще бы!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (очень спокойно). Сама природа подчиняется этому закону... У всѣхъ людей—двѣ руки, расположенныя вполнѣ симметрично, двѣ ноги...

ВѢРА ПАВЛОВНА (перебивая). И только одна голова!.. И, къ сожалѣнію, не всегда умная!.. Вы удивительно симметричны! У васъ даже всѣ добродѣтели съ пороками расположены симметрично!

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Весьма вѣроятно.

ВѢРА ПАВЛОВНА. У васъ на пятакъ добродѣтелей и ровно на пятакъ пороковъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Какіе, скажите пожалуйста, сады вамъ понадобились, когда у васъ подъ бокомъ есть настоящій садъ? Вамъ хотѣлось, видимо, устроить укромный уголокъ для вашихъ умныхъ разговоровъ съ этимъ... господиномъ... Какъ его? Два креслица, шиворотъ-на-выворотъ, кругомъ цвѣты... Во вкусѣ второй имперіи!

ВѢРА ПАВЛОВНА (злобно хохочетъ). Второй имперіи!.. А вы думаете, что вашему царствованію не будетъ конца?..

ОЛЬГА (входитъ изъ столовой въ вѣнкѣ изъ бѣлой сирени). Опять вы! Будетъ вамъ! Папочка!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (къ женѣ). Лѣчиться вамъ, мадамъ, слѣдуетъ, полѣчиться... (Уходитъ въ кабинетъ и затворяетъ за собой дверь. Вѣра Павловна садится у окна и, тоскливо подперевъ голову, смотритъ туда. Приближается Ольга: прижимается къ Вѣрѣ Павловнѣ. Обѣ молчатъ. Слышно, какъ поютъ въ саду птицы и „тикаютъ“ часы).

ГРИША (вбѣгаетъ съ птичкой въ ладоняхъ рукъ). Мама! Мамочка! Я пѣночку поймалъ! Ей-Богу! Честное слово!.. Вотъ здѣсь она! (Къ пѣночкѣ) Миленькая моя, ненаглядная!..

ОЛЬГА. Сомнешь ее! Выпусти на волю!..

ГРИША. Дай пятакъ, такъ выпущу!

ОЛЬГА. Безсовѣстный! Папа тебѣ не велѣлъ мучить животныхъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Выпусти, Гриша...

ГРИША. Да-а! Я ловилъ-ловилъ... Я ее въ клѣтку посажу...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (входитъ, побрякивая ключами). Сколько у насъ, Вѣра Павловна, новыхъ салфетокъ-то было куплено?

ГРИША. А у меня—пѣночка!

ВѢРА ПАВЛОВНА. Не помню... Не знаю...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Вотъ тебѣ и разъ! Кто же будетъ знать? Этакъ весь домъ растащутъ! (Тихо уходитъ въ столовую).

ГРИША (идетъ рядомъ). Дай пятакъ, выпущу!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Ахъ ты, мучитель! Что у тебя отецъ-то самъ, что-ли, пятаки-то дѣлаетъ?! (Оба скрываются въ столовой).

ОЛЬГА (послѣ большой паузы). Мама?

ВѢРА ПАВЛОВНА (разсѣянно). Что, голубчикъ?

ОЛЬГА. Что ты молчишь?

ВѢРА ПАВЛОВНА. Такъ... думаю...

ОЛЬГА. О чемъ? а? (Встаетъ передъ Вѣрой Павловной, заглядываетъ ей въ глаза).

ВѢРА ПАВЛОВНА (какъ бы очнувшись). Не знаю, голубчикъ... Сама не знаю...

ОЛЬГА (снявъ съ головы вѣнокъ). Посмотри: я сдѣлала вѣнокъ. Какъ много у насъ въ саду сирени! Ужасъ!

ВѢРА ПАВЛОВНА. Да?

ОЛЬГА. Цѣлая аллея! Съ одной стороны — бѣлая, а съ другой—лиловая... Хочешь—пойдемъ въ садъ?

ВѢРА ПАВЛОВНА. Нѣтъ, не хочется... Иди!

ОЛЬГА. Ты любишь бѣлую сирень? (Вертитъ въ рукахъ вѣнокъ).

ВѢРА ПАВЛОВНА. Я? Да...

ОЛЬГА. Въ Малороссіи всѣ дѣвушки носятъ вѣнки... Какъ это, должно быть, красиво! Ты никогда не была въ Малороссіи?

ВѢРА ПАВЛОВНА. Нѣтъ.

ОЛЬГА. А гдѣ ты жила, когда была маленькая?

ВѢРА ПАВЛОВНА. Въ большомъ каменномъ домѣ. Я училась въ Петербургѣ въ сиротскомъ институтѣ... У меня рано умерли и отецъ и мать, и не было близкихъ людей. И все мое дѣтство и юность прошли тамъ, въ каменномъ домѣ... Кругомъ дома была каменная ограда, съ высокой чугунной рѣшеткой... А у воротъ была будка, и въ ней всегда сидѣлъ сторожъ...

ОЛЬГА. А потомъ?

ВѢРА ПАВЛОВНА. А потомъ... потомъ я вышла изъ этого каменнаго дома и перешла въ другой каменный домъ: поступила въ гувернантки. А потомъ... Ничего больше! Вышла замужъ и теперь... вотъ видишь... сдѣлалась... инспекторшей и живу... здѣсь... (Пауза).

ОЛЬГА (пристально смотритъ на Вѣру Павловну, улыбается). Ты... очень хорошенькая... Я на тебя надѣну вѣнокъ... (Приподнимаетъ надъ головой Вѣры вѣнокъ) Позволишь?

ВѢРА ПАВЛОВНА (беретъ вѣнокъ и кладетъ его на окно). Не надо... не стоитъ... Поздно... Счастливая моя дѣтка! (Привлекаетъ Ольгу и цѣлуетъ ее въ голову) Ничего-то ты не знаешь... (Гладитъ Ольгу по головѣ) И я была такая же... (Прижавшись другъ къ другу, онѣ молча смотрятъ въ окно; слышно, какъ въ саду поютъ птицы; потомъ доносится сердитый окрикъ Любови Васильевны на прислугу. Опять тихо).

ОЛЬГА. Посмотри, мамочка: рѣка здѣсь золотая, а вонъ тамъ синяя, какъ небо... А тамъ луга, зеленые-зеленые и что-то бѣлѣетъ... Далеко-далеко видно!..

ВѢРА ПАВЛОВНА. Да далеко... Очень далеко...

ОЛЬГА. А тамъ—синій туманъ... Словно горы... Такъ бы и убѣжала туда... Правда? Если бы у меня были

крылья, я сейчасъ же полетѣла бы туда!.. Черезъ рѣку, черезъ луга, туда, гдѣ синіе туманы... Что тамъ?

ВѢРА ПАВЛОВНА. Ничего нѣтъ... Все то же... (Съ улицы доносится выкрикивающій голосокъ дѣвочки: „Цвѣтовъ! цвѣтовъ не надо ли, барышня?“)

ОЛЬГА (перегибаясь черезъ подоконникъ). Цвѣты... (Обернувшись къ Вѣрѣ Павловнѣ) Ландыши, мамочка! (Кричитъ въ окно) Бросай сюда!.. Деньги? На, лови! (Бросаетъ въ окно монету) Поймала? Ну, бросай!.. (Въ окно влетаетъ нѣсколько связанныхъ въ небольшіе букетики ландышей; Ольга со смѣхомъ ловитъ ихъ, поднимаетъ съ полу, и, собравъ въ одинъ букетъ, подаетъ Вѣрѣ Павловнѣ) Это я—тебѣ, на новоселье!

ВѢРА ПАВЛОВНА. Благодарю тебя, милая дѣтка! (Цѣлуетъ Ольгу).

ОЛЬГА. Ты, вѣдь, любишь ландыши?

ВѢРА ПАВЛОВНА. Да, люблю. Они какіе-то странные, особенные: хрупкіе и нѣжные... Словно выросли не на землѣ... Они цвѣтутъ очень недолго... Скоро они пропадутъ...

ОЛЬГА. Поставимъ ихъ въ воду! (Убѣгаетъ въ свою комнату и сейчасъ же возвращается съ наполненнымъ водою стаканомъ) Давай сюда! (Ставитъ цвѣты въ стаканъ: вода переливается черезъ края) Ухъ! черезъ край! Облилась! Я буду каждый день перемѣнять воду,—они будутъ жить долго-долго...

ВѢРА ПАВЛОВНА (грустно). Все равно... завянутъ...

ОЛЬГА (ставитъ цвѣты на подоконникъ и, увидя идущаго по улицѣ Сергѣя Борисовича, кричитъ) Сергѣй Борисовичъ! (Очень привѣтливо киваетъ головой) Мы переѣхали!.. Мама? Она дома... Вотъ здѣсь! (Показываетъ лѣвой рукой на Вѣру Павловну) Она груститъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Оля! Зачѣмъ объ этомъ говорить? Кому это интересно!..

ОЛЬГА. Зайдите! Что? Хоть на одну минуточку! (Бѣжитъ отъ окна въ переднюю) Я его напугаю!.. (Вѣра Павловна на-скоро оправляетъ прическу ,платье. Въ передней слышенъ хохотъ Ольги и гудящій басокъ Сергѣя Борисовича)

ОЛЬГА (выскакиваетъ изъ передней, радостно смѣется и хлопаетъ въ ладоши). Ура! Напугала!.. А еще говоритъ, что ничего на свѣтѣ не боится!

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (входитъ). Чуть-чуть въ обморокъ не упалъ... Здравствуйте, Вѣра Павловна! (Здоровается съ Вѣрой) Съ новосельемъ, значитъ... (Оглядываетъ гостиную)

ВѢРА ПАВЛОВНА. Мы еще все устраиваемся...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Все, какъ слѣдуетъ: и диванчикъ, и цвѣточки, и картиночки... (Подходитъ къ картинѣ, разсматриваетъ) Это что же изображаетъ?

ОЛЬГА. Развѣ не видите? Дѣвушка съ кошкой!

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Трогательно! Стало быть, тамъ (Показываетъ на другую картину)—Мальчикъ съ собачкой?.. (Вѣра Павловна смѣется нервнымъ смѣхомъ)

ОЛЬГА. Вотъ и не угадали: не съ собачкой, а съ обезьяной!..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Ну, это еще оригинальнѣе!..

ВѢРА ПАВЛОВНА. Почему вы всегда веселый, жизнерадостный?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Не знаю, Вѣра Павловна...

ОЛЬГА. Вы—счастливый?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (смѣется). Должно быть счастливый... А вамъ, Ольга Ивановна, вѣроятно, надоѣло жить?!

ОЛЬГА. Убирайтесь вы! Вѣчно подтрунивае...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Вы любите жизнь?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Люблю и жизнь, и себя, и немножко людей... Люблю слушать, какъ поютъ ночью соловьи, какъ при закатѣ солнца квакаютъ лягушки... И лягушекъ люблю!

ОЛЬГА (хохочетъ). Ненавижу лягушекъ... Холодныя, скользкія!.. (Дѣлаетъ нервное движеніе отъ ощущенія гадливости).

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Люблю смотрѣть, какъ смѣется солнышко и какъ груститъ луна... (Присаживается на стулъ)

ОЛЬГА. А-а! Это и я люблю.

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ ...какъ плачетъ осенью дождикъ и какъ зимой крутитъ въ полѣ мятель... Однажды меня препровождали изъ одного сквернаго города въ другой, еще болѣе скверный... Морозы стояли великолѣпные! Снѣгъ сіялъ такъ, что трудно было смотрѣть... Сибирскія лошади — это, я вамъ скажу, — птицы! Летишь, духъ замираетъ... А главное, пріятно ужъ очень ощущеніе неизвѣстности! Куда-то ѣдешь—и самъ хорошенько не знаешь; что-то съ тобой будетъ, — и тоже ничего не знаешь. Висишь себѣ среди снѣговъ, слушаешь колокольчики и бубенчики и сливаешься съ этимъ холоднымъ сверкающимъ царствомъ снѣговой пустыни... Ей-Богу, хорошо! 800 верстъ проѣхали...

ОЛЬГА (незамѣтно подходитъ и неожиданно надѣваетъ на голову Сергѣя Борисовича вѣнокъ изъ сирени. Тотъ хочетъ снять вѣнокъ). Не снимайте! Я васъ прошу! Пожалуйста. (Любуется) Очень красиво! Когда римскіе полководцы возвращались съ полей битвы побѣдителями, на нихъ надѣвали вѣнки...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (шутливо). Ну, а я не полководецъ и никого еще не побѣдилъ. Все еще сражаюсь.. А потому... (Хочетъ снять вѣнокъ)

ОЛЬГА (не даетъ снять). Вы побѣдите! Непремѣнно побѣдите!

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Вы вѣрите въ это?

ОЛЬГА. Вѣрю! вѣрю!

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Ну, тогда нехай его лежитъ на головѣ! (Къ Вѣрѣ Павловнѣ) Прочитали „Мадамъ Бовари“?

ВѢРА ПАВЛОВНА. Прочитала.

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Понравилась книга?

ОЛЬГА. Очень! очень!.. Мама плакала!

ВѢРА ПАВЛОВНА (чувствуя неловкость). Съ чего это ты взяла, Оля?

ОЛЬГА. Зачѣмъ ты скрываешь? Развѣ это—дурно?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (входитъ, здоровается съ Сергѣемъ Борисовичемъ). Вѣночекъ, сударь, надѣли?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (смущенно). Я и забылъ... (Снимаетъ вѣнокъ) Это все Ольга Ивановна... шалитъ.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Хозяинъ не велѣлъ рвать сирень-то!

ОЛЬГА. Пустяки! Чѣмъ больше ее рвать, тѣмъ она будетъ лучше на будущую весну!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (уходя). Очень ужъ ты у насъ бойкая на язычекъ-то! А поди-ка вотъ—поругайся съ хозяиномъ!

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (хочетъ выйти изъ кабинета въ одномъ жилетѣ, но, замѣтивъ гостя, сухо произноситъ). Виноватъ-съ! (Скрывается. Вѣра начинаетъ смѣяться)

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Ну, однако, надо бѣжать...

ОЛЬГА (недовольно). Куда вы?

ВѢРА ПАВЛОВНА. Какое тебѣ, Оля, дѣло?..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Далеко, отсюда не видать... (Жметъ руки и уходитъ. Ольга, присѣвъ за піанино, начинаетъ играть грустные мотивы. Вѣра Павловна сидитъ въ задумчивой позѣ у окна. Вдали слышенъ крикъ Любови Васильевны на Гришу, затѣмъ Гриша стремглавъ пролетаетъ изъ столовой въ гостиную и прячется отъ бабушки въ комнатѣ Ольги)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (входитъ, догоняя бѣглеца; въ одной рукѣ у ней ремень, въ другой—шпага Ивана Мироновича). Гдѣ онъ? Вотъ озорникъ! Отцовской шпагой въ саду крапиву рубитъ!.. Надѣлъ ордена и крапиву рубитъ...

ОЛЬГА. Вы безъ ремня не можете...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Я—по старому способу... Это ужъ вы по-новому, а я выдеру вотъ,—не будетъ безобразничать въ другой разъ! (Идетъ въ комнату Ольги. Вѣра Павловна вскакиваетъ и заграждаетъ дверь)

ВѢРА ПАВЛОВНА. Я не позволю бить ремнемъ!..

ГРИША (голосъ изъ комнаты). Мамочка! милая! Она ужъ меня побила! Ей все мало!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (крикливо). Молчи! Вотъ я на-

дѣну на тебя собачій намордникъ, будешь у меня разсуждать! (Къ вѣрѣ) Дурой онъ меня обругалъ.

ВѢРА ПАВЛОВНА. Я его накажу сама... Бить не позволю!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (выходитъ изъ кабинета; тономъ слѣдователя). Что такое вышло? Разскажите!.. Что онъ надѣлалъ?..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (размахивая рукой). Я отказываюсь воспитывать твоихъ дѣтей! Что это такое: гдѣ бы поучить хорошенько, а мать потворствуетъ! Это по-новому! Возьми твою шпагу... на! (Суетъ Ивану Мироновичу шпагу) Мнѣ наплевать на васъ и на вашу новую жизнь! Обругалъ меня дурой, а ты его не смѣй пальцемъ тронуть! (Бросаетъ на полъ ремень и уходитъ въ столовую)

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (ей вслѣдъ). Погодите! Надо же разобрать!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (изъ столовой). Сами воспитывайте!

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Что такое вышло, Ольга?

ОЛЬГА. Гриша взялъ твои ордена и шпагу... игралъ ими... больше ничего, а бабушка сейчасъ же за ремень...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. А дурой мамашу онъ дѣйствительно назвалъ?

ГРИША (изъ комнаты, плаксиво). Вретъ она! Она сама меня обругала дуракомъ, а я сказалъ: „дуракъ—родомъ такъ!..“ Вретъ она!

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (очень строго). Вретъ?!.. Кто вретъ? Это ты про старшихъ?! (Идетъ къ Гришѣ, отстраняетъ Вѣру Павловну и входитъ въ дверь. Изъ комнаты несется плачъ и крикъ Гриши: „не буду, папочка! не буду, миленькій! будетъ, папочка!.. будетъ!..“ Ольга, заткнувъ уши, убѣгаетъ въ столовую)

ВѢРА ПАВЛОВНА (поднявъ ремень съ полу, бросаетъ въ комнату Ольги). Господинъ инспекторъ! Вы позабыли ремень!.. (Въ сильномъ волненіи уходитъ изъ гостиной)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (входитъ съ орденами). Вотъ

этакъ-то лучше! Будетъ помнить .. (Крики въ комнатѣ стихаютъ) А по-новому-то ужъ вы тамъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (выходитъ изъ комнаты, ухмыляется). Брыкается, негодяй, ногами! (Смотритъ на руку) Ссадилъ вѣдь!.. И оретъ!.. Я его не больно, а онъ оретъ на весь домъ... Брыкается ногами!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Они что-то всѣ стали брыкаться... (Протягиваетъ ордена) На, спрячь ордена-то!. (Слышно, какъ въ столовой накрываютъ столъ къ обѣду)

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (беретъ ордена, смотритъ и вдругъ раздраженно кричитъ). А гдѣ же Анна? Нѣтъ Анны! Подите, ищите Анну!..

ГРИША (выглянувъ изъ двери). Анна, папочка, здѣсь.. у меня въ карманѣ!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Подай сюда! (Подходитъ къ двери, изъ которой торчитъ рука Гриши съ орденомъ. Иванъ Мироновичъ беретъ орденъ и хлопаетъ по рукѣ Гришу. Затѣмъ идетъ въ кабинетъ) Игрушки устроилъ...

ДУНЯ (въ дверяхъ). Кушать подано!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Зови молодую барыню и барышню!

ДУНЯ. Молодая барыня не будутъ кушать: онѣ пить хотятъ, а барышня читаютъ въ саду книжку и говорятъ, что у нихъ нѣтъ аппетиту... (Исчезаетъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Вотъ они, порядки пошли какіе!.. Стряпано на пять душъ, а у нихъ аппетиту нѣтъ... (Всплеснувъ руками, идетъ въ столовую)

Занавѣсъ.

Иванъ Миронычъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Заброшенный садъ при квартирѣ Боголюбовыхъ. Слѣва отъ зрителя, подъ угломъ, поднимается сѣрая стѣна стараго деревяннаго дома; къ стѣнѣ примыкаетъ низкая открытая веранда въ садъ На веранду выходятъ четыре окна со ставнями и между ними двойныя двери въ столовую—стеклянныя и глухія. Посрединѣ веранды—столъ, на немъ букеты изъ сирени. Отъ веранды разбѣгаются тропинки вглубь сада. Справа видна часть забора, утыканнаго по верху ржавыми гвоздями. Время—подъ вечеръ. Верхушки дальнихъ березъ обрызганы золотистымъ свѣтомъ низкаго солнца; свѣтъ и тѣни тянутся по травѣ, переплетаясь замысловатыми узорами. Кое-гдѣ бѣлѣетъ цвѣтущая сирень. На аван-сценѣ—двѣ старыхъ березы, подъ тѣнью которыхъ круглый обросшій грибами столъ, съ лавочками вокругъ въ видѣ буквы „п". При поднятіи занавѣса Иванъ Мироновичъ, безъ пиджака, но въ галстукѣ, сидитъ на лѣстницѣ веранды и сооружаетъ огородное пугало; около Ивана Мироновича копошится Гриша, поглощенный устройствомъ этого пугала. Дуня приготовляетъ подъ березами столъ для вечерняго чая. Съ рѣки вѣтерокъ доноситъ пѣніе судовыхъ рабочихъ: „О-о, разокъ, да вотъ разокъ! Еще маконькій разокъ!"

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (въ благодушномъ настроеніи). Вотъ видишь: и мой старый фракъ пригодился, и бабушкина шляпка пригодилась... Все можно употребить, братецъ мой, съ пользой... (Поднимаетъ „чучело").

ГРИША. Папочка! рукава болтаются!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Такъ оно и слѣдуетъ. Рукава будутъ отъ вѣтра болтаться, а воробьи и галки будутъ думать, что это—настоящій человѣкъ машетъ руками, и будутъ бояться... И ягоды, другъ мой, будутъ цѣлѣе... Поставимъ это пугало на дорожкѣ... Привяжемъ

его на длинную палку и воткнемъ въ землю... А чтобы удобнѣе было воткнуть, заостримъ конецъ... Понимаешь теперь?.. (Навязавъ пугало на палку, встаетъ и несетъ его вглубь сада. Гриша въ ажитаціи бѣжитъ позади).

ГРИША. Точно вѣдьма, папочка!.. Еще сдѣлаемъ?..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Нѣсколько штукъ сдѣлаемъ... (Исчезаютъ за кустами).

ГРИША (голосъ издали). У бабушки есть твоя старая треуголка!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (выходитъ съ чаемъ и сахаромъ на веранду и ворчитъ). Нищихъ этихъ сколько развелось, отбою нѣтъ!.. Домъ бы трудолюбія имъ, что-ли, выстроить... (Къ Дунѣ) Я тебѣ велѣла на верандѣ?!.

ДУНЯ. Я не знаю, кого слушаться: барышня велѣли здѣсь, а вы на верандѣ... (Уходитъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (спускаясь съ лѣстницы). Вкуснѣе, что ли, будетъ чай-то, если его пить на гниломъ столѣ подъ березами?.. Ходи сюда чай пить, когда на верандѣ и столъ, и всѣ удобства... (Отряхаетъ скамью) Воробьи тутъ прыгаютъ...

ОЛЬГА (сбѣгая съ веранды). Какъ пріятно въ вечеръ майскій чай китайскій... Гдѣ папа? Эта вдова опять пришла... Пусть папа поговоритъ съ ней,—мнѣ ее жалко...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (сорвавшись съ мѣста). Опять? (Идетъ въ комнаты) Иванъ Миронычъ тоже человѣкъ... Ему тоже покой нуженъ...

ОЛЬГА. Погоди: я скажу папѣ!.. Она плачетъ...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Нечего его безпокоить... Чаю напиться не дадутъ. (Исчезаетъ въ дверяхъ столовой)

ОЛЬГА (кричитъ). Папа! Па-па! Пришла вдова! (Медленно уходитъ и скрывается за кустами).

ДУНЯ (несетъ самоваръ). То на лужайку, то подъ березы... Потаскай вотъ его, проклятаго! (Ставитъ самоваръ на столъ подъ березами). Скипѣлъ, что ли?.. (Продуваетъ самоваръ) И мошекъ перестали бояться... (Уходитъ въ комнаты)

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (за нимъ опечаленная чѣмъ-то Ольга и веселый Гриша). Я тебѣ разъ навсегда сказалъ, чтобы ты не лѣзла не въ свое дѣло!.. Мало ли кто плачетъ?! (Дѣловитой походкой идетъ въ комнаты. Гриша и Ольга отстаютъ)

ГРИША. Видѣла чучелу? Мы съ папой еще сдѣлаемъ...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (идетъ съ веранды). Прицѣпилась, какъ крючокъ... Поѣзжай, куда хочешь!.. Этого невозможно запретить... Пугаетъ тоже... (Къ Ольгѣ) А ты сказала-таки отцу?.. Языкъ чешется?.. (Завариваетъ чай)

ГРИША (къ бабушкѣ). Видѣла чучелу?.. (Поднимаетъ камешекъ и бросаетъ въ воробьевъ на березѣ).

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Не смѣй кидать!.. Въ чай насоришь...

ГРИША. Я—въ воробья!... Чуть-чуть не попалъ... Ей-Богу!

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (появившись на верандѣ, строго). Григорій! Заниматься!

ГРИША (тихо, съ опущенной головой, идетъ къ верандѣ). Что, папочка?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Заниматься!

ГРИША. Успѣемъ, папочка... Еще рано. Самоваръ подали...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. У лѣнтяевъ всегда бываетъ рано...

ГРИША. Давай, папочка,—здѣсь?! Въ комнатахъ душно...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Здѣсь?.. Гм... Ну, что же... Можно и здѣсь. Неси географію. А въ кабинетѣ есть глобусъ: въ газету онъ завернутъ! на этажеркѣ! И его захвати! (Гриша уходитъ въ столовую).

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Чай-то, Ваня, будешь пить?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (смотритъ на часы). Я говорилъ,—самоваръ не ранѣе шести! Въ пять я всегда

буду заниматься съ Григоріемъ. И, затѣмъ, что за фантазія таскаться съ самоваромъ по саду?..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (къ Ольгѣ). Вотъ видишь! Слышала?..

ОЛЬГА. Я люблю эти двѣ березы... хмурыя онѣ, задумчивыя, точно два старыхъ великана... О чемъ-то все думаютъ...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Березы, какъ березы... Въ первый разъ, что ли, ты видишь березы-то?.. (Пьютъ чай, перекидываются словами. Ольга заплетаетъ распустившуюся косу, мурлычетъ пѣсенку,—поймала муравья и пугаетъ имъ Любовь Васильевну).

ГРИША (съ глобусомъ и учебникомъ выходитъ на веранду; печально). Вотъ, папочка, принесъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Садись! Я тебѣ разъ навсегда сказалъ и еще разъ повторяю: теперь устанавливается такой порядокъ: занятія—ежедневно въ пять часовъ вечера, кромѣ дней праздничныхъ и неприсутственныхъ. (Пауза)

ГРИША. Сышишь, какъ пѣночка поетъ?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. У тебя въ головѣ только бабки да пѣночки. (Ставитъ передъ собой глобусъ) Въ послѣдній разъ мы съ тобой говорили о землѣ...

ГРИША. О землѣ, папочка...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (приподнявъ глобусъ). Вотъ это и есть не что иное, какъ земля! (Любовно поглаживаетъ ладонью глобусъ, фамильярно похлопываетъ его рукой по боку).

ГРИША. Точно арбузъ, папочка...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Молчи и внимай! Какъ видишь, земля есть не что иное, какъ шаръ, который... вертится. (Вертитъ глобусъ на стержнѣ,—глобусъ не вертится)

ГРИША. Не вертится, папочка?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Испортили уже!.. (Поправляетъ и вертитъ глобусъ) Вертится, какъ я уже говорилъ, двояко... А именно? Какъ вертится?

ГРИША. Двояко, папочка...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Совершенно вѣрно, двояко... Какъ же именно? (Пауза) Во-первыхъ (дѣлаетъ движеніе рукой), по орбитѣ, а во-вторыхъ?

ГРИША. И еще... еще...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Ну?

ГРИША. Вокругъ этой... оси... папочка!

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Хорошо-съ. По орбитѣ и вокругъ своей оси..

ГРИША. А она зачѣмъ, папочка, вертится?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Она... мм... Это пока оставимъ... Со временемъ узнаемъ... Не въ этомъ дѣло... Теперь, что такое ось?

ГРИША (тыкая пальцемъ). Вотъ эта штука, папочка!

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Не штука, а „ли-нi-я, мысленно про-во-ди-мая черезъ оба полюса, называется земной осью". Повтори! (Гриша повторяетъ и путаетъ. Иванъ Мироновичъ повторяетъ снова: „линія..." и т. д. Слышенъ тихій далекій свистокъ парохода)

ГРИША (тихо). Пароходъ идетъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (вздохнувъ). Ротозѣйничаешь, братецъ... Пойдемъ-ка лучше въ кабинетъ... Развлекаешься пустяками... Неси глобусъ! (Уходятъ въ комнаты: Иванъ Мироновичъ — впереди, Гриша за нимъ, вертитъ глобусъ на стержнѣ).

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Долей чайникъ-то! Сольешь весь чай, а отецъ любитъ крѣпкій. Онъ два стакана только пьетъ, но любитъ покрѣпче...

ОЛЬГА. Прѣлый чай... Вѣникомъ пахнетъ...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Привередница ты... То—вѣникомъ пахнетъ, то—содой отзывается... Не пей, если не нравится. Вода жесткая, и маленько соды вовсе не вредитъ...

ДУНЯ (идетъ съ веранды со сливками). Сливки для барина...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Теперь, Авдотья, такой порядокъ: въ пять часовъ баринъ будетъ заниматься съ Гришей, самоваръ надо подавать къ шести. А то и географія, и самоваръ. Что-нибудь ужъ одно!..

ольга. Мнѣ про географію ничего не говорили, я и [illegible] къ пяти... (Уходитъ)

любовь васильевна (ей вслѣдъ). Говори, дура, повыкливѣе! Слышишь?

ольга (вставъ съ лавки). Вѣникомъ пахнетъ... (Тихо уходитъ вглубь сада, напѣвая какой-то романсъ. Съ веранды, держа въ рукѣ соломенную шляпу, идетъ Соловьевъ).

соловьевъ. Чаекъ попиваете? (Кланяется)

любовь васильевна. А-а, это—вы? Присаживайтесь-ка!

соловьевъ. Я... (Здоровается, садится и отираетъ лицо платкомъ) Вспотѣлъ.

любовь васильевна. У васъ и спина-то мокрая... Я вамъ стаканчикъ налью...

соловьевъ. Благодарствую... По горамъ лазилъ,—ноги дрожатъ.

любовь васильевна. Зачѣмъ же это вы? По горамъ-то? При вашей комплекціи не слѣдуетъ (Подаетъ стаканъ чаю).

соловьевъ. Ходилъ туда, къ обрыву... Старину вспомнилъ. Мы съ покойной женой любили тамъ вечеркомъ посидѣть, да на рѣку посмотрѣть... Раньше это было, когда оба были помоложе... (Мѣшая ложечкой въ стаканѣ) Да-а... вотъ она, жизнь-то!.. Сперва на горы, а потомъ... (Вздохнувъ) Странно все это устроено...

любовь васильевна. Не намъ судить, батюшка...

соловьевъ. Родился, учился, женился, овдовѣлъ, вышелъ въ отставку... А теперь чуть на горку,—одышка, ноги дрожатъ...

любовь васильевна. Все на старой квартирѣ живете?

соловьевъ. На старой.

любовь васильевна. Куда вамъ? Теперь вы—одинъ. Лишній расходъ.

соловьевъ. Жалко бросить. Все-таки... четыре года на этой квартирѣ съ Анюточкой жили... Ходишь и

вспоминаешь... Я все оставилъ, какъ было при Анюточкѣ: и спальня, и столовая... Въ спальной,—комодъ съ зеркаломъ, а на комодѣ Анютины шпильки валяются. Какъ бросила, такъ и остались... Подойдешь, и будто все по-старому...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. А другіе не любятъ. Сейчасъ же съѣзжаютъ. Вонъ у Кротовыхъ дѣвочка померла, всего-то ей было три года, а сейчасъ же переѣхали... Что же дѣлать? все въ рукахъ Божіихъ... (Послѣ небольшой паузы) А кахетинскихъ курочекъ-то держите?

СОЛОВЬЕВЪ (махнувъ рукой). Бросилъ.. все бросилъ и куръ подарилъ...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (съ сожалѣніемъ). Эхъ, что же вы, батюшка, ничего не сказали? И пѣтуха мохноногаго подарили?

СОЛОВЬЕВЪ. Подарилъ... (Позѣвываетъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Что-бы спросить!.. Не надо-ли, дескать?.. Эхъ вы!.. А еще другомъ нашего семейства называетесь...

СОЛОВЬЕВЪ. Рано всталъ сегодня. Плохо спалъ...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Что же это?..

СОЛОВЬЕВЪ. Не знаю. Вчера вздумалось пельменей поѣсть. Анюточка была большая мастерица ихъ дѣлать. Каждое воскресенье, бывало.. Вспомнилъ... велѣлъ приготовить... поѣлъ...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. На ночь-то нехорошо. У насъ Иванъ Миронычъ только стаканъ молока пьетъ. Не ужинаетъ.

СОЛОВЬЕВЪ (не слушая). Разное представляется: то будто бы Анюточка ходитъ, то будто зоветъ. Задремлешь, и вдругъ, вотъ какъ на яву,—(зоветъ) „Павликъ!“... Вздрогнешь даже! А подъ утро заснулъ и вижу, будто будочникъ, огромный этакій, съ рыжими усами, схватилъ меня за горло и душитъ...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (сочувственно). Лишняго покушали.

СОЛОВЬЕВЪ. Странно все это... Много на свѣтѣ страннаго, непонятнаго...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Еще бы!.. (Вдали звучитъ пѣсенка Ольги).

СОЛОВЬЕВЪ. Поетъ все барышня... Молодость! Кажется, что все побѣдишь и никогда не состаришься... (Изъ комнаты доносятся звуки піанино)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Вотъ это ужъ напрасно! (Встаетъ, торопливо идетъ на веранду и, подойдя къ окну, говоритъ) Погодите ужъ съ музыкой-то! Что-нибудь одно: географія или музыка! (Музыка обрывается, Любовь Васильевна идетъ обратно) У насъ нынче не разбирается: кто во что гораздъ...

СОЛОВЬЕВЪ. Хорошо играетъ Вѣра Павловна...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Какъ же! Она въ Уфѣ въ концертахъ играла... Забросила теперь... У насъ, вѣдь, и Иванъ Миронычъ играетъ... Когда въ Уфѣ жили, онъ въ кружкѣ все игралъ. Оркестръ у нихъ былъ... Контрабасъ и сейчасъ цѣлъ... Теперь ужъ, конечно, неудобно: все-таки инспекторъ... Не идетъ оно какъ-то...

ВѢРА ПАВЛОВНА (выходитъ на веранду съ книгой въ рукѣ, спускается съ лѣстницы, молча проходитъ вглубь сада. Слышенъ ея голосъ) Оля! (Вдали отвѣчаетъ голосъ Ольги: „Ау!")

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Скучаетъ у насъ барыня-то... И что такое,--понять нельзя... Ну, вы хоть овдовѣли, по женѣ тоскуете... А вѣдь она, слава Богу, ничѣмъ не обижена... Живетъ, какъ у Христа за пазухой...

ДУНЯ (сбѣгаетъ съ веранды, подходитъ къ столу). Пришелъ молодой баринъ!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Какой баринъ?

ДУНЯ. Да вотъ этотъ, который книжки-то носитъ... Съ долгими волосами!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Баринъ!.. Скажи, — никого дома нѣтъ. Повадился!..

ДУНЯ. Да они въ гостиной... Не спрашивали никого. (Уходитъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Вотъ какъ нынче! Безъ всякаго спроса прямо въ гостиную.. Книгоноша...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (на верандѣ). Здравствуйте!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Мое почтеніе.

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Вотъ у васъ благодать какая! (Спускается съ лѣстницы, идетъ къ столу) А куда ваша публика-то дѣвалась? (Здоровается)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Какая публика?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Остальные — прочіе? Иванъ Миронычъ, Вѣра Павловна?..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Иванъ Миронычъ съ сыномъ занимается. Въ это время онъ всегда занятъ дѣломъ. А Вѣра Павловна—гдѣ-то бродитъ... Чайку выпьете?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Спасибо. Не хочется... (Оглядываетъ садъ) Благодать! И березы, и сирень, и травка... Такъ бы и повалялся!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Валяться, положимъ, лишнее, а погулять очень пріятно. Тридцать рубликовъ въ мѣсяцъ платимъ. За эти денежки можно и требовать кое-чего...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Люблю заброшенные сады, съ крапивой, репьями, съ тропинками и лопухами... (Срываетъ листочки и мнетъ ихъ въ рукахъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Кто въ городѣ тридцать-то рублей платитъ? Разъ-два, да и обчелся...

СОЛОВЬЕВЪ. Встрѣчаемся мы съ вами, здороваемся, а я, откровенно говоря, до сихъ поръ не знаю вашего имени, отчества и фамиліи...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Представьте: и я—тоже!

СОЛОВЬЕВЪ. Павелъ Павлычъ Соловьевъ! былъ учителемъ, а теперь въ отставкѣ... А вы у насъ недавно живете?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Порядочно. Скоро полгода уже.

СОЛОВЬЕВЪ. Не слыхать было... Скучно у насъ. Вы изволите служить?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Нѣтъ. Безъ опредѣленныхъ занятій, но... (Со смѣшкомъ) но съ очень опредѣленнымъ положеніемъ!.. Человѣкъ, какъ говорится, „на виду"!..

СОЛОВЬЕВЪ. Не слыхалъ, ничего не слыхалъ (Махнувъ рукой) А, можетъ быть, и слышалъ, да позабылъ!..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (къ Любови Васильевнѣ). Ну, какъ дѣла съ Петровымъ? Смилостивился Иванъ Миронычъ?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Что вамъ этотъ Петровъ? родственникъ, что ли?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Нѣтъ. Жаль: юноша не глупый...

СОЛОВЬЕВЪ. Это какой Петровъ?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Да ученикъ... Не поклонился Ивану Миронычу... Поведеніе убавили... Теперь мать покою не даетъ... Каждый день ходитъ...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Мать говорила Ивану Миронычу, что юноша сей близорукъ?.. Не замѣтилъ?!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Какъ же это инспектора своего не замѣтить? Кого другого, а инспектора надо замѣчать. Сегодня одинъ не замѣтитъ, завтра—другой... Тогда не нужно вовсе и инспектора... Близорукій! Они нынче всѣ близорукіе... Это не близорукость, сударь, а воспитаніе нынѣшнее: его чуть отъ-полу видно, а ужъ онъ норовитъ старшихъ учить... Начитаются книгъ всякихъ и думаютъ, что умнѣе всѣхъ стали...

СОЛОВЬЕВЪ (глядя въ землю) Кто знаетъ? можетъ быть, и близорукій... Трудно что-нибудь сказать положительное...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Книги, Любовь Васильевна, дѣло хорошее...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Все, сударь, во-время, и какія книги... Вонъ Ольга-то наша: какихъ вы ей книгъ тамъ даете—Богъ васъ вѣдаетъ. А я замѣчаю, что она грубить начинаетъ...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (со смѣхомъ). Самыя невинныя книги!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Да я ужъ тамъ не знаю, мнѣ читать некогда... Но одна книжка, говоря между нами, Ивану Миронычу очень не понравилась...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Не понравилась? Какая же это?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Вамъ лучше знать. Васъ сюда къ намъ по какому случаю прислали? Вотъ то-то оно и есть!

СОЛОВЬЕВЪ. Экая память! Цвѣты второй день не поливаю... Все думалъ полить и забылъ... (Встаетъ) Пойду!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Посидите; сейчасъ Иванъ Миронычъ придетъ.

СОЛОВЬЕВЪ. Когда Анюточка хворала, она все безпокоилась: умру, говоритъ, и никто о цвѣтахъ не позаботится. Она наказывала вечеромъ ихъ поливать...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Успѣете. Развѣ долго полить ихъ?

СОЛОВЬЕВЪ. Нѣтъ, пойду... Неспокойно на душѣ. Можетъ быть, попозднѣе загляну къ вамъ, если огонекъ увижу...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. У васъ хорошіе цвѣты... Анна Павловна никакъ только и думала, что о цвѣтахъ?..

СОЛОВЬЕВЪ. Очень любила! Очень! (Прощается и уходитъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (провожая Соловьева до веранды). Вы смотрите: не вздумайте кому-нибудь цвѣты подарить! Мы купимъ, если... вздумаете,..

СОЛОВЬЕВЪ (не оглядываясь). Нѣтъ, нѣтъ!.. Невозможно... (Исчезаетъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (возвращаясь къ столу). Жена у него недавно умерла... Тоскуетъ и на другихъ тоску наводитъ... Иванъ Миронычъ не любитъ этихъ разговоровъ про смерть: онъ, если покойника навстрѣчу несутъ, ворочается. А Павелъ Павлычъ, какъ придетъ,

такъ и пошло: „всѣ помремъ, всѣ помремъ“!.. Что про это говорить? Безъ него всѣ знаютъ, что помрутъ. Ничего съ этимъ не подѣлаешь... А какъ была жива жена, такъ никогда и въ храмъ Божій не заглядывалъ... Да и жена то у него, между нами сказать,—тоже не очень-то богомольная была... Она... они... Ну, это ихъ дѣло! Богъ съ ними! Грѣхъ осуждать-то! Не намъ за нихъ на страшномъ судѣ отвѣчать... (Сергѣй Борисовичъ не слушаетъ; прохаживаясь по тропинкѣ, онъ о чемъ-то думаетъ, потихоньку насвистываетъ. Вдали чуть слышенъ голосъ Ольги)

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. А вѣдь это Ольга Ивановна говоритъ?.. Она...

ВѢРА ПАВЛОВНА (съ Ольгой у забора). Вотъ здѣсь и надо сдѣлать калитку!

ОЛЬГА (смотритъ въ щель забора). Тутъ есть дорожка подъ гору, къ рѣкѣ, а тамъ — купальня! Вотъ будетъ удобно: встанемъ и побѣжимъ купаться...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Гдѣ онѣ тамъ... (Идетъ на голоса и появившись около дамъ) Съ новосельемъ!

ОЛЬГА. У-у, противный какой! Испугали... (Всѣ смѣются здороваются) Подслушали нашъ разговоръ?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Что вы это?! Я этимъ не занимаюсь...

ОЛЬГА. А мы только-что про васъ говорили!.. И если бы вы слышали...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Оля! Не дури!..

ОЛЬГА. Хорошо у насъ?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Точно въ раю...

ОЛЬГА. Посмотрите въ дырочку: рѣку видно! вотъ сюда!

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Ни подслушивать, ни въ щелочки смотрѣть не люблю... Вишь какой заборъ-то сдѣлали! Не перелѣзешь. Все воровъ боятся. Вонъ! гвоздей даже понатыкали. Полѣзетъ онъ, воръ-то, и напорется, а хозяину будетъ весело: сниметъ вора съ гвоздя и отправитъ въ участокъ...

ОЛЬГА. Пойдемте, мы вамъ покажемъ, какое папа „пугало“ сдѣлалъ! (Хохочетъ; всѣ медленно уходятъ въ глубину сада)

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Проткнуть человѣка гвоздемъ законъ не разрѣшаетъ, поэтому хозяинъ устроилъ такъ, чтобы воръ самъ проткнулся... Обстоятельный человѣкъ вашъ хозяинъ!.. (Скрывается)

ГРИША (сбѣгаетъ съ веранды). Пить хочу... Въ горлѣ пересохло... Налей мнѣ чашечку!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Что у тебя глаза-то красные? Опять, видно, ревѣлъ?.. Не зналъ географію-то?

ГРИША. А вотъ и зналъ. А я не понимаю, какъ доказать, что земля круглая... Самъ же говоритъ, что круглая, а велитъ доказывать...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Эхъ, ты!.. На! Пей!.. (Подаетъ ему чашку чая, тотъ пьетъ съ жадностью) Если отецъ велитъ доказывать, значитъ нужно... Отецъ зря не станетъ. Тебѣ же добра желаетъ...

ГРИША. Да-а, добра!.. Дай-ка еще чашечку!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (удивленно). Ты уже выпилъ?! Вотъ ты, вѣдь, какъ бойко чай-то пьешь... А изъ географіи совсѣмъ по-другому... (Наливаетъ и даетъ Гришѣ еще чашку чая) Что же это отецъ то? (Идетъ въ комнаты. Гриша, воспользовавшись отсутствіемъ бабушки, лижетъ сливки, шаритъ на столѣ и убѣгаетъ, захвативъ нѣсколько кусковъ сахару)

ОЛЬГА (появляется вмѣстѣ съ Сергѣемъ Борисовичемъ и Вѣрой Павловной). Мама ужасно любитъ переѣзжать на новую квартиру!..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Вотъ ужъ и не понимаю этого удовольствія...

ВѢРА ПАВЛОВНА (какъ бы оправдываясь). Люблю... Это какъ-то освѣжаетъ, вноситъ въ жизнь что-то новое... Мы живемъ въ этомъ городѣ скоро восемь лѣтъ! Можете себѣ представить: цѣлыхъ восемь лѣтъ!..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. И теперь новая квартира кажется новымъ міромъ?

ВѢРА ПАВЛОВНА. Я жила только въ трехъ городахъ: въ Петербургѣ, въ Уфѣ и здѣсь...

ОЛЬГА (перебивая). Я помню, мамочка, когда мы пріѣхали изъ Уфы, жили на маленькой квартирѣ, и ты все мечтала о томъ, когда у тебя будетъ своя комната...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Мечтала, мечтала...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Теперь эти мечты о комнатѣ исполнились и появились новыя? (Разсаживаются у стола)

ВѢРА ПАВЛОВНА. Нѣтъ... надо залъ, гостиную, кабинетъ, столовую. Въ залѣ стоятъ вѣнскіе стулья, въ гостиной—мягкая мебель, а мнѣ некуда...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Когда мнѣ было лѣтъ 12, къ отцу пріѣхалъ какой-то пріятель, художникъ, и написалъ съ меня портретъ. Съ этой минуты я отошелъ на второй планъ. На меня никто не глядѣлъ, а портретомъ всѣ любовались; обо мнѣ никто не думалъ, а мой портретъ сдѣлался предметомъ общаго вниманія и заботливости... Портретъ положили сохнуть въ гостиную и никого туда не пускали... Я туда забрался и сдѣлалъ попытку пощупать свой носъ на портретѣ, до того онъ казался мнѣ выпуклымъ. За это меня побили... Я возненавидѣлъ портретъ. А кончилось все это очень неожиданно и комично: прислуга убирала комнаты и, между прочимъ, стерла пыль и съ портрета... И мой соперникъ погибъ!.. Выкиньте изъ зала вѣнскіе стулья и устройте себѣ тамъ отдѣльную комнату...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Безъ зала, говорятъ, неудобно; безъ гостиной неприлично... (Смѣется) У меня—спальня! Комфортабельная спальня

ОЛЬГА. Но она, мама, темная...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Ничего, ничего... Тамъ есть розовый фонарикъ, который рисуетъ мнѣ жизнь въ розовомъ свѣтѣ... (Пауза. Гдѣ-то на дворѣ крякаютъ домашнія утки)

ОЛЬГА. Бабушкины утки...

ВѢРА ПАВЛОВНА (хохочетъ). Скоро Иванъ Миронычъ

именинникъ... Это для его ангела откармливаютъ... По случаю купили!.. У Павла Павлыча жена умерла, и утки оказались лишними!.. Дешево купили! (Хохотъ) Хотите чаю? (Снимаетъ съ самовара чайникъ) Этотъ чайникъ замѣчательный...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Чѣмъ?

ОЛЬГА. Онъ настоящій китайскій.

ВѢРА ПАВЛОВНА. Подарокъ Ивана Мироныча въ день моего ангела...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Пріятное съ полезнымъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА (хохочетъ). Онъ всегда... Въ прошломъ году въ память дня нашей свадьбы подарилъ мнѣ чулочную машину!

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (выйдя на веранду, прохаживается и добродушно напѣваетъ: „Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ изъ гроба встаетъ барабанщикъ, и ходитъ онъ взадъ и впередъ", обрывая). Самоваръ горячій? (Спускается съ веранды; Вѣра Павловна, Ольга и Сергѣй Борисовичъ весело смѣются) Что случилось?.. Что-нибудь Ольга выкинула?... (Щупаетъ самоваръ) Чуть теплится. (Кричитъ) Авдотья! Авдотья!

ДУНЯ (выбѣгаетъ на веранду). Иду.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Подогрѣй! (Дуня уноситъ самоваръ) Я пью немного, но люблю, чтобы чай былъ, во-первыхъ, горячій, а во-вторыхъ, крѣпкій... (Садится) Заморилъ меня сегодня Григорій. Не дается ему географія. Изъ ариѳметики онъ прелестно, феноменально! Комбинируетъ цифры удивительно! А изъ географіи—хоть плачь! Опоздали мы съ нимъ... Долговязый, растетъ феноменально, а умственныя способности не изъ важныхъ..

ОЛЬГА. Давай я буду съ нимъ заниматься изъ географіи?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Нѣтъ-съ. Я противъ женскаго преподаванія.

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Почему это вы?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (очень глубокомысленно). Особый складъ мышленія: мужчина мыслитъ по преимуществу

синтетически, а женщина — аналитически. Женщина разлагаетъ, мужчина—слагаетъ.

ОЛЬГА. У меня онъ прекрасно понимаетъ, а у тебя плачетъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА (съ иронической улыбочкой). Развѣ мужской умъ выше женскаго? Вы, Сергѣй Борисовичъ, какъ думаете?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (ухмыляясь). Всяко бываетъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Безъ сомнѣнія! Во 1-хъ, доказано, что женскій мозгъ легче мужского на... гм... нѣсколько граммовъ, а во 2 хъ,—эти... (Щелкаетъ пальцами) такъ называемыя, извилины, мозговыя извилины... (Вѣра Павловна задорно смѣется) Чему же ты, душа моя, смѣешься?.. Возьми любой учебникъ анатоміи, и ты все это увидишь... У Гришки совершенно бабій методъ мышленія... Совершенно...

ГРИША (появляется изъ-за кустовъ). Папочка! Надо еще поставить чучелу около смородины...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (къ Гришѣ). Какъ же это ты, братецъ, не можешь доказать, что земля круглая?.. Я тебѣ сто разъ говорилъ. (Гриша стоитъ, опустизъ голову) Если ты откуда-нибудь поѣдешь и будешь ѣхать все прямо, прямо (жестъ рукой), то, въ концѣ концовъ...

ГРИША (перебивая). Я и говорилъ, что никуда не пріѣдешь! (Всѣ хохочутъ, кромѣ Ивана Мироновича)

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Позвольте, господа! (Къ Гришѣ) Какъ это никуда не пріѣдешь? Пріѣдешь, обязательно пріѣдешь—и пріѣдешь опять на старое мѣсто, но съ другой стороны... Это во-первыхъ, а во-вторыхъ что ты видишь при восходѣ солнца?

ГРИША. Я никогда не вставалъ, когда солнышко всходитъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Ну—при закатѣ? Это рѣшительно все равно. Ты видишь, что солнце закатилось, а высокія части предметовъ еще освѣщены... Стало быть, выпуклость земли уже скрыла нижнія части, а

верхнія еще доступны солнечнымъ лучамъ... Понялъ?

ГРИША. Понялъ... (Иванъ Мироновичъ отходитъ. Гриша убѣгаетъ въ комнаты)

ОЛЬГА. Папочка! Вели вонъ тамъ, въ заборѣ, сдѣлать калитку!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Это зачѣмъ же понадобилось?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Окно въ Европу...

ОЛЬГА. Очень удобно: вышелъ и прямо на рѣку! Не ходить черезъ улицу... И мамѣ хочется ..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Во-первыхъ, заборъ—чужая собственность, слѣдовательно, онъ долженъ быть неприкосновененъ, а во-вторыхъ, существуетъ строительный уставъ, городской планъ и прочее...

ОЛЬГА (печально). Значитъ, нельзя? (Дуня несетъ самоваръ, за ней идетъ Любовь Васильевна)

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Ты думаешь, душа моя, что всякій можетъ строиться, дѣлать калитки, прорубать окна, гдѣ ему вздумается? А главное—не для чего. Тутъ—пустырь; люди загораживаются, а мы будемъ калиточки для воровъ устраивать... (Дуня уходитъ)

ВѢРА ПАВЛОВНА. Здѣсь такъ тихо, что и про воровъ ничего не слыхать...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Воръ есть, вездѣ онъ есть! А только не слѣдуетъ его трогать, вводить въ грѣхъ... (Гремитъ посудой) Чужой воръ еще не бѣда, а вотъ если свой заведется, домашній, это—скверно... Всѣ курицы неслись, а теперь вдругъ перестали... раздумали... Надо послѣдить... Самое время нестись, а у насъ раздумали...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. И пестренькая не несется?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Говорятъ,—не несется.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Никогда не повѣрю!.. (Озабоченно уходитъ въ комнаты. Спустя нѣкоторое время со двора доносится тревожное кудахтанье курицъ)

ГРИША (кричитъ съ веранды). Бабушка! Портной принесъ мнѣ новыя брюки, а папѣ—мундиръ. Иди посмотрѣть! (Исчезаетъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Вѣра Павловна! Подите, по-

смотрите, какъ сидитъ. У насъ съ вами вкусы не сходятся: я люблю пошире, а вы—въ обрѣзъ. (Поднимается)

ВѢРА ПАВЛОВНА. Мнѣ все равно...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (идетъ въ комнаты). Все равно... Мундиръ не на одинъ годъ шьется...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (послѣ паузы). Событіе!.. (Пауза. Слышно, какъ гдѣ-то далеко странствующій болгаринъ бьетъ въ бубенъ и гнусаво поетъ: „Шумна Марица").

ОЛЬГА (вынувъ изъ букета вѣтку сирени, обрываетъ листочки). Ну, что вы замолчали? (Обрывая вѣточки сирени, кидаетъ ими въ Сергѣя Борисовича) Ловите! Я читала, что въ Парижѣ бываетъ праздникъ цвѣтовъ: всѣ имѣютъ право кидаться цвѣтами, даже въ незнакомыхъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Но мы, Оля, не въ Парижѣ...

ОЛЬГА. А вы, Сергѣй Борисовичъ, были въ Парижѣ?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Былъ.

ОЛЬГА. А еще гдѣ-нибудь были? Въ Берлинѣ?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Былъ. И въ Лондонѣ былъ...

ОЛЬГА. Господи! Какой вы счастливый! Вездѣ вы были. (Большими глазами смотритъ на Сергѣя Борисовича) Ну, и что же?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (ухмыльнувшись). Да ничего! Хорошо!

ОЛЬГА. Правда, что тамъ всѣ извозчики читаютъ газеты?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (смѣется). Правда, правда...

ОЛЬГА (обиженно). Что же вы смѣетесь? Надо мной?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Нѣтъ. Мнѣ вспомнился одинъ случай съ русской барыней...

ОЛЬГА. Ну!

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Пріѣхала барыня въ Парижъ, наняла фіакръ и отправилась осматривать достопримѣчательности. Гдѣ-то барыня замѣшкалась, а извозчикъ воспользовался этимъ и зашелъ въ ресторанчикъ закусить. Выходитъ барыня: фіакръ тутъ, а извозчика нѣтъ. Разсердилась барыня и, когда извозчикъ появился,—

накинулась на него, по-русски: „Какъ ты смѣлъ? Я тебя отправлю въ участокъ“, и т. д.

ОЛЬГА. Ну!

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Извозчикъ спокойно сѣлъ на свое мѣсто, обернулся къ барынѣ и говоритъ: „Мадамъ! Я позволяю говорить мнѣ „ты“ только тѣмъ женщинамъ, которыхъ я люблю“.

ОЛЬГА. Вотъ нахалъ! (Сергѣй Борисовичъ смѣется).

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Вотъ тебѣ и разъ! А извозчикъ думалъ совсѣмъ напротивъ.

ВѢРА ПАВЛОВНА. Ты, Оля, не поняла... Тамъ, Оля, совсѣмъ по другому... Тамъ никому нельзя говорить „ты“...

ОЛЬГА. Я когда-нибудь поѣду за границу...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Взяли да поѣхали! Дѣло незамысловатое.

ОЛЬГА. У-у! Папу не сдвинешь съ мѣста. Раньше хоть на дачу ѣздили, а теперь—папа говоритъ, что незачѣмъ ѣхать и на дачу, потому что у насъ есть садъ...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. А вы—безъ папы... Попробуйте-ка!

ВѢРА ПАВЛОВНА (задумчиво). У меня есть бриллiанты... По наслѣдству достались... Никому они не нужны, никогда я ихъ не ношу... Продать ихъ и прокатиться въ Парижъ...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Одобряю. А то такъ и пролежатъ эти бриллiанты сперва у васъ, потомъ, когда вы умрете, у кого-нибудь другого... У Ольги Ивановны, напримѣръ...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Почему люди не умѣютъ устроить свою жизнь такъ, какъ имъ хочется?..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Боятся.

ОЛЬГА. Чего?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Есть „пугалы“ для воронъ, а есть и для людей... Въ дѣтствѣ насъ пугали „букашками“: „Спи, а то букашка придетъ!“ „Ѣшь, а то бу-

кашкѣ отдамъ!“ — У взрослыхъ людей есть свои букашки...

ОЛЬГА. Какія же это букашки? Я не боюсь никакихъ букашекъ!..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Вы переживаете тотъ періодъ жизни, когда дѣтскія букашки померкли, а новыя не выросли...

ВѢРА ПАВЛОВНА (Ольгѣ). А спишь ты все-таки съ лампадкой...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Надо, чтобы свѣтъ въ головѣ горѣлъ... Учиться, барышня, надо...

ОЛЬГА. Я и поѣду... осенью поѣду въ Петербургъ.

ВѢРА ПАВЛОВНА (грустно). И я останусь одна. Я никуда не поѣду. Мнѣ некуда ѣхать... Я останусь съ букашками... Сергѣй Борисовичъ! вы долго будете жить въ нашемъ городѣ?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Три года осталось слишкомъ... Надоѣстъ,—убѣгу раньше.

ОЛЬГА (удивленно). Куда?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Куда глаза глядятъ... Все дальше, все дальше! (Дѣлаетъ широкій жестъ въ пространство) У меня нѣтъ ни вѣнскихъ стульевъ, ни мягкой мебели, ни брилліантовъ. Всталъ и полетѣлъ себѣ все дальше, все дальше!.. (Смотритъ на часы) А идти, дѣйствительно, надо. Сегодня мы ѣдемъ на острова ершей ловить, съ ночевкой... Будемъ костры жечь, уху варить, пѣсни пѣть... (Прощается)

ОЛЬГА. Уходите? Вамъ у насъ скучно? Мы... глупыя?

ВѢРА ПАВЛОВНА. Оля! Что ты?..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Мнѣ вездѣ весело...

ВѢРА ПАВЛОВНА (подавая руку). Неужели и рыбу ловить весело?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Очень весело. Уморительные эти ерши! Самъ маленькій, а дергаетъ за лесу такъ сильно, что удилище трясется. Даже пугаешься иной разъ... Вытащишь его, — глазища сдѣлаетъ большіе,

ощетинится... Маленькая рыбка, а съ большимъ темпераментомъ! (Уходитъ. Ольга идетъ провожать его)

ОЛЬГА. Возьмите какъ-нибудь меня ершей ловить...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Съ папой?.. Или съ бабушкой? (Со смѣхомъ изчезаетъ въ комнатахъ. Вѣра тихо идетъ, но остается у веранды, печально смотритъ вслѣдъ ушедшимъ и садится на лѣстницѣ веранды. Изъ оконъ доносится музыка: Ольга играетъ мотивы изъ „Травіаты". Замѣтно вечерѣетъ. Вершины дальнихъ березъ румянятся отъ заходящаго солнца; по саду скользятъ лиловыя тѣни).

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (выходитъ на веранду съ пирогомъ изъ кондитерской; за нею скачетъ Гриша. Любовь Васильевна ставитъ пирогъ на столъ. Гриша намѣревается открыть крышку). Погоди! не лѣзь! (Хлопаетъ Гришу по рукамъ) Нашъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ. (Осторожно снимаетъ съ картона крышку) Не суй носъ!

ГРИША. Пирожное! Мама! Мамочка! Мѣшокъ съ деньгами! Совсѣмъ какъ настоящія деньги! золотыя! разсыпались!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Кабы настоящія-то деньги были, такъ и половины бы не донесли. Полюбуйтесь: два золотыхъ уже отколупали пальцами! Жадность-то у людей какая! Право! (Кричитъ на Гришу) Не трогай!

ГРИША. Дай хоть одну денежку! Жалко тебѣ, что ли?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Успѣешь. И тебѣ достанется... Потерпи... (Осторожно закрывъ картонъ, торжественно уноситъ пирогъ въ столовую. Гриша съѣзжаетъ по периламъ лѣстницы въ садъ и убѣгаетъ въ кусты. Гдѣ-то грустно кукуетъ кукушка. Вѣра Павловна сидитъ неподвижная и грустная; вдали тихо звучатъ колокольчики проѣзжей пары).

ВѢРА ПАВЛОВНА. Кто-то куда-то ѣдетъ... (Колокольчики замираютъ вдали)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (выходитъ на веранду съ визитной карточкой въ рукѣ). Оказывается, это—Пырковы пирогъ-то прислали. И поздравленіе!.. (Подойдя къ лѣстницѣ съ умиленіемъ читаетъ) „Имѣемъ честь поздравить высокоуважаемаго Ивана Мироныча со всѣмъ семействомъ со днемъ новоселья. Съ пожеланіемъ всяческаго благопо-

кашкѣ отдамъ!“ — У взрослыхъ людей есть свои букашки...

ОЛЬГА. Какія же это букашки? Я не боюсь никакихъ букашекъ!..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Вы переживаете тотъ періодъ жизни, когда дѣтскія букашки померкли, а новыя не выросли...

ВѢРА ПАВЛОВНА (Ольгѣ). А спишь ты все-таки съ лампадкой...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Надо, чтобы свѣтъ въ головѣ горѣлъ... Учиться, барышня, надо...

ОЛЬГА. Я и поѣду... осенью поѣду въ Петербургъ.

ВѢРА ПАВЛОВНА (грустно). И я останусь одна. Я никуда не поѣду. Мнѣ некуда ѣхать... Я останусь съ букашками... Сергѣй Борисовичъ! вы долго будете жить въ нашемъ городѣ?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Три года осталось слишкомъ... Надоѣстъ, — убѣгу раньше.

ОЛЬГА (удивленно). Куда?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Куда глаза глядятъ... Все дальше, все дальше! (Дѣлаетъ широкій жестъ въ пространство) У меня нѣтъ ни вѣнскихъ стульевъ, ни мягкой мебели, ни брилліантовъ. Всталъ и полетѣлъ себѣ все дальше, все дальше!.. (Смотритъ на часы) А идти, дѣйствительно, надо. Сегодня мы ѣдемъ на острова ершей ловить, съ почевкой... Будемъ костры жечь, уху варить, пѣсни пѣть... (Прощается)

ОЛЬГА. Уходите? Вамъ у насъ скучно? Мы... глупыя?

ВѢРА ПАВЛОВНА. Оля! Что ты?..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Мнѣ вездѣ весело...

ВѢРА ПАВЛОВНА (подавая руку). Неужели и рыбу ловить весело?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Очень весело. Уморительные эти ерши! Самъ маленькій, а дергаетъ за лесу такъ сильно, что удилище трясется. Даже пугаешься иной разъ... Вытащишь его, — глазища сдѣлаетъ большіе,

...ами, беретъ чай и сахаръ и уноситъ въ комнаты).
...ра праздникъ, а у насъ, никакъ, и лам-
...правлена... съ вами и Бога-то позабудешь!
...дверями)
...(въ окно). Мамочка! Что ты сидишь тутъ одна?
...ПАВЛОВНА (не поднимая головы). Кукушку слу-

...(выбѣгая на веранду и спускаясь къ матери). Ты
...тишь! а? (Заглядываетъ въ глаза Вѣры)
...ПАВЛОВНА. Кукушка точно плачетъ.. Можетъ
...она плачетъ о томъ, что какъ было, такъ
...нется... И никакой новой жизни нѣтъ... Мо-
...и ты, Оля, тоже...
...Нѣтъ, мамочка, нѣтъ! Знаешь, о чемъ она
...Она плачетъ о томъ, что гдѣ-то есть дру-
...жизнь, а мы сидимъ тутъ и ничего не
...(Бросается къ матери) Не грусти, мама!.. Слышишь?
...ПАВЛОВНА. Ты вѣришь, Оля?.. (Ольга молча ки-
...) Вѣрь! вѣрь, моя хорошая, добрая, счаст-
...вѣрить, а то не стоитъ жить... (Затихаютъ.
...кукуетъ кукушка)

Занавѣсъ.

лучія и безконечнаго счастія Василій Николаевичъ и Марья Ивановна Пырковы".

ВѢРА ПАВЛОВНА. Ну и отдайте это благополучіе Ивану Миронычу!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Не одному это ему, а всѣмъ намъ. (Вѣра нервно смѣется) Чего же смѣшного-то тутъ?

ВѢРА ПАВЛОВНА. Очертѣло мнѣ это благополучіе и безконечное счастіе.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Вижу я это, сама вижу... Вы думаете,—я ничего не понимаю?.. (Отходитъ) Только смотрите: потомъ и радъ бы въ рай, да грѣхи не пустятъ... (Уходитъ въ комнаты)

ВѢРА ПАВЛОВНА. Всяческое благополучіе... И безконечное счастіе... (Съ тоской шепчетъ) И кругомъ букашки... А безгрѣшные люди довольны: они прямо въ рай... Они и теперь въ раю... Изъ одного рая въ другой... И получается безконечное счастіе.

ГРИША (бѣжитъ къ верандѣ). Мамочка! Правда это: если червяка пополамъ разрѣзать, то обѣ половины будутъ жить и выйдетъ два червяка?

ВѢРА ПАВЛОВНА. Да, правда... (Раздается благовѣстъ ко всенощной: сперва глухимъ басомъ гудитъ соборный колоколъ, за нимъ въ другихъ церквахъ). А вотъ если человѣка раздѣлить пополамъ, то... выйдетъ... червякъ, Гриша, выйдетъ. (Гриша съ удивленіемъ смотритъ на мать).

ГРИША. Обманываешь... А сама говоришь,—не надо врать...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (выходитъ на веранду въ новомъ мундирѣ, очень торжественный). Григорій! Ко всенощной!

ГРИША. Лучше бы завтра... къ обѣднѣ.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Ну! Не разсуждай! Иди! (Дѣлаетъ жестъ рукой; Гриша лѣниво и печально поднимается на веранду и проходитъ съ опущенной головой въ комнаты; за нимъ уходитъ Иванъ Мироновичъ. Вѣра Павловна сидитъ въ задумчивой позѣ на лѣстницѣ веранды. Вдали глухо гудитъ одинъ соборный колоколъ. Гдѣ-то далеко кукуетъ кукушка)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (проходитъ къ столу подъ березами,

гремитъ ключами, беретъ чай и сахаръ и уноситъ въ комнаты). Большой завтра праздникъ, а у насъ, никакъ, и лампадка не заправлена... съ вами и Бога-то позабудешь! (Исчезаетъ за дверями)

ОЛЬГА (въ окно). Мамочка! Что ты сидишь тутъ одна?

ВѢРА ПАВЛОВНА (не поднимая головы). Кукушку слушаю...

ОЛЬГА (выбѣгая на веранду и спускаясь къ матери). Ты опять грустишь! а? (Заглядываетъ въ глаза Вѣры)

ВѢРА ПАВЛОВНА. Кукушка точно плачетъ.. Можетъ быть, Оля, она плачетъ о томъ, что какъ было, такъ все и останется... И никакой новой жизни нѣтъ... Можетъ быть, и ты, Оля, тоже...

ОЛЬГА. Нѣтъ, мамочка, нѣтъ! Знаешь, о чемъ она плачетъ?.. Она плачетъ о томъ, что гдѣ-то есть другая, хорошая жизнь, а мы сидимъ тутъ и ничего не знаемъ! (Ласкается къ матери) Не грусти, мама!.. Слышишь?

ВѢРА ПАВЛОВНА. Ты вѣришь, Оля?.. (Ольга молча киваетъ головой) Вѣрь! вѣрь, моя хорошая, добрая, счастливая! Надо вѣрить, а то не стоитъ жить... (Затихаютъ Вдали грустно кукуетъ кукушка)

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Столовая; налѣво двѣ двери: ближайшая къ зрителю—въ проходную Гришину комнату, около этой двери торчитъ слуховая труба, соединяющая столовую съ кухней; дальняя дверь—въ спальню супруговъ Боголюбовыхъ; направо дверь въ гостиную. Въ задней стѣнѣ четыре окна и между ними двойныя двери на веранду—стеклянныя и глухія. Лѣтняя лунная ночь робко смотритъ черезъ раскрытыя окна и дверь. На верандѣ супруги Пырковы и супруги Ивановы доигрываютъ „пульку"; оттуда несутся выкрики: „пики! трефы! бубны", возгласы, споръ, стукъ мѣлковъ и смѣхъ. Изъ гостиной доносится избитая полька на піанино и слышно, какъ тамъ, подъ смѣхъ окружающихъ, танцуетъ одна тяжелая пара; въ столовой накрытый столъ представляетъ хаосъ послѣ ужина многочисленныхъ гостей, большая часть которыхъ уже разошлась. Мокрыя пятна, бутылки, тарелки съ объѣдками и окурками папиросъ, опрокинутыя рюмки; подъ столомъ—смятая салфетка, пробки, вилка. Иванъ Мироновичъ — именинникъ. Необычайно разодѣтая Любовь Васильевна ходитъ около стола и посыпаетъ солью пятна на скатерти.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (ворчливо). Новая скатерть... Ахъ ты, Боже мой! Облили-таки! (Махнувъ рукой, отходитъ къ буфету и стучитъ посудой)

ГИМНАЗИСТЪ (входитъ изъ гостиной, обмахивается платочкомъ и, вынувъ портсигаръ, осторожно закуриваетъ папиросу, пряча ее въ рукѣ отъ Любови Васильевны) Температура довольно высокая!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Наплясались?

ГИМНАЗИСТЪ. Скоро домой... Папаша велитъ уходить...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Ну, ничего, немножко еще попляшите: папаша въ карты заигрался...

ГИМНАЗИСТЪ. Ольгу Ивановну что-то не видать... Хотѣлъ съ ней вальсикъ... Съ ней очень ужъ ловко...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Забываю я все, въ которомъ вы классѣ-то?

ГИМНАЗИСТЪ. Прогимназію кончилъ первымъ ученикомъ, теперь въ гимназію... Потомъ — въ университетъ...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Докторомъ, что ли, хотите?

ГИМНАЗИСТЪ. Папаша хочетъ—на филологическій... Тамъ и чины скоро идутъ и пенсія хорошая...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Дай Богъ! Только поскромнѣе въ университетѣ-то... Товарищей поосторожнѣе выбирайте!..

ГИМНАЗИСТЪ. Я ни съ кѣмъ не буду...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (входитъ изъ гостиной утомленный и немного сердитый. Гимназистъ испуганно прячетъ папиросу и проходитъ въ гостиную). Гдѣ же Вѣра и Ольга?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Почемъ я знаю?.. Въ саду, навѣрно... Все съ этимъ господиномъ не наговорятся...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Какъ это нетактично, неделикатно...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. А ужъ это ты ей скажи!.. По-новому теперь...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Побросали гостей и исчезли... Гм! Ну, а самоваръ-то скоро? Надо было поставить сразу два самовара (Озабоченно уходитъ въ гостиную)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (идетъ къ слуховой трубѣ и кричитъ). Когда же у васъ самоваръ? Баринъ сердится... Вотъ онъ сейчасъ самъ въ кухню придетъ... (Отходитъ) Конца этимъ чаямъ нѣтъ.

БАРЫНЯ (входитъ изъ гостиной, тяжело дышитъ и обмахивается вѣеромъ). Ухъ! Польку съ поручикомъ танцовала, молодость вспомнила... Онъ отлично танцуетъ!.. (Садится на диванъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Спеціалистъ... Уморилъ, небойсь?

БАРЫНЯ (въ томленіи). Я говорю: „довольно, довольно!“, а онъ вертитъ, не выпускаетъ.. Ухъ! Стаканчикъ бы холодной водицы...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Простудитесь... Сейчасъ будетъ самоваръ...

БАРЫНЯ. А гдѣ пропадаетъ Вѣра Павловна?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. А развѣ она не въ гостиной?

БАРЫНЯ. Нѣтъ. Скрылась. Ахъ, какъ душно! (Встаетъ) Пойду въ садъ освѣжиться. (Проходитъ на веранду и громко восклицаетъ) „И ночь, и любовь, и луна!“

ПЫРКОВЪ (голосъ на верандѣ). А вотъ отгадайте, почему луна не изъ чугуна?.. Потому что на луну надо много чугуну. (Хохочетъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Душно ей... (Въ гостиной отхватываютъ „польку“)

ДУНЯ (несетъ самоваръ). Ужъ я его сапогомъ! (Ставитъ самоваръ на уголъ стола и отираетъ тряпкой) Проклятущій! Несу, а онъ на меня изъ крана капаетъ... А Гришенька все не спитъ...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Какой тутъ сонъ! Этакая музыка мертваго разбудитъ... Подотри подъ столомъ; и тамъ напакостили...

ДУНЯ (подтирая подъ столомъ). Бокалъ разбили (Вылѣзаетъ изъ-подъ стола съ осколками бокала)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Чужой бокалъ-то... Хорошо, если подберешь подходящій, а то цѣлую дюжину покупай... (Дуня уходитъ съ тряпкой и осколками бокала въ кухню)

ОФИЦЕРЪ (входитъ съ вѣеромъ) Чего бы нибудь прохладительнаго: нарзанчику или сельтерской? (Гимназистъ проходитъ на веранду)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Все выпили...

ОФИЦЕРЪ. Никто, кромѣ Ольги Ивановны, на д'эспань не танцуетъ, а она исчезла Жарко, Любовь Васильевна!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Много танцуете.. Чай, у

васъ ноги болятъ? Стукаете больно каблуками. Очень ужъ стараетесь...

ОФИЦЕРЪ. Кавалеровъ нѣтъ, ничего не подѣлаешь... Одинъ отдуваюсь... Скажите, пожалуйста: кто этотъ у васъ, высокій господинъ? Вотъ здѣсь за ужиномъ сидѣлъ? (Показываетъ мѣсто за столомъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Кто его знаетъ... Студентомъ былъ, да выгнали... Много теперь такихъ. Начитаются всякой всячины и безобразничаютъ... Да еще и другихъ смущаютъ...

ОФИЦЕРЪ. Что-то онъ тутъ насчетъ войны толковалъ... Глупое разсужденіе! Фантазіи!.. Папиросы всѣ вышли... Курить хочется... Полцарства за папиросу...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Вотъ ужъ этого-то у насъ нѣтъ!.. Иванъ Миронычъ у насъ не куритъ... У насъ въ семьѣ никто не курилъ...

ОФИЦЕРЪ. Скверно!.. Кажется, гимназистъ куритъ... (Идетъ на веранду, беретъ у гимназиста папиросу и спускается въ садъ)

ПЫРКОВЪ (съ гимназистомъ идутъ съ веранды). Нечего, братъ!.. отправляйся домой!.. Первый часъ...

ГИМНАЗИСТЪ. Ну хоть до часу, папаша?

ПЫРКОВЪ. Иди, братецъ... Поужиналъ, промялся и кончено!.. (Отводитъ его въ уголъ и тихо) Зачѣмъ ты куришь при народѣ? Экій ты олухъ, братецъ мой!.. (Шепчетъ что-то сыну) Иди! Неудобно... Простись, поблагодари и отправляйся! Скажи Прасковьѣ, чтобы ждала... А то не дозвонишься...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Да пусть еще попляшетъ... Что ужъ вы! Не гдѣ-нибудь вѣдь, а у инспектора!..

ПЫРКОВЪ. Я, Любовь Васильевна, такого мнѣнія, что молодымъ людямъ правильное питаніе и своевременный сонъ—прежде всего!.. Меня самого такъ воспитывали... У другихъ въ мои лѣта катарры, безсонницы, а у меня до сихъ поръ желудокъ удивительный!.. А

все—правильный образъ жизни! In corpore sano mens sana, Любовь Васильевна!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (не понимая въ чемъ дѣло). Это вѣрно!.. Только бы ужъ учился... Въ университетѣ вотъ какъ? Осторожно нынче нужно вести себя...

ПЫРКОВЪ. Онъ у меня не такой!.. (Къ сыну) Иди, голубчикъ!

ГИМНАЗИСТЪ (расшаркиваясь, прощается съ Любовь Васильевной). Мерси за удовольствіе!.. (Уходитъ).

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Хорошій мальчикъ!..

ПЫРКОВЪ. Ничего паренекъ... Вы говорите, что въ университетѣ... Какая закваска,—вотъ въ чемъ дѣло...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Взяла бы я, да построила эти университеты гдѣ-нибудь въ полѣ, побольше мѣста загородила бы, чтобы тамъ были лавки, портерныя разныя, квартиры,—и волнуйся! Сдѣлай одолженіе! (Громкій окрикъ съ веранды: „Василій Николаичъ!")

ПЫРКОВЪ. Иду-съ! (Торопливо идетъ на веранду чтобы сѣсть за карты) Это, знаете, мысль... Иду, иду!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (какъ бы размышляя). Желудокъ, дѣйствительно, хорошій... Кушаетъ—мое почтеніе!..

ВѢРА ПАВЛОВНА (входитъ съ веранды въ столовую, подходитъ къ столу и, наливъ въ рюмку вина, пьетъ).

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (вполголоса.) Очень хорошо! Побросали всѣхъ гостей и скрылись. Было бы вамъ извѣстно, что Иванъ Миронычъ сердится.

ВѢРА ПАВЛОВНА (сердито). Ну, и пусть его сердится! Мнѣ рѣшительно все равно.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Вижу, вижу... Вы думаете, я не понимаю?..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (входитъ изъ гостиной и, увидя жену, тихо говоритъ). Неужели вы не понимаете, что это нетактично и неделикатно по отношенію къ гостямъ?.. Бѣгаете по саду, какъ дѣвочка...

ВѢРА ПАВЛОВНА (пристально глядя въ лицо Ивана Ми-

роновича). Нетактично? Наплевать мнѣ на вашихъ гостей...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (страшно озадаченъ). Что такое?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Вотъ тебѣ и разъ!.. (Дѣлаетъ какіе-то жесты на гостиную)

ВѢРА ПАВЛОВНА. Надоѣли мнѣ ваши гости...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Что съ вами? Опомнитесь! (Громко кашляетъ и уходитъ въ гостиную. Вѣра Павловна садится на диванѣ и устало закидываетъ назадъ голову. Въ гостиной брянчитъ піанино. Любовь Васильевна наливаетъ массу стакановъ чая)

ВѢРА ПАВЛОВНА (сжимая надъ головой руки). Мнѣ хочется что-нибудь сдѣлать... Закричать, сломать что-нибудь, плакать...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Только этого и не доставало... Чего вамъ хочется, хотѣла бы я знать?

ВѢРА ПАВЛОВНА (задумчиво). Не знаю, Любовь Васильевна, не знаю... Я знаю только, чего мнѣ не хочется...

ОФИЦЕРЪ (проходитъ изъ сада въ гостиную подъ руку съ барыней, на груди которой приколоты цвѣты, наигрываетъ губами маршъ и шутливо командуетъ). Лѣвой! лѣвой! Правое плечо впередъ! (Барыня привѣтливо киваетъ Вѣрѣ Павловнѣ, оба исчезаютъ въ гостиной; Вѣра Павловна хохочетъ; изъ сада входятъ Ольга и Сергѣй Борисовичъ)

ОЛЬГА. Ты, мама, что насъ бросила? Ты опять грустишь?

ВѢРА ПАВЛОВНА. Садитесь рядомъ, здѣсь!.. (Показываетъ на диванъ) Я испугалась „чучелы"... Мнѣ показалось, что кто-то выглядываетъ изъ-за куста и подслушиваетъ... (Ольга звонко смѣется и садится рядомъ съ Вѣрой Павловной)

ОЛЬГА. Садитесь, Сергѣй Борисовичъ! (Показываетъ рукою на диванъ) Въ середину...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. А офицеръ меня на дуэль не вызоветъ? (Садится въ серединѣ; Любовь Васильевна,

косясь на диванъ, идетъ къ слуховой трубѣ) Что-то на меня всѣ здѣсь косятся...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (въ слуховую трубу). Авдотья! Самой мнѣ, что ли, чай-то разносить?..

ОЛЬГА. Бабушка—словно капитанъ на пароходѣ... (Подражая капитану) „Стопъ! Задній ходъ!“ (Всѣ смѣются)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (отходя отъ трубы). А ты—пассажирка? Изъ перваго класса? Сложила ручки... (Выходитъ Дуня и несетъ чай на веранду)

ВѢРА ПАВЛОВНА (къ Сергѣю Борисовичу). Ну, разскажите еще что нибудь изъ вашей жизни! Про тюрьму разскажите.

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Не хочется что-то... Въ другой разъ разскажу, а теперь мнѣ хочется смѣяться...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Какъ вы живете здѣсь?..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Отлично...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Разскажите, что вы сегодня дѣлали? гдѣ были?.. что видѣли?..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Былъ сегодня въ Съѣздѣ.

ВѢРА ПАВЛОВНА. Неужели вамъ и тамъ не скучно?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Это очень любопытно. Лучше всякаго театра. Пьесы сочиняютъ авторы, а тамъ—сама жизнь; пьесы играютъ актеры, а тамъ—сами дѣйствующія лица.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Вы вѣдь, говорятъ, въ газетахъ пописываете, такъ вамъ всякая кляуза пригодится... Напишете и деньги заработаете...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (хохочетъ). Всякая кляуза! всякая! Сегодня, напримѣръ, слышалъ такую кляузу, что просто въ умиленіе пришелъ... Художественная кляуза!.. Трагедія обывательской любви!..

ОЛЬГА. Разскажите! Разскажите! Я ужасно люблю трагедіи.

ОФИЦЕРЪ (входитъ изъ гостиной). Ольга Ивановна! Выбираю васъ своей сосѣдкой. (Расшаркивается)

ОЛЬГА. Благодарю. Я вполнѣ довольна своимъ сосѣдомъ.

ОФИЦЕРЪ (къ Сергѣю Борисовичу). И вы, вѣроятно? (Уходитъ въ гостиную)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Всѣ они другъ другомъ довольны...

ОЛЬГА. Ну! Разсказывайте трагедію!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Рано еще тебѣ! Очень ужъ любопытна...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Мы слушаемъ...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Барышня, по имени Марья Ивановна, полюбила кавалера, по имени Иванъ Ивановичъ: Иванъ да Марья! (Ольга смѣется) Однажды женихъ повелъ невѣсту развлечься безплатнымъ народнымъ чтеніемъ съ туманными картинами. Когда они возвращались домой и шли по улицѣ—подъ ручку, разумѣется,—изъ подъ воротенъ вылѣзла злая собака и схватила жениха за ногу... Въ результатѣ—разорванныя брюки...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Уйди, Олечка! Нечего тебѣ тутъ слушать...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Вы не безпокойтесь: ничего неприличнаго въ моемъ разсказѣ не будетъ. (Вѣра Павловна, закинувъ голову, нервно хохочетъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Ну, все-таки, сударь, брюки тутъ и всякая всячина... Иди! иди! Нечего тутъ... И такъ больше знаешь, чѣмъ тебѣ слѣдуетъ. (Подходитъ къ Ольгѣ и тянетъ ее за руку) Поди, лучше, потанцуй! (Дуня проходитъ въ Гришину комнату)

ОЛЬГА (вставъ). Я не хочу танцовать...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (сердито). Иди, говорятъ тебѣ! (Ольга уходитъ въ гостиную и играетъ на піанино вальсъ изъ „Фауста"; Сергѣй Борисовичъ вопросительно смотритъ на Вѣру Павловну, та хохочетъ) Теперь можете, сколько угодно! (Идетъ въ Гришину комнату) Я и мѣшать не буду... (Исчезаетъ. Пауза. Изъ гостиной доносится возгласъ барыни: „всѣми недовольна!", послѣ чего происходитъ суматоха играющихъ въ „свои сосѣди")

ВѢРА ПАВЛОВНА. Вы оскорбили нравственность... Ну, говорите!

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Боюсь...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Букашекъ? (Хохочетъ) Ну, что было дальше?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Дальше? Женихъ проводилъ невѣсту до дому, поцѣловалъ ручку,—все какъ полагается... Потомъ вернулся, составилъ протоколъ и предъявилъ искъ объ убыткѣ въ 20 руб. Женихи носятъ очень дорогія брюки (Вѣра Павловна нервно хохочетъ) Судья отказалъ: у жениха не было свидѣтелей. Тогда онъ перенесъ дѣло въ Съѣздъ, а Марью Ивановну выставилъ свидѣтельницей...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Поэзія кончилась и началась проза...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Когда стали спрашивать Марью Ивановну про брюки...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (проходитъ изъ Гришиной комнаты въ гостиную). Все еще про брюки... (Исчезаетъ).

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (продолжая разсказъ)... она вспыхнула, опустила глазки и сказала: „никакихъ я брюкъ не знаю и знать не хочу", а потомъ обернулась въ сторону Ивана Ивановича и добавила: „вашей невѣстой не состою и не желаю... и это даже очень некрасиво съ вашей стороны!"—и заплакала...

ВѢРА ПАВЛОВНА (опустивъ голову, шопотомъ). Мнѣ жаль ее, эту бѣдную дѣвушку...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Такъ печально кончилась одна счастливая любовь!.. (Пауза; потомъ слышно, какъ Вѣра Павловна плачетъ, стараясь сдерживать слезы) Что съ вами? Вѣра Павловна? (Вѣра Павловна плачетъ громче) Послушайте!.. Что съ вами?.. (Наклоняется надъ плачущей)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (входитъ). Что тутъ за исторія? Вы что съ ней сдѣлали?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (встаетъ растерянно). Я непонимаю... Дайте воды!

ВѢРА ПАВЛОВНА (закрывъ одной рукой лицо, другой отмахивается). Не надо!.. Ничего...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Что вы съ нею сдѣлали?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Надо воды!.. (Ищетъ на столѣ воду).

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Что тутъ „воды"! Нѣтъ-съ, это ужъ слишкомъ! (Торопливо идетъ въ гостиную).

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (входитъ изъ гостиной, стараясь быть спокойнымъ и корректнымъ. За нимъ—Любовь Васильевна. Въ дверяхъ видны любопытные гости). Что вы, милостивый государь, позволили сказать моей женѣ? (Къ женѣ) Онъ оскорбилъ тебя, душа моя? (Вѣра Павловна отрицательно качаетъ головой) Успокойся, душа моя! (Смотритъ то на жену, то на Любовь Васильевну)

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Для меня слезы Вѣры Павловны совершенно неожиданны и непонятны... Увѣряю васъ, что я тутъ ни при чемъ!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Зря взрослые люди не плачутъ. Плачутъ когда очень больно, при различныхъ тамъ операціяхъ, или когда очень оскорбительно...

ВѢРА ПАВЛОВНА (вскакиваетъ съ дивана). И еще, когда очень ужъ симметрично! (Уходитъ въ спальню) Извините меня, Сергѣй Борисовичъ! Я и сама не ожидала... Захотѣлось плакать... (Скрывается за дверью)

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (какъ бы размышляя). Позвольте-съ! О чемъ ей плакать? Ей не о чемъ плакать...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (иронически). Вамъ это лучше знать...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Не о чемъ ей плакать? Я, вѣдь, кое-что слышала... Вѣночки, брюки и всякія неприличія...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Согласитесь, милостивый государь, что я долженъ это выяснить и понять...

ОЛЬГА (выходитъ изъ гостиной, останавливается и смотритъ испуганными глазами). Что случилось?..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (раздраженно и насмѣшливо). Старайтесь выяснить и понять,—это ваше дѣло... Если вы

мнѣ не вѣрите, — я не хочу больше говорить... Какъ вамъ будетъ угодно... Можете, если вамъ кажется это необходимымъ, потребовать удовлетворенія... Я всегда къ вашимъ услугамъ... (Сухо поклонившись, проходитъ въ гостиную. Ольга съ рыданіями убѣгаетъ въ Гришину комнату. Гости озадачены. Большая неловкая пауза. Иванъ Мироновичъ совершенно растерянъ)

ПЫРКОВА (сгорая отъ любопытства, тихо входитъ съ веранды, прохаживается). Что онъ тутъ наговорилъ? (Смотритъ то на Ивана Мироновича, то на Любовь Васильевну) А гдѣ Вѣра Павловна? (Пауза)

ИВАНОВА (входитъ съ веранды, прохаживается и обращается къ Пырковой). Вамъ сдавать. (Дѣлаетъ еще два тура и уходитъ на веранду)

ОФИЦЕРЪ (входитъ). Я одного нахала проучилъ... Жаль, что не на меня нарвался...

БАРЫНЯ (выглянувъ изъ гостиной). Поручикъ! (Скрывается Офицеръ уходитъ въ гостиную; тамъ звучитъ піанино, но скоро обрывается,- -веселье не ладится).

ИВАНОВА (кричитъ съ веранды. Марья Ивановна! Мы васъ ждемъ! (Пыркова идетъ на веранду. Изъ гостиной гуськомъ входятъ барыня, барышня и офицеръ).

БАРЫНЯ. Намъ пора... (Смотритъ на часы) У-у! первый часъ.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Посидите...

БАРЫШНЯ (обиженнымъ тономъ). Я хочу, мама, домой... У меня болитъ голова... Поѣдемъ!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Вы меня извините!.. Такъ вышло... Мнѣ и самому непріятно...

БАРЫНЯ. Что вы это, Иванъ Миронычъ! Пустяки какіе... Мы нисколько...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Посидите!

БАРЫШНЯ. Я устала, мама... У меня мигрень... Поѣдемъ.

БАРЫНЯ. Ѣдемъ! ѣдемъ! До свиданья! Мерси! Милости просимъ къ намъ! (Прощается съ хозяевами).

ОФИЦЕРЪ барынѣ. Намъ по пути... (Прощается съ хозяевами).

БАРЫШНЯ (съ гордостью). Мы не пѣшкомъ... Мы на извозчикѣ...

БАРЫНЯ. Ночь прекрасная... дойдемъ, дѣвочка!.. (Всѣ двигаются въ гостиную. Иванъ Мироновичъ провожаетъ. Любовь Васильевна идетъ къ слуховой трубѣ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (въ трубу). Авдотья! Проводи гостей... (Идетъ провожать гостей. Пробѣгаетъ Дуня. Изъ гостиной входитъ Соловьевъ; отдувается, грузно садится за столъ, наливаетъ себѣ стаканъ вина и, дымя папиросой, тупо смотритъ въ стаканъ. На верандѣ доиграли „пульку", дѣлаютъ подсчетъ и горячо спорятъ. Возвращается Иванъ Мироновичъ, сильно разстроенный, и садится къ столу. Входитъ Любовь Васильевна и начинаетъ понемногу прибирать со стола лишнее. Проходитъ изъ передней Дуня)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (къ Дунѣ). На ка, отнеси это въ чуланъ! (Подаетъ бутылку) Не пьютъ это. (Дуня уноситъ бутылку; на верандѣ ожесточенный споръ) Никакъ, поссорились? Родственники, а какъ сядутъ играть въ карты, такъ непремѣнно повздорятъ...

РАЗГОВОРЫ НА ВЕРАНДѢ.

ПЫРКОВА. Ты забыла записать...

ИВАНОВА (горячится). Я никогда не забываю. Считай! Курица—разъ, сыграна, остается 250, сыграно семь трефъ, списано...

ПЫРКОВЪ. Бросьте. Что тутъ изъ-за пустяковъ...

ИВАНОВЪ. Я принимаю на себя.

ИВАНОВА. Съ какой это стати?.. Ты, Маня, вѣчно насчитываешь. Съ тобой невозможно... Въ прошлый разъ ты тоже спорила, а оказалось...

ПЫРКОВЪ (тушитъ свѣчи). Кончено! (хохочетъ) Идемте! (Всѣ, кромѣ Ивановой, идутъ въ столовую. Иванова зажигаетъ свѣчу и старательно провѣряетъ и пересчитываетъ записи)

ПЫРКОВЪ. Женщины побѣдили!. Вотъ, вы все, Иванъ Миронычъ, про мозговыя-то линіи говорите, а между тѣмъ насъ обыгрываютъ... Софья Ивановна...

Гдѣ она?.. (Оглядывается и хохочетъ). Зажгла свѣтильникъ и отыскиваетъ истину!..

ИВАНОВЪ. Она у меня любитъ точность. Аккуратная женщина... У ней въ записной книжкѣ каждая копеечка записана...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Проигралась, вѣрно?

ИВАНОВЪ. Да нѣтъ! Обѣ барыни выиграли, а проиграли мы съ Василіемъ Николаевичемъ... Я проигралъ рубль, а онъ восемь гривенъ...

ПЫРКОВА. А Сонѣ хочется, чтобы мой мужъ проигралъ рубль, а ея только восемь гривенъ!..

СОЛОВЬЕВЪ (мрачно). Весь вечеръ сражались изъ-за двугривеннаго...

ПЫРКОВА. Тѣмъ лучше: и время провели пріятно, и никому не обидно.

СОЛОВЬЕВЪ. Мы съ покойной женой играли всегда въ „66“ и тоже, бывало, всегда ссорились... Теперь мнѣ не съ кѣмъ ссориться...

ИВАНОВА (тушитъ свѣчу и входитъ въ столовую). Нашла, господа, ошибку! (Къ Пыркову). У васъ, милостивый государь, записано 55, а надо было всего 45...

ПЫРКОВЪ Не спорю. Согласенъ. Ошибка всегда и вездѣ возможна.

СОЛОВЬЕВЪ Не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Вотъ, я, напримѣръ. Вышелъ въ отставку, овдовѣлъ, одинъ, ничего не дѣлаю—ни дурного, ни хорошаго... и не ошибаюсь...

ПЫРКОВА (позѣвнувъ). За Волгой спятъ и намъ велятъ...

ИВАНОВА. Я выиграла рубль, и пожалуйте мнѣ рубль. Карточные долги я сама плачу аккуратно и люблю, чтобы мнѣ платили. Мнѣ не додано 20 копеекъ! (Протягиваетъ руку, какъ бы ожидая, что въ нее положатъ этотъ двугривенный)

ИВАНОВЪ. Да вѣдь за мной, за твоимъ законнымъ мужемъ!

ИВАНОВА. Мнѣ все равно...

ИВАНОВЪ (даетъ 20 коп.). На! успокойся! Запиши, что получила... Съ родного мужа, какъ говорится, готова шкуру снять.

ПЫРКОВА. Вѣра Павловна... не выйдетъ, вѣрно?... Надо домой... А Олечка спитъ?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Капризничаетъ. Теперь онѣ съ Вѣрой Павловной союзъ заключили: все вмѣстѣ,—и капризничаютъ вмѣстѣ...

ПЫРКОВА. Правда, что Олечка на курсы осенью поѣдетъ?

ИВАНОВА. И вы отпускаете ее? одну?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Это еще на водѣ вилами писано.

ПЫРКОВА. А что тутъ вышло?... съ этимъ господиномъ?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Онъ тутъ такія сальности развелъ, что у меня, старухи, уши стали вянуть... Не всякій мужъ своей женѣ станетъ этакія сальности разсказывать...

ПЫРКОВА. Что же онъ такое говорилъ?.. а?

ПЫРКОВЪ (хлопая жену по плечу). Любопытная ты женщина! Много будешь знать,—скоро состаришься!!.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Да еще удовлетворенія захотѣлъ... Я вотъ схожу въ полицію,—получитъ онъ удовлетвореніе!..

ПЫРКОВА (къ мужу). Ну, Васекъ, давай прощаться...

ИВАНОВА (къ мужу). И намъ, Коля, пора... Опять пересидишь... Онъ у меня какъ ляжетъ позднѣе часу, такъ и не можетъ заснуть... Все теоремы разныя представляются... Прощайся!

ИВАНОВЪ (раздраженно). Дай допить вино!

ИВАНОВА. Лучше бы не пилъ! Вредно тебѣ,—знаешь это, а пьешь...

СОЛОВЬЕВЪ. Того нельзя, этого нельзя. Ничего нельзя...

ПЫРКОВЪ. А у меня вотъ до сихъ поръ отличный желудокъ! Гвоздь переваритъ... in corpore sano, какъ говорится...

ИВАНОВЪ. А господинъ этотъ, дѣйствительно, нахалъ. Онъ еще за ужиномъ позволялъ себѣ говорить лишнее... Въ футлярѣ мы или безъ футляра, любимъ мы своихъ женъ или только притворяемся, что любимъ,—это наше дѣло... Я хотѣлъ ему замѣтить...

ПЫРКОВЪ (женѣ, игриво). Какъ, Машурочка, полагаешь: любимъ мы другъ друга или притворяемся? а?.. (Закинувъ голову, хохочетъ)

ПЫРКОВА. Ну тебя тутъ! Не любили, такъ не прожили бы восемнадцать лѣтъ... Развѣ можно восемнадцать лѣтъ притворяться?

ПЫРКОВЪ. Вѣрно, Машуха! восемнадцать лѣтъ отбарабанили. Богъ дастъ, и еще столько же въ любви и согласіи поживемъ... А потомъ разведемся!.. (Хохочетъ)

ИВАНОВА (къ мужу). Пересидишь, Коля!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Удовлетвореніе! Не доставало только, чтобы инспекторъ дуэлями сталъ заниматься!

ПЫРКОВЪ. Куда намъ! Мы —люди штатскіе.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Я не боюсь. Рано или поздно умирать надо. Но, во-первыхъ, я не одинъ, у меня семья, и, слѣдовательно, я не имѣю нравственнаго права рисковать своей жизнью, а во-вторыхъ,—у насъ есть судъ. Оскорбилъ я тебя.—подавай въ судъ!.. А въ-третьихъ,—я человѣкъ вѣрующій и стрѣлять въ человѣка мнѣ не позволяетъ совѣсть... (Часы бьютъ „1“).

ИВАНОВА (мужу). Ну! Пересидѣлъ! (Встаетъ и прощается)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Вотъ вѣдь какъ хорошія-то жены мужей своихъ берегутъ!

ИВАНОВА. У насъ трое дѣтей. Не дай Богъ, что случится,—хоть по міру иди... Онъ не имѣетъ права...

ИВАНОВЪ (раздраженно). Умирать? Умирать всѣ имѣютъ право!...

ИВАНОВА. Онъ не выслужилъ еще пенсіи. (Подаетъ ему респираторъ). На, надѣвай! Ночи свѣжія... Опять хрипѣть будешь.

СОЛОВЬЕВЪ. А мнѣ вотъ теперь все равно. Никому нѣтъ дѣла, живъ я или померъ...

ПЫРКОВА. Идемъ, Васекъ!.. (Всѣ поднимаются и начинаютъ прощаться).

ИВАНОВЪ. Воздухъ весенній, ароматный, а тутъ надѣвай этотъ намордникъ... (Вертитъ въ рукѣ респираторъ Иванъ Мироновичъ и Любовь Васильевна провожаютъ гостей. Соловьевъ остается одинъ. Пауза).

СОЛОВЬЕВЪ (не поднимая головы съ рукъ, хрипло вполголоса вытягиваетъ). Соловьемъ за-лет-нымъ юность пролетѣла...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (входитъ). У насъ Гришенька спитъ, вы ужъ сдѣлайте одолженіе—не пойте!

СОЛОВЬЕВЪ (флегматично). Хорошо.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Грустите все?.. Вы ужъ извините: Иванъ Мироновичъ въ кабинетъ ушелъ, прилегъ... Усталъ онъ очень...

СОЛОВЬЕВЪ. Ничего. Я еще немножко посижу и уйду. Домой идти тяжело... Никто тамъ не ждетъ. Раньше, бывало, идешь и знаешь, что тамъ ждутъ: все припасено, приготовлено... Покойная Анюточка всегда ставила мнѣ на столикъ свѣчу, спички, графинъ съ водой... А около кровати—туфли... Да, всегда туфли.. А теперь... Теперь ничего нѣтъ. (Пауза. Слышно, какъ гдѣ-то далеко щелкаетъ соловей).

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.. Ну, что же дѣлать? Всему конецъ бываетъ...

СОЛОВЬЕВЪ (встаетъ, бродитъ по комнатѣ). Не хочется домой... Взялъ бы вотъ да на этомъ диванѣ!.. А утромъ рано ушелъ бы!.. И никто бы не видалъ.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (сердито). Съ удовольствіемъ бы, да неудобно: у насъ дѣвушка... Сами понимаете...

СОЛОВЬЕВЪ. Да... дѣвушка... Хорошая!.. Пойду на рѣку, сяду на горѣ и буду слушать, какъ поютъ соловьи... (Подходитъ къ верандѣ) Скоро свѣтать будетъ. Ухъ, какъ сиренью пахнетъ! Любила моя Аня этотъ запахъ... (Отходитъ) Да, въ этакую же вотъ ночь... (Вздыхаетъ) Не знаю, гдѣ моя шляпа...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Въ передней она... (Подходитъ къ трубѣ и говоритъ) Дуня! Проводи гостя!

СОЛОВЬЕВЪ. Да вы не безпокойтесь... Я самъ... Теперь я все самъ... Привыкать надо.. Ну, спокойной ночи! (Подаетъ руку. Дуня сонная, растрепанная, проходитъ со свѣчой въ рукѣ въ переднюю)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Ужъ какая тутъ спокойная ночь? Свѣтать скоро будетъ... Теперь ночи-то короче воробьинаго носу...

СОЛОВЬЕВЪ (уходя). Пойду на рѣку слушать, какъ поютъ соловьи...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (идя слѣдомъ за нимъ). Скоро они перестанутъ ужъ пѣть-то... Послушайте! Надо чѣмъ-нибудь грусть облегчить... (Исчезаютъ въ гостиной. Тихо. Слышно, какъ щелкаетъ гдѣ-то соловей и какъ „тикаютъ" стѣнные часы. Потомъ съ рѣки чуть слышно доносится хоровая пѣсня катающихся на лодкѣ: поютъ „Внизъ по Волгѣ рѣкѣ").

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (возвращается). Ну, провалились, слава Богу!.. Поютъ гдѣ-то... Не спится людямъ... (Сладко потягивается, позѣвываетъ и закрываетъ рукой ротъ)

ДУНЯ (возвращается со свѣчой). Вотъ какіе они!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Кто?

ДУНЯ. Да этотъ гость-то! Старикъ, недавно жену схоронилъ, а пристаетъ съ глупостями...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (всплеснувъ руками). Вотъ тебѣ и грусть! А! Скажите пожалуйста!

ДУНЯ. Гулять съ собой звалъ...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Сороковой день женѣ на той недѣлѣ еще будетъ... а!

ДУНЯ. На лодкѣ катаются... (Подходитъ къ верандѣ) Хорошо какъ поютъ, барыня!.. Послушайте-ка!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. А ну ихъ тутъ, съ пѣніемъ-то! Поди, приберись хоть маленько въ гостиной то! (Дуня уходитъ за щеткой и тряпкой, возвращается, идетъ въ гостиную и слышно, какъ она тамъ двигаетъ мебель, отряхиваетъ что-то, мететъ полъ. Любовь Васильевна прибираетъ на столъ. Хоровая пѣсня обрывается)

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (появляется въ столовой безъ пиджака и жилета). Ушелъ? (входитъ).

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (сливая вино изъ недопитыхъ стакановъ въ бутылку). Ушелъ... Видятъ люди, что въ семьѣ непріятности, и сидятъ... А этого Соловьева прямо палкой не выгонишь. Будто бы мы виноваты, что у него жена умерла...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (останавливаясь у стола). Что вы, мамаша, дѣлаете?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. А что?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Въ бутылкѣ бѣлое вино, а въ бокалѣ – красное!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Экая досада! Голова кругомъ идетъ. (Смотритъ бутылку на свѣтъ) Больше полбутылки. Придется на кухню отдать... Все равно... надо же... все-таки именинникъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (присаживается къ столу и послѣ небольшой паузы). А гдѣ Ольга?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Въ саду. Забилась въ кусты и сидитъ, какъ пенекъ. Сперва ревѣла въ Гришиной комнатѣ,—я ее оттуда погнала: еще ребенка напугаетъ... Твоя жена фокусница, сама никакихъ приличій знать не желаетъ и Ольгу къ тому же пріучаетъ... (Беретъ банку изъ-подъ икры) Всю кончили!.. Словно никогда въ жизни свѣжей икры не видали... Отца и мужа имъ не жалко, а жалко, видишь, того... нахала... За него оскорбились... (Иванъ Мироновичъ задумчиво ходитъ взадъ и впередъ, потомъ пріостанавливается у дверей спальни, осторожно стучитъ и слушаетъ,—отвѣта нѣтъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Заперлась, какъ въ крѣпости отъ непріятелей... Отъ законнаго-то мужа! Это... „новая

жизнь“ называется... Бросила гостей и заперлась. На всѣхъ ей наплевать. (Вздохнувъ) Правду говорятъ, что въ эти годы баба бѣсится...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (рѣшительно стучитъ въ двери). Будьте любезны — отпереть! Что-съ?.. Не одѣты?... (Отходитъ) Хорошо-съ, подожду.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Вотъ тебѣ и законный мужъ! Нахаламъ дозволяется про брюки и разныя сальности говорить, а для мужа — „не одѣта“!.. (Подходитъ къ дверямъ въ гостиную) Неужто ты все еще здѣсь возишься?!

ДУНЯ (ея голосъ изъ гостиной). Здѣсь такъ нагажено, что въ двое сутокъ не уберешь... (Любовь Васильевна идетъ въ гостиную и сейчасъ же возвращается)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Окурковъ вездѣ натыкали: и въ тарелки, и въ цвѣты... Это все Соловьевъ! По женѣ онъ, видите ли, скучаетъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (опять у двери въ спальню). Послушайте! Вы, вѣроятно, упустили изъ виду, что я — тоже человѣкъ и тоже хочу спать?.. (Дверь слегка пріоткрывается, и оттуда слышенъ голосъ Вѣры Павловны: „Дуня! Дуня!“ Дуня идетъ изъ гостиной въ спальню, и тамъ слышенъ голосъ Вѣры Павловны: „все это — въ кабинетъ“! — Дуня выходитъ изъ спальни съ двумя подушками, простыней и одѣяломъ и проходитъ въ гостиную: дверь въ спальню запирается на ключъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Поздравляю васъ, Иванъ Миронычъ! Самая ужъ новая жизнь начинается... (Уходитъ въ гостиную)

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (спокойно, но строго). Ничего смѣшного тутъ нѣтъ... (Наставительно) Все это было бы, мамаша, смѣшно, когда бы не было такъ грустно...

ДУНЯ (выходитъ со свѣчей и щеткой). Пожалуйте, баринъ! Вамъ постлано въ кабинетѣ на диванѣ... (Хочетъ уйти)

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Постой! Гм... Мало ли что бываетъ въ семьѣ? Я смотрю на прислугу, какъ на членовъ семьи. Иначе нельзя. Если прислуга хорошая, она понимаетъ, что господа и прислуга это — старшіе

и младшіе члены одной семьи. Если ты порядочная дѣвушка... и... дорожишь своимъ мѣстомъ, то все, что ты въ семьѣ видишь и слышишь, не должно выходить на улицу... и я предупреждаю, что...

ДУНЯ. Что вы это, баринъ?! Развѣ я не понимаю? Мало ли что бываетъ между мужемъ и женой...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Вотъ то-то и есть! Это ты помни, не забывай... если, конечно, хочешь служить у насъ...

ДУНЯ. Я хорошо понимаю... Развѣ можно... (Хочетъ идти)

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Погоди! Сегодня тебѣ было много хлопотъ и потомъ... я... именинникъ... (Даетъ Дунѣ рубль) На, возьми. Полтинникъ себѣ, а полтинникъ дашь сдачи...

ДУНЯ (растерянно роется въ карманѣ). У меня, никакъ, нѣтъ полтинника-то... (Смотритъ на ладони деньги) Такъ и есть!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Сколько же у тебя? (Появляется Любовь Васильевна)

ДУНЯ. Только тридцать пять копеекъ..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (сердито). Есть у меня, есть!.. Сколько ей надо?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Полтинникъ.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (сердито). На, возьми! (Дуня благодаритъ и прячетъ полтинникъ) Ну, чего же стоять? Получила и иди!

ДУНЯ. Больше ничего?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Какъ это „ничего"? Отнеси вотъ вино въ погребъ. (Отдаетъ двѣ бутылки Дунѣ)

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Оставьте красное! (Дуня ставитъ бутылку передъ Иваномъ Мироновичемъ; онъ наливаетъ вино и медленно пьетъ, сосредоточенный и мрачный)

ДУНЯ. Позвольте, барыня, ключи!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. А эти всѣ - пустыя; ихъ—въ чуланъ.. (Отдаетъ Дунѣ ключи, та уходитъ) Погоди, вмѣстѣ

пойдемъ!.. Ты никакъ мышей боишься: испугаешься да уронишь... (Обѣ уходятъ. Слышно, какъ щелкаетъ соловей, Иванъ Мироновичъ встаетъ, бродитъ по комнатѣ, грустно вытягиваетъ: „Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ изъ гроба встаетъ барабанщикъ“, потомъ останавливается у двери спальни и робко стучитъ. За дверью голосъ Вѣры Павловны: „Что вамъ?“)

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (упавшимъ тономъ). Вѣрочка!.. Я желалъ бы съ тобой поговорить... выяснить...

ВѢРА ПАВЛОВНА (выходитъ въ капотѣ: глаза ея заплаканы). Что вамъ?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (садится). Присядь! (Вѣра Павловна садится за столъ, облокачивается на руки и пристально смотритъ въ лицо Ивану Мироновичу) Ну, я слушаю...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (затрудняясь и конфузясь). Я, Вѣрочка... того... упустилъ изъ виду... Эти странности, слезы, вспышки, нервность... Гм... Быть можетъ, ты, душа моя, того... въ этакомъ, душа моя, положеніи?.. Понимаешь?..

ВѢРА ПАВЛОВНА (злорадно хохочетъ). Поняли! Наконецъ-то поняли!

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (обиженно). Но... что же тутъ смѣшного?.. Ты не дѣвушка...

ВѢРА ПАВЛОВНА (продолжая смѣяться). Какъ вы догадливы!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (встаетъ и ходитъ). Въ такомъ случаѣ я отказываюсь понимать... Объясните, что все это значитъ!

ВѢРА ПАВЛОВНА. Что?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Гм... Я, напримѣръ, замѣчаю у васъ склонность къ кокетству... Не далѣе какъ вчера утромъ, вы, еще не вставъ съ постели, первымъ дѣломъ взялись за зеркало... Вы, видимо, думали, что я сплю, но я, къ сожалѣнію, не спалъ и видѣлъ, какъ вы... съ зеркаломъ... На подобіе Маргариты...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Вы очень наблюдательны...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Вообще, ваше поведеніе оставляетъ желать лучшаго, а ужъ сегодняшнее... поло-

жительно... по меньшей мѣрѣ... того... какъ бы это сказать...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Мое поведеніе?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Да. Особенно сегодня.

ВѢРА ПАВЛОВНА. Поставьте три съ минусомъ: больше мнѣ, господинъ инспекторъ, не надо!

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Странно было бы допустить, что порядочная женщина, мать и законная жена...

ВѢРА ПАВЛОВНА (перебивая). Вы говорите, словно диктуете... Говорите скорѣй! Вѣдь мы не записываемъ вашихъ драгоцѣнныхъ словъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (не слушая). Странно допустить, говорю я, чтобы эта женщина просила извиненія у того нахала, который оскорбилъ ея мужа и отца ея дѣтей, если не сдѣлать того печальнаго и оскорбительнаго предположенія, что она, эта женщина... гм... какъ бы это сказать...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Любовница этого нахала?.. Такъ вы хотите сказать?..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Я... собственно... не могу.. не имѣю...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Вы ужасно трусливы! Вы боитесь даже „словъ!..“

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Я не думаю, чтобы дѣло зашло такъ далеко, но, во всякомъ случаѣ, я вижу, что вы вступаете на скользкій путь, и потому я вынужденъ указать вамъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА (перебивая) Правильный путь? (Зло смѣется) Вы—отличный, опытнѣйшій путеводитель! Съ вами можно зайти въ такую трясину пошлости, изъ которой и не вылѣзешь...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (пожимая плечами). Вотъ какъ? Не ожидалъ... Не заслужилъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Я вязну, а вылѣзти хочется, Иванъ Миронычъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Не заслужилъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Вязну, Иванъ Миронычъ! Чувствую, что вязну,—съ каждымъ годомъ все глубже и глубже... Вы уже вытравили изъ моей души половину жизни!

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Что вы говорите?! Кто вы были? вспомните! Вы были сперва пепиньеркой, которая обучала дѣвочекъ танцамъ... Плясали за пятнадцать рублей въ мѣсяцъ ежедневно, плясали, когда вамъ даже хотѣлось плакать...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Случалось, Иванъ Миронычъ.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. А потомъ вы были гувернанткой и за какую-нибудь четвертную говорили... чуть не на всѣхъ языкахъ... Я васъ вырвалъ изъ этой жизни... Я васъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА (перебивая). Однимъ словомъ,—вы пріобрѣли меня „по случаю!..“

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. И вотъ, въ благодарность за все это, вы... Ни мое положеніе, ни честь семьи, ни честь фамиліи, которую я далъ вамъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА (насмѣшливо). Горжусь, Иванъ Миронычъ.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. За что-съ? Это за двѣнадцать-то лѣтъ вѣрной и тихой семейной жизни? Благодарю!.. благодарю!...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Вы меня двѣнадцать лѣтъ обучали вашей тактичности! Двѣнадцать лѣтъ заставляли и говорить по заказу, и молчать по заказу, и смѣяться по заказу... Помните: я любила музыку, пѣніе... Теперь не пою... Не умѣю веселиться и радоваться...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (очень ласково). Пой, радуйся, смѣйся, душа моя! Сдѣлай такое одолженіе!.. Я очень радъ, но всему, душа моя, есть время и мѣсто. Не слѣдуетъ смѣяться тамъ, гдѣ приличествуетъ плакать...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Вы сочинили бы мнѣ расписаніе, когда, въ какихъ случаяхъ и по какому поводу слѣдуетъ улыбаться, радоваться, смѣяться, плакать!.. въ

родѣ расписанія уроковъ, которое виситъ въ вашемъ кабинетѣ... А, впрочемъ... убирайтесь вы отъ меня съ вашими „путями“! Я жить хочу, а жить нечѣмъ... Понимаете, Иванъ Миронычъ? Нечѣмъ жить! Мнѣ наскучило ваше расписаніе... Мнѣ надоѣло такъ жить!.. Не стоитъ такъ жить!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (пораженъ и опечаленъ). Вотъ тебѣ и разъ!.. Жили-жили, двѣнадцать лѣтъ прожили и все было хорошо... И вдругъ... „нечѣмъ жить“!..

ВѢРА ПАВЛОВНА. Не „вдругъ“, Иванъ Миронычъ, не „вдругъ“! Если вы это замѣтили „вдругъ“, то въ этомъ виновата ваша проницательность...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Какъ же это вамъ хотѣлось бы жить... по-новому то?.. Новую то жизнь вашу я никакъ не могу себѣ представить... понять...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Не поймете, Иванъ Миронычъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. А вы объясните!

ВѢРА ПАВЛОВНА. Не стоитъ, Иванъ Миронычъ!

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. А вы попробуйте!

ВѢРА ПАВЛОВНА. Безъ расписанія!.. Поняли? Какъ хочется!...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. То есть, какъ же это?... Мебель, напримѣръ, ставится обыкновенно внизъ ножками, а вамъ захочется ее—вверхъ ножками?...

ВѢРА ПАВЛОВНА (нервный смѣхъ). Бываютъ, Иванъ Миронычъ, такіе моменты, когда мнѣ хочется даже и васъ поставить вверхъ ножками!.. Воображаю!.. Инспекторъ—и вдругъ—вверхъ ножками!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Похвально, похвально!.. Я не понимаю одного только: когда вы успѣли нахвататься такихъ удивительныхъ мыслей?!

ВѢРА ПАВЛОВНА. За двѣнадцать лѣтъ нашей тихой и мирной жизни съ вами. Смотрѣла на васъ, смотрѣла и, наконецъ, увидѣла, что вы... совсѣмъ не страшная „букашка“... Вы... „пугало“!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (оскорбленнымъ тономъ). Позвольте! За что вы меня оскорбляете?

ВѢРА ПАВЛОВНА. Вы наставили въ саду пугалъ, чтобы галки и воробьи не клевали ягодъ... (Хохочетъ). А воробьи то перестали бояться!.. Клюютъ!.. Понимаете? Ничего не понимаете?.. (Иванъ Мироновичъ пожимаетъ плечами) Ну, все равно! (Наливаетъ въ бокалъ вина) Давайте, Иванъ Миронычъ, выпьемъ за окончаніе „всяческаго благополучія и безконечнаго счастія"! (Протягиваетъ бокалъ съ виномъ). Чокнемся!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (проходитъ въ садъ и, предположивъ примиреніе, съ облегченіемъ произноситъ) Ну, давно бы такъ! Ольга то все въ саду... Не выгонишь... (Исчезаетъ)

ВѢРА ПАВЛОВНА. Чокнемся, Иванъ Миронычъ! Не хотите? (Иванъ Мироновичъ встаетъ и съ гордостью удаляется въ гостиную). Ну, все равно, я съ бутылкой! (Чокается съ бутылкой и пьетъ. Пауза. Изъ сада доносится голосокъ Ольги, напѣвающей романсъ: „Сладкимъ запахомъ сирени напоенъ душистый садъ", затѣмъ слышенъ голосъ Любови Васильевны: „Ольга! Ольга!") Олечка поетъ... Пой, пой, милая!... И пусть твоя пѣсенка напоминаетъ намъ, что гдѣ то тамъ есть другая жизнь, яркая, полная радости и муки, большого счастья и большихъ страданій! (Поникнувъ головой, потихоньку плачетъ и пьетъ вино)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (возвращаясь съ веранды, ворчливо). Грубіянка! Какую волю взяла! Люди спятъ, а она романсы распѣваетъ... (Къ Вѣрѣ Павловнѣ) Ну, объяснились, что ли?

ВѢРА ПАВЛОВНА (ухмыляясь). Объяснились!.. Объяснились!.. По душѣ...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (радостно). Такъ и слѣдуетъ! А то „во-первыхъ, да во-вторыхъ, да въ третьихъ"... Развѣ такъ мужъ съ женой долженъ объясняться? Поцѣловались покрѣпче—и дѣлу конецъ!..

ОЛЬГА (тихо входитъ изъ сада, съ большимъ букетомъ сирени: молча приближается къ Вѣрѣ Павловнѣ, касается цвѣтами ея

лица и спрашиваетъ) Хорошо? (Цѣлуетъ Вѣру Павловну въ щеку).

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (ворчитъ). Поѣдетъ она на курсы учиться... Чему учиться? Грубіянить? И такъ, слава Богу, научилась, безъ курсовъ...

ОЛЬГА (твердо и рѣшительно). Захочу и поѣду.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. А отецъ не дастъ денегъ, и никуда не поѣдешь...

ОЛЬГА (спокойно). Не надо. Мнѣ мама брилліанты отдастъ...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. А отецъ паспортъ не выдастъ... Тебѣ еще лѣта не вышли...

ОЛЬГА. А тогда я что-нибудь сдѣлаю...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Пугаешь? Что же, отравишься, что ли?

ОЛЬГА. Вотъ, больно нужно! Стану я травиться! Я жить хочу....

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Ну, что же ты сдѣлаешь?

ОЛЬГА (загадочно). Я знаю что... (Молча цѣлуетъ Вѣру Павловну, кладетъ передъ ней часть цвѣтовъ и съ гордостью уходитъ чрезъ гостиную въ свою комнату).

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА ей вслѣдъ). Королева испанская, да и только! Право... (Пауза). Гдѣ же Ваня-то? Ему, чай, тамъ, на диванѣ-то, неловко... На мѣсто ужъ надо бы!.. (Вѣра Павловна срывается со стула, быстро уходитъ въ спальню и запирается на ключъ. Любовь Васильевна въ полномъ недоумѣніи). Вотъ! Точно въ гостиницѣ онѣ обѣ живутъ: чуть-что, сейчасъ въ свой номеръ — и на замокъ!.. (Возится около стола и буфета).

ГРИША (появляется въ дверяхъ, заспанный, въ одной рубашкѣ и одѣялѣ). Бабушка! Иди спать!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (удивленно). Что ты, дурачокъ? Богъ съ тобой!

ГРИША. Я боюсь... Кто-то все плачетъ...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (идетъ къ Гришѣ). Иди, иди! Спи себѣ! Богъ съ тобой! Чего бояться? (Провожаетъ Гришу въ комнату, и, возвратившись, опять возится около стола.

Гдѣ-то хлопаетъ дверь, слышны мягкіе шаги: это Иванъ Мироновичъ вышелъ изъ кабинета, ходитъ и грустно вполголоса напѣваетъ: „Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ изъ гроба встаетъ барабанщикъ, и ходитъ онъ взадъ и впередъ“).

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (появляется въ столовой въ туфляхъ и халатѣ). Вы, мамаша, все бродите?.. (Останавливается около матери). Устали?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (опускаясь на стулъ). Мнѣ тебя жалко... И что такое творится,—никакъ я понять не могу... Мнѣ тебя жалко... (Утираетъ слезы салфеткой). Какая имъ еще новая жизнь понадобилась,—понять не могу... (Оба молчатъ, опустивъ головы. Тихо. Слышно, какъ гдѣ то далеко щелкаетъ соловей. Въ окнахъ и дверяхъ играетъ розоватый отблескъ утренней зари. Въ саду щебечутъ птицы. Часы съ музыкой бьютъ и играютъ).

Занавѣсъ.

Иванъ Миронычъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Спальня Боголюбовыхъ. Одно окно выходитъ въ коридоръ съ сѣнцей. Осенній вечеръ. Фонарь подъ потолкомъ кидаетъ розовыя тѣни на полъ, стѣны и широкую кровать, въ которой лежитъ Вѣра Павловна. Слышно, какъ тикаютъ на столикѣ „часы съ музыкой" и какъ шумитъ вѣтеръ желѣзной крышей и свиститъ въ деревьяхъ оголеннаго сада... Въ качалкѣ задремала съ книгой на колѣняхъ Ольга. Нагорѣвшая свѣча съ абажуромъ (на столикѣ) ярко освѣщаетъ лицо дѣвушки. Слышно какъ кто-то ходитъ въ сосѣднихъ комнатахъ. Часы начинаютъ играть торжественный маршъ. Ольга вздрагиваетъ и прислушивается.

ВѢРА ПАВЛОВНА. Ты, Оля, заснула... Я смотрѣла на твое личико и оно казалось мнѣ бѣлымъ, какъ мраморъ...

ОЛЬГА. Задремала и увидѣла сонъ... Будто-бы мы съ тобой плывемъ по рѣкѣ въ лодкѣ, безъ веселъ!.. Лодку быстро несетъ по теченію на какія-то сваи... и мы не можемъ избѣгнуть столкновенія. Страшно какъ!.. Сейчасъ лодка ударится и перевернется и мы погибнемъ... Я хочу закричать и не могу... И проснулась...

ВѢРА ПАВЛОВНА. По теченію... Безъ веселъ нельзя противъ теченія... Какъ противно воетъ вѣтеръ... А по крышѣ точно кто-то ходитъ... Мнѣ что-то страшно... Чудятся какіе-то уроды, обезьяны... Точно кто-то все шевелится подъ кроватью...

ОЛЬГА (положивъ свою руку на лобъ Вѣры). У тебя, кажется, опять жарокъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Я горю, горю, горю... Вонъ свѣчка у тебя догораетъ. Погаснетъ скоро... А давеча какъ противно каркали вороны... Я слушала и мнѣ казалось,

что всѣ, всѣ... даже и вороны—узнали о томъ, что со мной случилось и сплетничаютъ... А въ саду теперь, вѣрно, непривѣтливо: листья облетѣли, деревья голыя, холодныя... И стоятъ тамъ пугалы на палкахъ, тоже несчастныя такія и совсѣмъ не страшныя... Боже мой, какъ здѣсь душно! Нечѣмъ дышать...

ОЛЬГА. Хочешь пить? (подаетъ стаканъ съ водой).

ВѢРА ПАВЛОВНА (садится въ постели, пьетъ воду). Я сижу и мнѣ кажется, что постель плыветъ.. Право... (съ нервнымъ смѣшкомъ). Эту кровать, Оля, мы купили по случаю... Это, Оля, было очень смѣшно!.. Незадолго до свадьбы Иванъ Миронычъ повелъ меня на квартиру, гдѣ мы должны были жить послѣ вѣнца... Тамъ было пусто, совсѣмъ пусто и, когда говоришь, то, словно въ какомъ-то храмѣ, раздавалось эхо голоса... И ничего не было... А вотъ эта самая кровать стояла одна и была похожа на скелетъ... Я... (смѣется) Ничего-то я тогда не понимала!.. „Зачѣмъ-же эта большущая кровать?“ — спрашиваю. Это было очень смѣшно!.. Иванъ Миронычъ сказалъ, что купилъ ее по случаю, очень дешево; что она изъ какого-то мягкаго желѣза, прочная очень... (нервный смѣшокъ). Заботливый онъ!..

ОЛЬГА. Ты все говоришь, говоришь... А докторъ велѣлъ тебѣ молчать. Тебѣ надо беречь силы...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Возьми стаканъ... Батюшки! рука какъ трясется!.. Тяжелая рука и длинная... Иногда я лежу въ постели и смотрю на ноги, и мнѣ кажется, что мои ноги вытягиваются и дѣлаются длинными — длинными. Смѣшно!.. (опускается на подушки). Кто-то на этой кровати спалъ и, можетъ быть, думалъ, что никогда не умретъ... А теперь я... Гм! Странно...

ОЛЬГА. Перестань говорить!.. Береги силы...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Зачѣмъ? Мнѣ хочется говорить, говорить, безъ конца говорить... Когда я вспомню, что со мной случилось, то мнѣ кажется, что я уже умерла... Теперь мнѣ всѣ мужчины кажутся звѣрями...

Иванъ Миронычъ!.. Мохнатый весь, глаза налились кровью... ломаетъ дверь и влѣзаетъ сюда... А я вскакиваю на ноги, жмусь въ уголъ, отбиваюсь... и махаю руками, какъ крыльями... Хочу улетѣть, а не могу... (начинаетъ потихоньку плакать) Что они со мной сдѣлали.. Что они сдѣлали!.. Какія мы слабыя, безсильныя... Мужъ!.. Онъ—мужъ!.. (нервно смѣется) Теперь я лежала бы мертвая и мнѣ было бы все равно...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (осторожно растворяетъ дверь и входитъ). Вы опять разговариваете? Вѣдь не велѣно вамъ говорить?!

ВѢРА ПАВЛОВНА (отмахиваясь рукой). Убирайтесь вы! Оставьте меня въ покоѣ.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Какъ это „оставьте"? Человѣкъ надѣлалъ глупостей, чуть на тотъ свѣтъ не отправился, а вы — „оставьте"... Нѣтъ ужъ, покорно благодарю!..

ВѢРА ПАВЛОВНА. Вы и умереть не дадите...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Ничего! Потомъ меня же благодарить будете... Бывали случаи: наглупятъ вотъ этакъ-же, а потомъ плачутъ, каются и просятъ пожить... Людямъ за спасеніе ближняго медали даютъ, а мнѣ— „убирайтесь"! И то сказать: награды мнѣ никакой не надо. У меня своя совѣсть—награда. Вы—жена, вы — мать, вы не имѣете права... Вы—не своя теперь!..

ВѢРА ПАВЛОВНА. Да, да... Не своя... не своя... Въ этомъ страшная правда... Не своя...

ОЛЬГА (къ Любови Васильевнѣ). Сами не велите говорить, а разговариваете всѣхъ больше...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Мнѣ не заказано докторомъ говорить. Не я травилась. Лѣкарство извольте принять!.. (идетъ къ столику, беретъ пузырекъ съ лѣкарствомъ и ложку) Когда послѣдній разъ пили? Ольга?

ВѢРА ПАВЛОВНА. Не хочу.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. А вы не куражьтесь, пожалуйста! будетъ ужъ! Иванъ Миронычъ и такъ голову

потерялъ. Не ѣстъ, не пьетъ, каждую минуту про васъ думаетъ... Мало-ли что бываетъ въ семейной жизни... Вывели человѣка изъ терпѣнія, забылся и ударилъ... Ничего тутъ невозможнаго нѣтъ... Теперь кается, проситъ извиненія и надо простить... Будетъ уже злобу-то питать... Сами виноваты: не надо было подзадоривать. Сегодня вотъ третье письмо доброжелатели присылаютъ... Смѣются... Мужчина этого не любитъ... Съ рогами-то ходить не большое удовольствіе... Пейте лѣкарство!

ОЛЬГА. Оставьте, бабушка!.. Безъ васъ лучше...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Кому?.. Кому лучше-то?..

ВѢРА ПАВЛОВНА (нервно смѣется). Не своя!.. А пить все-таки не буду...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Все равно вѣдь: не умрете, а только дольше промучаетесь да въ постели пролежите! Мнѣ все равно... Умереть вамъ не дадутъ, не разсчитывайте!

ВѢРА ПАВЛОВНА. Не своя...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Себя не жалѣете, такъ пожалѣйте Ивана Мироновича. Онъ виду старается не подавать, а на душѣ у него хуже ада... Я давеча иду по коридорчику, вдругъ слышу словно кто-то плачетъ... Остановилась и думаю: что такое?.. (тихо) А это Иванъ Миронычъ!.. Спрятался въ чуланчикѣ, гдѣ у меня варенье стоитъ, и плачетъ... Какъ маленькій мальчикъ плачетъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Ахъ онъ бѣдный!.. Все плачетъ... въ чуланѣ... Хорошо!.. Я его прощу, такъ и быть...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Любитъ онъ васъ прямо на рѣдкость... А вы не цѣните... Впрочемъ, теперь больше такихъ мужей любятъ, которые на сторонѣ безобразничаютъ... Смирныхъ да преданныхъ семейству не любятъ; не нравятся они нынѣшнимъ женамъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Пусть онъ надѣнетъ вицъ-мундиръ, возьметъ свой контрабасъ, сядетъ на парадномъ

крыльцѣ и поиграетъ... ну, хоть... „барыню“... (нервно хохочетъ) Если очень любитъ—согласится... И тогда я его прощу....

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (раздраженно). Эхъ! И умирать будемъ, а своихъ фокусовъ не оставимъ! Характерецъ у васъ! (уходя вынимаетъ ключъ изъ двери и прячетъ его въ карманъ) Незачѣмъ эти запоры... У родныхъ живете! (исчезаетъ).

ГРИША (пріотворивъ окно изъ коридора, шопотомъ) Ольга! а Ольга!

ОЛЬГА (идетъ къ окну). Что тебѣ?

ГРИША. Мама спитъ?

ВѢРА ПАВЛОВНА. Это ты, Гриша?.. Не сплю... Можешь войти...

ОЛЬГА. Все тебя безпокоятъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА (загадочно). Успѣю... отдохну...

ГРИША (входитъ). Не спишь развѣ?

ВѢРА ПАВЛОВНА. Нѣтъ, дружокъ, не сплю...

ГРИША. Тебѣ лучше?

ВѢРА ПАВЛОВНА. Мнѣ хорошо, совсѣмъ хорошо... Подойди сюда поближе... Я о тебѣ соскучилась... (Гриша подходитъ къ матери, та ласкаетъ его) Какой ты грязный... Ты сегодня умывался?

ГРИША. Умывался... Съ мыломъ... И зубы чистилъ! Смотри! (показываетъ зубы).

ВѢРА ПАВЛОВНА (съ улыбкой). Молодецъ!

ГРИША. Смотри, Ольга: блестятъ зубы?

ОЛЬГА. Блестятъ, блестятъ... А что это у тебя въ рукѣ?

ГРИША. Папа опять записку прислалъ... Тебѣ, мама! (подаетъ Вѣрѣ аккуратно сложенную записку) Онъ велѣлъ прочитать и сказать: „да“ или „нѣтъ“... И велѣлъ тебѣ, Ольга, прійти къ нему... Онъ въ кабинетѣ... (Ольга молча выходитъ изъ спальни. Вѣра читаетъ записку) Ну, что сказать ему? Да или нѣтъ?

ВѢРА ПАВЛОВНА. (очень ласково). Подойди ближе...

(ласкаетъ сына). Ахъ ты, ничего-то ты не понимаешь... Звѣрушка ты моя маленькая! Если-бы ты всегда остался такимъ чистымъ, искреннимъ, добрымъ... А выростешь большой, будешь похожъ на отца... А я тебя сейчасъ люблю, нѣжно такъ люблю!.. Поцѣлуй меня, звѣрушка! (цѣлуетъ Гришу въ лобъ) Кто знаетъ, что изъ тебя выйдетъ потомъ...

ГРИША. Когда я выросту большой, я буду исправникомъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА (улыбается). А можетъ быть, будочникомъ будешь?...

ГРИША. Вотъ больно нужно!.. Будочникъ исправнику честь отдаетъ!.. Какая, ты, мама, худая... У тебя подъ глазами синяки какіе-то!

ВѢРА ПАВЛОВНА. Да, звѣрушка, худая я стала и некрасивая...

ГРИША. Ты скоро состаришься?

ВѢРА ПАВЛОВНА. Скоро... Очень скоро...

ГРИША. Будешь сѣдая, беззубая...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Былъ ты сегодня въ гимназіи?

ГРИША. Былъ. Три изъ географіи получилъ... А папа сердится, что—три... А другіе—двойку получили... и то ничего... Когда ты была маленькая, ты получала двойки?

ВѢРА ПАВЛОВНА. Нѣтъ. У меня были все пятерки... А вотъ теперь...

ОЛЬГА (входитъ съ заплаканными глазами, останавливается у окна и остается неподвижной) Гриша!.. Папа зоветъ...

ГРИША. Что ему сказать, мамочка: да или нѣтъ?

ВѢРА ПАВЛОВНА. Скажи—да, скажи, что все это — правда!..

ГРИША. Что правда?

ВѢРА ПАВЛОВНА. Скажи, что все, что папѣ пишутъ про меня,—правда!..

ОЛЬГА (съ нервнымъ смѣхомъ) Неправда! Неправда! Неправда!! Не говори!

ВѢРА ПАВЛОВНА. Иди, Гриша... Ничего не говори...

ГРИША. Онъ разсердится на меня...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Скажи: если вѣритъ, то правда, а если не вѣритъ, то неправда... Какъ хочетъ...

ГРИША (стараясь запомнить) Если вѣритъ, то правда, а не вѣритъ—враки... (уходитъ).

ВѢРА ПАВЛОВНА. И ложись спать... Десять часовъ... (Послѣ небольшой паузы) Оля!.. Ты вѣришь этимъ письмамъ, которыя пишутъ про меня доброжелатели?..

ОЛЬГА. Нѣтъ!.. Никогда! Ни за что!

ВѢРА ПАВЛОВНА. А если-бы это была правда, ты не стала бы меня любить? (пауза) Оля?.. Не стала бы любить?..

ОЛЬГА (со слезами въ голосѣ, не оборачиваясь). Но это клевета, мама... Этого не можетъ быть... Это—негодяи, эти доброжелатели...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Ну, а если-бы это была правда? Если-бы я дѣйствительно любила Сергѣя Борисовича и...

ОЛЬГА (съ большимъ колебаніемъ). Не знаю... Мнѣ было бы обидно, оскорбительно за отца... Какой онъ жалкій! Сидитъ въ кабинетѣ растрепанный, глаза опухли, и пьетъ вино...

ВѢРА ПАВЛОВНА. И ты отвернулась бы отъ меня? И стала бы бросать въ меня грязью?..

ОЛЬГА (умоляюще). Не говори объ этомъ!.. Христа-ради не говори... Вѣдь ничего этого нѣтъ и... не можетъ быть...

ВѢРА ПАВЛОВНА Эхъ, Оля!.. Знаешь, когда въ стаѣ галокъ одна больная, подстрѣленная, то всѣ другія галки накидываются на нее и добиваютъ... Вмѣсто того, чтобы помочь другъ другу, мы сами себя толкаемъ въ яму... Чуть-чуть женщина вылѣзетъ изъ пошлости, сейчасъ-же всѣ другія, которыя сами томятся и потихоньку преступаютъ всякія правила, сейчасъ-же накидываются на свою сестру и клюютъ ее... Мы, какъ галки...

(Изъ сада доносится тревожный и настойчивый лай собаки)

ОЛЬГА (бросившись къ постели). Мама! Мамочка! скажи мнѣ, скажи мнѣ всю правду!.. Не мучай меня!.. Ты любишь его? Вы любите другъ друга? Сергѣй Борисовичъ тоже... Ты... вы...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Дѣтка! Успокойся!.. Все это вздоръ... Ничего нѣтъ и ничего не было... А было только одно чистое искреннее расположеніе, которое опоганили теперь люди, всѣ эти „пугалы"... Опоганили, Оля... Душу мнѣ опоганили...

ОЛЬГА (осыпаетъ Вѣру поцѣлуями). Какъ я рада! Какъ я счастлива!.. Ты—хорошая, ты—святая... Ты... ты... милая, милая, милая... Я тебѣ скажу, я скажу тебѣ по секрету всю правду... Знаешь... Ты не сердись, не брани меня!.. (очень застѣнчиво и тихо) Я очень, очень люблю Сергѣя Борисовича... Онъ такой честный, умный, свѣтлый... И онъ... кажется тоже... Впрочемъ, я не знаю, ничего не знаю... Мамочка! Онъ... поцѣловалъ мнѣ руку... (прячетъ лицо вь подушку. Долгая пауза. Очень тихо. Гдѣ-то что-то разбилось. Обѣ вздрагиваютъ. Слышится сердитый голосъ Любови Васильевны, раздраженный—Ивана Мироновича).

ВѢРА ПАВЛОВНА. Что тамъ случилось? (Ольга молча встаетъ и выходитъ изъ комнаты; Вѣра Павловна слабымъ тихимъ голоскомъ мурлычетъ что-то жалобное. Ольга возвращается).

ОЛЬГА. Залѣзли въ садъ и воруютъ на огородѣ огурцы... Папа хочетъ идти съ револьверомъ, а револьверъ пропалъ... Не могутъ найти... А бабушка дала ему шпагу... (легкій смѣшокъ) А папа бросилъ ее и разбилъ графинъ... (вздохнувъ, грустно) Кажется, папа пьяный...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Все сражаются съ ворами...

ОЛЬГА. Когда была жива мама и они съ папой ссорились, папа все стращалъ, что застрѣлится... Помню, одинъ разъ папа подвыпилъ и сталъ пугать, что застрѣлится, а покойная мама утащила у него револьверъ и второпяхъ, не зная, куда его спрятать, бросила въ

печку, а потомъ и забыла. Вотъ одинъ разъ, вечеромъ, пьемъ чай, вдругъ — трахъ! трахъ! трахъ!.. Точно на войнѣ!.. Бабушка разбила окно и стала кричать „караулъ“... Папа залѣзъ подъ диванъ. (смѣется) А мама догадалась, въ чемъ дѣло, стоитъ и хохочетъ... Печку-то затопили!.. (Вѣра Павловна смѣется больнымъ разслабленнымъ смѣхомъ).

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (входитъ). Пистолетъ у отца утащили... Перестаньте смѣяться-то!.. Гришки тутъ нѣтъ? (оглядываетъ комнату).

ОЛЬГА. Гриша пошелъ спать...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Навѣрное онъ утащилъ... А пистолетъ заряженный... Долго-ли до грѣха?.. Въ письменномъ столѣ, говоритъ, былъ... Кому взять?.. (всплеснула руками) И слава Богу, что украли эту штуку... А то Иванъ Миронычъ, кажется, того... Не совсѣмъ трезвый... Что-нибудь еще выкинетъ... Ахъ, ужъ эти мнѣ пистолеты! Сколько я отъ нихъ страха натерпѣлась... И кто ихъ только выдумалъ, чтобъ ему... (озабоченно уходитъ изъ комнаты. Пауза. Очень тихо. Гдѣ-то Иванъ Мироновичъ ходитъ и хмуро вытягиваетъ: „Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ“)...

ОЛЬГА. Ты утомилась... Отдохни...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Немножко устала... Дочитай мнѣ про бирманскихъ женщинъ. Это очень интересно... А потомъ можно баиньки...

ОЛЬГА. Ты устала...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Ничего, ничего... Дочитай, голубчикъ... Свѣча догораетъ...

ОЛЬГА (усаживается у столика, перелистываетъ книгу). Гдѣ мы остановились? Кажется, здѣсь... (читаетъ) „Бирманская дѣвушка не мѣняетъ своего имени, когда она выходитъ замужъ, не носитъ никакого знака, который-бы указывалъ на то, что она замужемъ“... (обрываетъ, весело и довольно) Значитъ, у нихъ можно быть барыней и ходить съ косой! (перебрасываетъ свою косу съ плеча за спину) Какъ это хорошо!.. (читаетъ) „Женитьба не даетъ мужу

никакого права надъ женой и женниной собственностью. Нельзя себѣ представить ничего болѣе свободнаго, какъ положеніе женщины въ замужествѣ. По закону она безусловная хозяйка своей собственности и самой себя. У насъ замужество для дѣвушки означаетъ начало новой жизни, новыхъ обязанностей, новой отвѣтственности. Она вступаетъ въ новый неизвѣстный міръ, полный всего незнѣкомаго ей, перемѣняетъ одну зависимость на другую. Она теряетъ даже свое имя, душа ея исчезаетъ въ душѣ мужа. Но въ Бирмѣ все это совершенно не такъ. Тамъ она остается хозяйкой самой себя и товарищемъ своего мужа на равныхъ правахъ"... (зѣваетъ) Ты дремлешь?.. Я говорила, что не надо...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Нѣтъ, я только закрыла глаза и слушаю... Читай!

ОЛЬГА (закрывая книгу). Нѣтъ, нѣтъ... Ты утомилась... Отдыхай... (встаетъ и гаситъ свѣчу).

ВѢРА ПАВЛОВНА. Ты уходишь?

ОЛЬГА. Да... Пойду... А ты засни... Отчего ты не ляжешь, какъ слѣдуетъ?..

ВѢРА ПАВЛОВНА. Поди и поцѣлуй меня крѣпко-крѣпко!.. (Ольга подходитъ, цѣлуетъ Вѣру) И спи... И пусть тебѣ приснится, что ты счастливая, любимая, и что...

ОЛЬГА. И что я—бирманская дѣвушка?.. (смѣется; кивая головой, идетъ къ дверямъ).

ВѢРА ПАВЛОВНА. Сдѣлай мнѣ еще одно удовольствіе...

ОЛЬГА. Ну! Съ радостью!.. (стоитъ у дверей).

ВѢРА ПАВЛОВНА. Мнѣ хочется послушать музыку... И давно не слыхала музыки... Ты поиграешь, а я буду дремать и летать вмѣстѣ съ звуками въ невѣдомыхъ мірахъ...

ОЛЬГА. Съ радостью!.. Что ты хочешь, чтобы я сыграла?

ВѢРА ПАВЛОВНА. Ну... ну... Бетховенскую сонату!.. Сыграй маршъ Funebre... а?

ОЛЬГА. Трудный!.. Не выходитъ онъ у меня!

ВѢРА ПАВЛОВНА. Ну, пожалуйста! Прошу тебя, дружокъ!.. (Ольга, киваетъ головой, уходитъ. Пауза. Издали глухо доносится піанино—маршъ funebre. Вѣра лежитъ съ закрытыми глазами, потомъ начинаетъ потихоньку плакать. Садится въ постели и, обхвативъ колѣна руками, застываетъ въ позѣ полнаго отчаянія. Стихаетъ музыка. Долгая пауза. Тикаютъ на столикѣ часы. За дверями шорохъ)

ВѢРА ПАВЛОВНА (вскакивая въ постели). Кто тутъ?.. Ты, Оля? (отвѣта нѣтъ) Кто у двери?.. (встаетъ съ постели, хочетъ запереть, но ключа нѣтъ; заставляетъ дверь стуломъ, садится въ постели, тяжело дышитъ и пристально смотритъ на дверь. Пауза. Вѣра ложится, отворачивается къ стѣнѣ и затихаетъ. Опять шорохъ; дверь тихо отворяется; отодвигая стулъ, появляется охмелѣвшій Иванъ Миронычъ, растрепанный, безъ жилета, въ туфляхъ. Нѣсколько мгновеній онъ стоитъ, какъ-бы застывшій на мѣстѣ, затѣмъ на цыпочкахъ крадется къ постели, замедляя свое движеніе ва каждомъ шагу).

ВѢРА ПАВЛОВНА (вскакивая въ постели). Кто здѣсь? (порывисто шаритъ рукою подъ подушкой и что-то прячетъ въ рукахъ).

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (печально качая головой). Это я, вашъ мужъ!..

ВѢРА ПАВЛОВНА. Уйдите!

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Вы не бойтесь: я не извергъ и ничего дурного вамъ не сдѣлаю... Я только поговорить...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Не приближайтесь... Я васъ боюсь... Дальше!.. (движеніе рукой) Вы пришли бить меня?!.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (садясь на стулъ у двери). Бить... Гм!..

ВѢРА ПАВЛОВНА. Я сейчасъ закричу!.. Вы пьяны!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Не бойтесь... Я пришелъ съ доброй душой... Что сдѣлано, того не воротишь... Я покорнѣйше просилъ бы васъ забыть, что случилось...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Забыть?.. Постараюсь...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. И еще... покорнѣйше просилъ бы дать мнѣ отвѣтъ: правда это или нѣтъ? (потрясаетъ рукою, въ которой бѣлѣетъ письмо).

ВѢРА ПАВЛОВНА. А если правда?.. Положимъ, что это правда?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Здѣсь пишутъ, что видѣли васъ за рѣкой вмѣстѣ съ нимъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Видѣли? Ну такъ что-же?..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Вамъ не стыдно?

ВѢРА ПАВЛОВНА. Нѣтъ.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Ну, а мнѣ, какъ вы полагаете, мнѣ стыдно?

ВѢРА ПАВЛОВНА. Я объ этомъ не думала...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Чуть не на глазахъ у всѣхъ людей...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Надо прятаться за вашу спину?..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. Есть, Вѣра Павловна, такъ называемыя приличія... Есть, Вѣра Павловна, границы... Вы забыли, что живете въ приличной семьѣ... Неужели вы не могли-бы хотя поосторожнѣе?.. чтобы не давать пищи говорить о васъ, какъ о самой... презрѣнной женщинѣ?.. Ни мое положеніе, ни честь семьи, ни честь фамиліи, которую я далъ вамъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА (насмѣшливо). Горжусь!

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (начинаетъ всхлипывать). Я васъ... люблю до сихъ поръ... Вы это понимаете? Нѣтъ, вы этого не понимаете... (встаетъ и, пошатнувшись, рветъ въ клочки письмо) Кто вы были? Вспомните! Вы были сперва пепиньеркой, которая обучала дѣвчонокъ танцамъ... Плясали, за пятнадцать рублей въ мѣсяцъ, ежедневно; плясали, когда вамъ даже хотѣлось плакать... А потомъ вы были гувернанткой, и за какую-нибудь четвертную говорили на всѣхъ языкахъ... Я васъ вырвалъ изъ этой жизни... Я васъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Все это, Иванъ Мироновичъ, я уже слышала нѣсколько разъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. И въ благодарность за все это вы думаете бросить семью, убѣжать къ нему?!

(возвысивъ голосъ) Этого не будетъ... Слышите: не будетъ!.. Понимаете?.. Не уступлю! Никому! Вы...

ВѢРА ПАВЛОВНА. Не своя?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (шагнувъ къ постели). Вѣра, Вѣрочка!.. (со слезами) Ну, давай, забудемъ!.. Забудемъ все это! Уѣдемъ отсюда... Я куда-нибудь переведусь, Вѣрочка!.. и все останется по-старому... И никогда, никогда... (приблизившись къ постели) Никому не отдамъ тебя!.. Никому, никому... (Вѣра жмется въ уголъ, вскакиваетъ на ноги).

ВѢРА ПАВЛОВНА. Уйдите!.. Прочь! (въ рукѣ Вѣры блеститъ револьверъ) Не трогайте меня! Слышите! Не трогайте!!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ. А-а-а!.. (встаетъ, руки въ карманахъ брюкъ) Это вы украли мой револьверъ! Ну кончайте дѣло... Стрѣляйте! (опьянѣлъ) Сюда, въ грудь!.. (раскрываетъ воротъ рубашки) И когда овдовѣете,—можете, какъ вамъ угодно... А пока вы—моя жена... (опять лѣзетъ къ постели. Вѣра соскакиваетъ съ кровати и опрометью бѣжитъ изъ комнаты. Иванъ Мироновичъ стоитъ посреди комнаты съ опущенной головой; гдѣ-то крикъ Любови Васильевны: Куда вы"?!.)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (заглянувъ въ дверь). Подите, ловите! въ садъ побѣжала! дождь, вѣтеръ, не одѣта... (скрывается. Иванъ Мироновичъ съ крикомъ: „держите ее"! убѣгаетъ изъ комнаты. Вдали слышно хлопанье дверей, суматоха. Въ дверь заглядываетъ испуганное лицо Ольги и исчезаетъ. Затѣмъ доносится глухой звукъ выстрѣла и какіе-то крики.. Опять тихо... Гдѣ-то опять растворяютъ двери, опять суматоха и отчаянный крикъ Ольги: „Мама! Мамочка! что ты сдѣлала?!" Часы съ музыкой бьютъ и играютъ въ пустой комнатѣ).

Занавѣсъ.

МУЖИКИ.

Картины деревенской жизни.

ПЬЕСА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Евгеній Чириковъ. Мужики.

Право собственности внѣ Россіи закрѣплено за авторомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

Гг. переводчиковъ просятъ обращаться за разрѣшеніемъ на переводъ и за справками къ представителю автора, И. П. Ладыжникову, по слѣдующему адресу:

Berlin W, 15, Uhlandstrasse, 145;
„Bühnen-und-Buch-Verlag russischer Autoren
J. Ladsychnikow“.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ГОРОДЕЦКІЙ, Николай Александровичъ. Лѣтъ около 50, полный и видный мужчина съ выхоленнымъ лицомъ и руками.

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Лѣтъ 43, женщина съ добрымъ и умнымъ лицомъ, любитъ благодѣтельствовать бѣднымъ.

ВЛАДИМИРЪ. Студентъ, 22 лѣтъ.
НАТАША. Дѣвушка, 18 лѣтъ.
СЕРЕЖА. Гимназистъ, 14 лѣтъ.
} Ихъ дѣти.

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. За 30 лѣтъ, племянникъ Городецкихъ вернувшійся изъ политической ссылки и временно живущій у родныхъ; въ очкахъ, похожъ на профессора.

ЛИПА. Сестра его, лѣтъ 26, дѣвушка съ грустнымъ миловиднымъ лицомъ.

ПОЛКОВНИКЪ БРОННИКОВЪ. Отецъ Городецкой, помѣщикъ, лѣтъ за 65, человѣкъ военной выправки и старыхъ взглядовъ.

СЕМЕНЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ. Земскій начальникъ, отставной корнетъ.

ПРИКАЗЧИКЪ. Управляющій хуторомъ Городецкихъ.

АВДОТЬЮШКА. Кухонная баба.

ПОВАРЪ.

ГОРНИЧНАЯ.

КУЧЕРЪ ФЕДОРЪ.

НИКОЛАЙ. Староста с. Городецкаго и содержатель въѣзжаго дома.

ЛУКЕРЬЯ. Его жена.

ЯМЩИКЪ ПАВЕЛЪ.

ИВАНЪ КЛЮЧНИКОВЪ. Угрюмый крестьянинъ съ правильными чертами строгаго лица.

СТЕПАНЪ. Изъ Сухого Дола, крестьянинъ съ сверкающими ненавистью глазами.

СОЛДАТИКЪ. Прохожій.
СТАРИКЪ. Лѣтъ 60, благообразный.
ДѢВКА. Его внучка.
ВОЗЧИКЪ 1.
ВОЗЧИКЪ 2.
МУЖИКЪ. 1. Лысый.
МУЖИКЪ 2. Кудрявый.
КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО.
БАБЕНКА. Съ мальчикомъ.
МАРФУТКА.
КРЕСТЬЯНЕ. Мужики, бабы и ребятишки.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Усадьба Городецкихъ. Обширный, поросшій травой, дворъ, съ проторенными въ разныя стороны тропинками. По одной сторонѣ: черное крыльцо барскаго дома, калитка въ старый садъ съ вороньими гнѣздами, кухня и часть флигеля; по другой сторонѣ: линія надворныхъ построекъ. Въ глубинѣ распахнутыя ворота и дорога, межъ зеленѣющихъ хлѣбовъ, въ близъ расположенное село Городецкое. По серединѣ двора колодецъ со старой, обросшей мохомъ, крышею. Около колодца и у амбара на „бревнышкахъ" группируются чего-то ожидающіе мужики: одни лежатъ внизъ лицомъ, другіе сидятъ и жуютъ хлѣбъ, третьи стоятъ и тихо о чемъ-то переговариваются; порой прорывается смѣхъ. Въ раскрытыхъ дверяхъ каретника виденъ задокъ тарантаса, около котораго топчется ямщикъ Павелъ; слышны побрякиванія колокольчиковъ, на которыя Павелъ покрикиваетъ: „Стой! Баловашь!" Изъ кухни доносится ритмическое постукиваніе: тамъ что-то рубятъ; изъ барскаго дома — обрывки смѣха, звонъ посуды, гаммы на роялѣ. Староста Николай стоитъ впереди, съ мѣдной бляхою на груди, безъ шапки, съ подогомъ въ рукѣ. Иванъ Ключниковъ сидитъ въ неподвижной позѣ, съ потупленнымъ въ землю взоромъ, обнявъ большими руками одно колѣно ноги. Мужикъ 2 сидитъ на срубѣ колодца, ѣстъ хлѣбъ и смотритъ въ воду. Корявый мужичонко лежитъ вверхъ спиной около бревнышекъ, у амбара. Весенній полдень. Жарко.

Ключниковъ (поднимая къ небу голову). Ахъ ты Боже мой! Гляди, гдѣ солнышко-то!..

Мужикъ 2 (съ ироніей). А ты сиди!... Куда торопиться? Слышь,—на музыкѣ забавляются?... Потерпи!...

Ключниковъ. Терпи, терпи, все терпи!.. Когда-нибудь и терпѣнію конецъ придетъ... Дождутся... (Колокольчики и нетерпѣливый топотъ лошадиныхъ ногъ въ каретникѣ, окрикъ ямщика: „Тпру! Баловашь"!) Лошадямъ вонъ и то терпѣть надоѣло...

мужикъ 1 (ко 2-му). Тебѣ хорошо: ты промыслилъ себѣ краюшку...

мужикъ 2. Сходи на кухню: баба тамъ, солдатка... Попроси! Солдатка всегда пожалѣетъ, только про мужа съ ней поговори... Не съ кѣмъ ей тутъ про своего мужика побалакать...

мужикъ 1. Хитрый ты, погляжу...

ключниковъ (поднимаясь на ноги). Словно мы—бревна какія, а не люди! Безо всякаго вниманія!... (Съ крыльца проходитъ дѣловой походкою во флигель приказчикъ, со счетами въ рукѣ. Обращается къ приказчику) Долго ли еще намъ дожидаться?

приказчикъ. Подождешь! Не кушали еще...

ключниковъ. Да вотъ ужъ два часа ждемъ...

приказчикъ (пріостанавливаясь). И еще подождешь: не баринъ...

ключниковъ (ворчливо). Ужъ конечно... Кабы бариномъ былъ, развѣ ты такъ сталъ бы со мной разговавать...

приказчикъ (къ мужику 2-му). Эй, ты! кудрявый! Слѣзь съ колодца! Насоришь. Слѣзь, говорятъ! (Мужикъ 2 соскакиваетъ со сруба. Приказчикъ идетъ во флигель),

ключниковъ. Жрутъ-жрутъ, конца этому жранью нѣтъ!...

староста. А ты, Иванъ, помолчи! Нехорошо. Чай, можно и подождать... Только-бы ужъ чего ни-на-есть дождаться...

ключниковъ. Подожди, да потерпи... Слышали мы это!.. Сколько годовъ слышимъ, а все...

староста. Нехорошо...

ключниковъ. Разъ вышла бумага,—нечего ее въ карманѣ держать.

мужикъ 1. Вѣрно! (Къ старостѣ) Ты лучше сходи да скажи земскому, что его народъ на крылецъ требуетъ...

ключниковъ (мрачно). Пусть сперва манифестъ прочитаетъ, а потомъ ужъ обѣдаетъ!

мужикъ 2. Не тронь его поѣстъ! Сытый-то человѣкъ добрѣе бываетъ (Легкій смѣхъ вокругъ)

ключниковъ. Всѣ они сыты... Знаемъ мы доброту эту... Въ Сухомъ Долу—нажрался, да за дѣвкой послалъ... Эхъ!

мужикъ 1. Старостѣ нечего торопиться: онъ каждій день печку топитъ!

староста (начальственно). А тебѣ что? Твоими дровами, что-ли топлю?

мужикъ 2 (тихо). Нàшто—„своими"? Въ барскомъ-то лѣсу мало-ли ихъ, дровъ-то? (Вокругъ легкій смѣхъ. Ключниковъ переходитъ къ „бревнышкамъ" и тихо о чемъ-то говоритъ съ здѣсь сидящими мужиками)

ключниковъ. А въ какомъ это законѣ сказано, чтобы передъ всѣми ими шапку скидывать?...

корявый мужичонко (весело). Какъ это хлобыснетъ меня по мордѣ!...

ключниковъ (насмѣшливо). А тебѣ и весело?! Эхъ!...

корявый мужичонко. А вотъ енералъ-полковникъ—тотъ на чай даетъ, если ему поклонишься! Ей-Богу!... Ужъ какъ онъ это любитъ, чтобы ему уваженіе сдѣлали!... Два разъ мнѣ давалъ: однова—гривенникъ, а въ другорядь—двугривенный!.. Ей-Богу!..

ключниковъ (къ корявому мужичонкѣ). Какъ псы вы!... Право! (Отходитъ. Корявый мужичонко потихоньку затягиваетъ грустную тягучую пѣсенку)

староста (направляется къ бревнышкамъ). Не пойте, ребята!...

корявый мужичонко. Что ты все препятствуешь?

староста. Экіе люди! Нехорошо... Прямо безъ понятія...

корявый мужичонко. А ты подтяни—хорошо выйдетъ... въ два-то голоса! (Вокругъ легкій смѣхъ)

староста. Не подходитъ... Коли на улицахъ зем-

скій нѣть не дозволяетъ, стало быть здѣсь-то... помолчать надо... (Отходитъ) Лежитъ на барскомъ дворѣ, а думаетъ,—на гумна пришелъ... Не велѣно, стало быть и нечего...

КЛЮЧНИКОВЪ. Они слышатъ, какъ мы поемъ, да не слышатъ, какъ мы воемъ!.. (Голоса изъ толпы: „Это имъ не слыхать". „Кабы услыхали,—и выть не дозволили-бы". Легкій смѣхъ и тихій говоръ)

МУЖИКЪ 2. Вотъ ты и поговори съ нимъ! Не смѣете, говоритъ, губернатора безпокоить... Черезъ меня, говоритъ, просите... Я, говоритъ, вамъ все равно, какъ царь и Богъ!..

МУЖИКЪ 1. Ничаво не сдѣлашь!.. Хлопочи, не хлопочи, все одно: они всегда правы останутся... И судиться не поможетъ... Пошелъ это я и заплакалъ...

КЛЮЧНИКОВЪ. Можетъ, когда-нибудь и мы ихъ судить будемъ, ну тогда... *они* плакать будутъ...

МУЖИКЪ 1. У его какая сила: просидѣлъ я трое сутокъ, а потомъ сызнова на трое сутокъ. (Приказчикъ проходитъ изъ флигеля съ конторскими книгами; ему навстрѣчу идетъ изъ дома горничная)

ГОРНИЧНАЯ (встрѣтясь съ приказчикомъ). Олимпіада Ивановна во флигелѣ?

ПРИКАЗЧИКЪ (невнимательно). Тамъ... (Расходятся. Мужики молчатъ)

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО (вслѣдъ горничной). Вишь, какъ она каблучками-то пристукиваетъ...

КЛЮЧНИКОВЪ. Барской курицѣ—племянница! (Легкій смѣхъ. На крыльцѣ появляется земскій начальникъ; крестьяне моментально стихаютъ, вскакиваютъ, сбрасываютъ шапки и сбиваются въ толпу, приготовляясь къ чему-то важному)

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (громко). Павелъ!

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО (вторитъ). Павелъ! Тебя! (Ямщикъ выскакиваетъ изъ каретника и, сбросивъ съ головы картузъ, рысцой бѣжитъ къ крыльцу)

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ. Лошадей поилъ?

ЯМЩИКЪ. Никакъ нѣтъ. Не поилъ... Недолго...

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ. Напой! Скоро поѣдемъ. (Обративъ вниманіе на народъ) Это что за народъ? Откуда?

СТАРОСТА (робко выступая впередъ). Ваше благородіе приказали согнать... Для объявленія... Съ утра здѣсь..

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ. Ты—волостной старшина?

СТАРОСТА. Нѣту... Я—Городецкій сельскій староста.

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ. А—старшина? Не явился?

СТАРОСТА (смущенно). Сказывали... подъ арестъ, что-ли, его назначили...

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ. За что?

СТАРОСТА. Не могу этого знать... Что-то вашему благородію, сказывали, не потрафилъ, что-ли...

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (вспомнилъ). Ага!.. да, да... Пусть посидитъ, въ другой разъ будетъ поумнѣе. (Уходитъ Ямщикъ накачиваетъ изъ колодца воду и носитъ ее въ каретникъ—поитъ лошадей, разговаривая съ ними очень дружелюбно

КЛЮЧНИКОВЪ. Хм! Сколько онъ теперь насъ, дураковъ, въ умные передѣлалъ!..

ЯМЩИКЪ (тихо). Въ Поповкѣ весь сходъ посадилъ! Ей-Богу! Не хотѣли приговоръ подписывать... Всѣхъ! До одного! (Уноситъ ведро) Вотъ какъ у насъ!..

МУЖИКЪ 1. Будто не помнитъ, зачѣмъ приказалъ народъ согнать! Запамятовалъ!.. Жди вотъ: поѣстъ да уѣдетъ, только его и видѣли.

МУЖИКЪ 2. Все можетъ быть... Господа его сладко покормятъ,—онъ и про манифестъ забудетъ.

КЛЮЧНИКОВЪ. Забудетъ — и напомнить можно... Прошло теперь... Покуражились...

СТАРОСТА (успокаивая). Что вы?.. Будетъ ужъ!.. Какъ онъ можетъ уѣхать, не прочитамши? Разъ приказалъ народъ согнать, стало быть—не зря-же?..

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО (убѣжденно). Не можетъ!.. (Весело) Я за колеса ухвачусь обѣими руками,—со двора не выпущу, покуда онъ... (Горничная проходитъ изъ флигеля въ домъ) Барышня! Корми ихъ, что-ли, скорѣе! Скажи тамъ: ожидаемъ, молъ, безпокоимся!

ГОРНИЧНАЯ (не останавливаясь). Какъ скоро, такъ сейчасъ!..

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. Загадала! Эту голыми руками не возьмешь... (На „бревнышкахъ“ говорятъ тихо, потомъ выдѣляются голоса)

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ. Мало земли въ нашемъ царствѣ?!

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ. Видимо—невидимо!

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ. Что мнѣ въ Сибирь ѣхать? Я хочу въ родной землѣ помереть—вотъ что!.. Гдѣ родился, тамъ и помру—вотъ что!

ТРЕТІЙ ГОЛОСЪ. Когда волю давали, отрѣзали они отъ насъ луга-то! И лѣсъ—тоже!.. Сказываютъ, межа-то за рѣкой шла, а теперь вонъ она гдѣ!..

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ. Землемѣры-то насъ продали... (Опять говорятъ очень тихо. Авдотьюшка несетъ изъ кухни въ домъ большой никелированный самоваръ. На кухонное крыльцо выскакиваетъ поваръ, весь въ бѣломъ)

ПОВАРЪ (вслѣдъ Авдотьюшкѣ). Скажи барынѣ,—жарю!

АВДОТЬЮШКА. Ладно! (Поваръ исчезаетъ).

МУЖИКЪ 2. Жарь, что-ли, поскорѣй! Эй! Солдаточка! Ставь сюда къ намъ самоваръ-то!

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. Попой насъ чайкомъ-то, бабочка!

АВДОТЬЮШКА. Вишь, лакомый! Лучше вотъ пособи-ка! (Корявый мужичонко вскакиваетъ, догоняетъ Авдотьюшку, беретъ у ней самоваръ и несетъ его до крыльца)

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. Награда какая теперь будетъ? а? (Что-то шепчетъ и подмигиваетъ)

АВДОТЬЮШКА. Ладно уже, не подлащивайся! (Уноситъ самоваръ. Корявый мужичонко возвращается, надъ нимъ подшучиваютъ. Изъ флигеля идетъ Липа)

СТАРОСТА. А вы помолчите! Вонъ наша барышня идетъ. (Кланяется) Здравствуйте, барышня! (Кланяются и другіе, ближайшіе)

ЛИПА. Кого ждете?

СТАРОСТА. Земскаго, Лимпіяда Ивановна! Съ утра моритъ насъ... Велѣлъ народъ согнать...

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. А самъ не кажется...

КЛЮЧНИКОВЪ (хмуро). Долго-ли намъ еще ждать?! Бревно, что-ли, человѣкъ?..

СТАРОСТА. Чай, не помрете? Люди!

КЛЮЧНИКОВЪ. Скажи ему, чтобы отпустилъ народъ,—вотъ что! Намъ некогда тутъ... вонъ оно гдѣ, солнышко-то!

ЛИПА. Скажу, скажу.. Не дорожатъ эти господа временемъ...

КЛЮЧНИКОВЪ. Разъ бумага вышла, — надо объявить...

ЛИПА. Конечно, конечно... (Хочетъ идти)

МУЖИКЪ 1. А какъ, барышня, касательно земли-то?

МУЖИКЪ 2. Сбавку-то обѣщала?

ЛИПА. Насчетъ земли... я сдѣлаю для васъ все, что можно... Я думала все, да еще не рѣшила...

КЛЮЧНИКОВЪ. А что тутъ долго думать-то? Дѣло ясное, нечего зря и голову ломать!..

ЛИПА. Вотъ видите, какъ вы все скоро рѣшаете! На-дняхъ пріѣдетъ братъ... Земля у насъ общая, нераздѣленная. Безъ него я не знаю, какъ все устроится...

СТАРОСТА. Чай, Павелъ Иванычъ не обидитъ насъ?

ЛИПА. Да ужъ, конечно, не обидитъ! Братъ за бѣдный народъ и въ тюрьмахъ сидѣлъ, и въ Сибирь былъ сосланъ...

СТАРОСТА. Сказывали тогда... Мы ему очень даже... баринъ онъ хорошій, доброй души человѣкъ... Я вѣдь его съ измальства знаю... Конечно, твое дѣло женское... Подождемъ...

ЛИПА. Ну вотъ и отлично! Пріѣдетъ, перетолкуемъ и все покончимъ...

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. Чтобы никому не обидно было...

ЛИПА. Я думала-бы такъ сдѣлать: нашу землю сдать

вамъ въ долгосрочную аренду по самой маленькой цѣнѣ... Ну, ну... хоть по пяти рублей... И часть этихъ денегъ обратить въ вашу-же пользу: накопится небольшой капиталъ, мы вамъ выстроимъ школу, напримѣръ, ну... баню... можно... хорошую; еще что-нибудь... такое... полезное...

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. Это ужъ послѣ... Очень даже это разлюбезное дѣло.

СТАРШИНА. Съ вами сладимся... Николай Лексанычъ вотъ—онъ крутой...

ЛИПА (хочетъ идти, но пріостанавливается). Да, вотъ еще что! Скажите городецкимъ мужикамъ, чтобы пока не посылали ко мнѣ ребятишекъ. Пусть подождутъ... (Мужики, интересуясь, снова обступаютъ Липу).

КЛЮЧНИКОВЪ (недовѣрчиво). Что? наскучили ужъ они вамъ?

ЛИПА. Нѣтъ, не наскучили. Я люблю съ ними возиться... Говорятъ, что безъ разрѣшенія отъ начальства нельзя учить ихъ, а у меня этого разрѣшенія нѣтъ... Буду хлопотать!..

ГОЛОСА. „Погодятъ". „Похлопочи—все-таки и ребятамъ лестно, да и тебѣ занятіе!" „Безъ дѣла-то, поди, и самой скучно?"

ЛИПА. Конечно! Ну, такъ вотъ... пока до пріѣзда Павла Ивановича подождемъ...

СТАРОСТА. Конечно, твое дѣло—женское...

МУЖИКЪ 1 И МУЖИКЪ 2. Подождемъ!..

ЛИПА. Въ четвергъ или пятницу онъ непремѣнно пріѣдетъ.

СТАРОСТА. Павелъ-то Иванычъ?

ЛИПА. Да. Тогда мы соберемся и потолкуемъ.

СТАРОСТА. Знамо такъ!.. Твое дѣло—женское! (Липа, кивнувъ головой, идетъ въ домъ. Мужики провожаютъ ее доброжелательными напутствіями).

КЛЮЧНИКОВЪ (строго и наставительно). Теперь нечего съ *ними* толковать. Надо сперва узнать, какъ въ мани-

фестѣ написано! (Къ мужику 1) Нашто высунулся? Кто тебя уполномочивалъ про землю говорить? Замѣсто земли-то баню вотъ тебѣ! Дуракъ!

МУЖИКЪ 2 (къ мужику 1) Кто тебя просилъ? Дурья голова!..

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. Сейчасъ никакого отвѣту не давать! Высунулся!

ГОЛОСА ВЪ ТОЛПѢ (тихо) „Погодить надо!", „Вѣрно!", „Промахнешься,—не поправишь!" (Когда разговоры стихаютъ, изъ кухни поваръ несетъ въ домъ что-то горячее на сковородѣ).

МУЖИКЪ 2 (вполголоса). Изжарилъ, бѣлый чортъ!..

ПОВАРЪ (услыхалъ, пріостановился) Что такое? Кто облаялся? За этакія слова, знаешь, что можно сдѣлать? (Идетъ дальше.

СТАРОСТА. Зря онъ болтаетъ.

МУЖИКЪ 1. Дуракъ онъ! Что съ него взять?

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. По зубамъ его надо!

ПОВАРЪ (съ крыльца) Невѣжи!

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. Вѣрно! Невѣжи и есть! (Поваръ исчезаетъ въ домѣ)

СТАРОСТА (къ мужику 2). Ты со своими разговорами не вылазь! Мы тебя не уполномочиваемъ! Отъ твоихъ словъ всегда хуже бываетъ... (Пауза) Выйдетъ Земскій,— ты отъ грѣха подальше отойди! Вотъ что! Послѣ тамъ... промежду себя... а теперь помолчать надо...

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. Онъ съѣлъ краюху-то, прыткій сталъ разговаривать-то! (Поваръ сердито проходитъ въ кухню и скрывается. Мужики молчатъ; изъ дома доносится граммофонъ, поющій: „Межъ горами вѣтеръ воетъ")

КЛЮЧНИКОВЪ (сплюнувъ). Запѣли!

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. Ты думаешь,—это взаправдашній человѣкъ поетъ? Машина это! Ей-Богу! Сундучокъ этакій, а изъ него труба серебряна... Ей-Богу! Завинтятъ, ткнутъ,—она и поетъ, труба эта... Думашь вру?..

СТАРОСТА. Правильно говоритъ!.. Машина это!

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. Ей-Богу! Самъ видѣлъ... вплоть! Закрутятъ, она и поетъ.. И бабьимъ голосомъ можетъ... (Въ садовой калиткѣ появляются Городецкій и земскій начальникъ; о чемъ-то спорятъ. Мужики опять переживаютъ ложную тревогу—вскакиваютъ, снимаютъ шапки, откашливаются, приготовляются)

ГОРОДЕЦКІЙ (идетъ съ земскимъ начальникомъ черезъ дворъ, объясняетъ). Зерночистилка графа Берга удобнѣе! Въ ней—зерно изъ ковша высыпается въ желѣзную миску... Рабочій дѣйствуетъ на рукоятку ворота, вслѣдствіе чего развивается громадная центробѣжная сила... (Оглядывается вокругъ и кричитъ) Дайте ключи отъ сарая! (Съ крыльца бѣжитъ управляющій) Ключи отъ сарая! (Приказчикъ бѣжитъ въ кухню, приноситъ ключи, бѣжитъ впереди и отпираетъ скрипучую дверь сарая)

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (на ходу). Я, Николай Александровичъ, предпочитаю обыкновенныя русскія шевырялки!.. Проще и продуктивнѣе...

ГОРОДЕЦКІЙ. Это заблужденіе... Вотъ извольте взглянуть... (Скрываются въ амбарѣ. Мужики въ недоумѣніи перешептываются, глядятъ по направленію сарая)

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА (выходитъ изъ сада). Куда они ушли?

ГОЛОСА ИЗЪ ТОЛПЫ. „Въ сараѣ они!“, „Тамъ они!“

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА (идетъ въ сарай). Неужели нельзя было послѣ?.. Простынетъ все... (Зоветъ) Коля! Семенъ Яковлевичъ! (Исчезаетъ въ сараѣ. Спустя нѣсколько минутъ всѣ трое идутъ въ садъ) И всегда эта вѣялка у насъ чинится... Не покупайте, Семенъ Яковлевичъ! Коля очень увлекается этими фокусами... (Смѣется)

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ. То-ли дѣло по старому русскому способу?! И дешево и сердито...

ГОРОДЕЦКІЙ. А рабочія руки? По нынѣшнимъ временамъ это очень важно! Поищите-ка рабочихъ въ горячее время!

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ. Сколько угодно!.. У насъ удивительно выходитъ: голодаютъ, а не работаютъ...

Избаловали пособіями, субсидіями... (Скрываются въ саду Пауза. Мужики вздыхаютъ, почесываются, томятся въ бездѣйствіи)

КЛЮЧНИКОВЪ. Избаловали!.. Не знаю, кто кого избаловалъ: мы ихъ, али они насъ!..

МУЖИКЪ 1. Такъ и уѣдетъ... съ манифестомъ-то.

КЛЮЧНИКОВЪ (сердито). Узнаемъ! Его въ карманъ не спрячешь.

МУЖИКЪ 2. Можетъ, онъ у него въ карманѣ не одну ужъ ночь ночуетъ, манифестъ-отъ!..

СТАРОСТА. Чего городите? Какъ его спрячешь? Въ церквахъ съ амвона должны его объявить попы... Не могутъ!.. (По дорогѣ, ведущей изъ села въ усадьбу, видны группы мужиковъ, бабъ, ребятишекъ, приближающихся къ барскому двору) Вонъ они, полѣзли! (Идетъ къ воротамъ) Сказано было, чтобъ обождать! Бабы все это! (Машетъ рукой, чтобъ отходили; переговаривается о чемъ-то)

АВДОТЬЮШКА (на крыльцѣ, оборачиваясь къ невидимой зрителю горничной) Чай у меня не четыре ноги?!

ГОРНИЧНАЯ (строгій голосъ). Не груби, пожалуйста! Я вотъ скажу барынѣ, тогда будетъ и четыре ноги!..

АВДОТЬЮШКА (сбѣгая съ крыльца). Пожила въ городу такъ думаетъ, что барыней стала!

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. Эй, куфарочка! Много-ли у нихъ еще не съѣдено?..

АВДОТЬЮШКА (не останавливаясь). А ну васъ! Есть мнѣ время съ вами... (Исчезаетъ въ кухнѣ. Изъ сада идетъ съ удилищемъ Сережа и насвистываетъ мотивъ „Марсельезы“)

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. Позабавиться, баринъ, пошли? (Ямщикъ, скучая идетъ къ колодцу)

СЕРЕЖА. Удить на рѣчку!

МУЖИКЪ 1. А ты, барченокъ, на Свѣтлое озеро иди! Вотъ наловишь! А въ рѣчкѣ одни пискари...

МУЖИКЪ 2. Тамъ раки ловятся... Во каки раки! Раковъ, поди, ѣдите?

КЛЮЧНИКОВЪ (съ презрѣніемъ). Они все ѣдятъ...

СЕРЕЖА (къ Павлу). Ты сегодня на бѣлыхъ лошадяхъ пріѣхалъ?

ЯМЩИКЪ. На гнѣдыхъ... А тебѣ что?..

СЕРЕЖА. Хотѣлъ волосъ подергать... на лески...

ЯМЩИКЪ. Э-э, братъ! Это, видно, ты у меня въ прошлый разъ почитай полхвоста у лошади отрѣзалъ? (Сережа идетъ къ воротамъ) а? Знаетъ кошка, чье мясо съѣла!.. Я вотъ папашѣ скажу!

СЕРЕЖА (оглянувшись). Не больно боюсь! (Уходитъ)

ЯМЩИКЪ. У васъ своихъ лошадей достаточно! Ты бы своимъ хвосты-то обрѣзалъ. Скажу папашѣ, онъ тебѣ...

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. У нихъ не боятся отцовъ-то! Мамашу у нихъ больше боятся...

ЯМЩИКЪ (громко). Мамашѣ ужо скажу! (Идетъ къ лошадямъ. Староста возвращается отъ воротъ со старикомъ, о чемъ-то съ нимъ тихо разговаривая)

СТАРОСТА. Вотъ, дѣдушка слышалъ, что въ городу объявили... (Мужики обступаютъ со всѣхъ сторонъ старика, который имъ что-то объясняетъ)

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. Такъ, стало-быть, въ колокола звонить...

СТАРОСТА. Нашто звонить? Спросить надо...

КЛЮЧНИКОВЪ. Когда объявятъ,—молебствіе надо, а опосля того—звонъ.

СТАРИКЪ (таинственно). И сказывали, всѣмъ способіе отъ казны, кому сѣменами, а кому деньгами... Кто какъ жалаетъ... Какъ я сказывалъ, такъ оно и выходитъ...

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. И лошадей выдадутъ... У кого ежели нѣтъ. Безъ лошадей какой я хрестьянинъ? Назола одна! На бабѣ пахать не будешь! (Всѣми овладѣваетъ радостное настроеніе)

МУЖИКЪ 2 (къ корявому мужичонку). Да вѣдь у тебя и бабы-то нѣтъ? (Смѣются)

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. Бабу найти можно... А вотъ лошадь!.. (Смѣхъ окружающихъ)

СТАРИКЪ. И земству приказано милліонъ хлѣба закупить... Читали, говорятъ, въ газетѣ пропечатано, что поѣхали закупать въ Одесту! Милліоны хлѣба!

МУЖИКЪ 1. Способія не выдадутъ, тогда и съ землей дѣлать нечего.

МУЖИКЪ 2. А я такъ слыхалъ, что хлѣбъ, дѣйствительно, скупаютъ, но только, дескать, для продажи... Сколько себѣ стоитъ.

СТАРИКЪ. Зачѣмъ милліоны хлѣба?! Не господъ же имъ кормить!

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. Они пшенишный кушаютъ...

СТАРИКЪ. И про манифестъ, сказываютъ, въ газетахъ пропечатано, а только прячутъ... Въ Семеновку, баютъ, газета попала, такъ урядникъ отобралъ. (Говоритъ совсѣмъ тихо; его слушаютъ съ жаднымъ вниманіемъ. Въ ворота входитъ Наташа въ бѣломъ чепчикѣ на головѣ, подъ краснымъ кружевнымъ зонтикомъ, съ бѣлой мохнатой простыней на лѣвой рукѣ) Постой! Вона барышня идетъ. Тихо!..

СТАРОСТА. Помолчите!.. Здравствуйте, барышня!

НАТАША. Что?

СТАРОСТА. Разгуляться, знать, ходили? (Съ крыльца идетъ горничная)

НАТАША (гордо). Да. Купалась. Жарко! (Къ поравнявшейся горничной) У насъ еще не завтракали?

ГОРНИЧНАЯ. Давно ужъ сѣли, кончаютъ...

НАТАША. Мнѣ оставили?

ГОРНИЧНАЯ. Мамаша сердятся: какъ обѣдать или завтракать, такъ васъ ищи!.. (Проходитъ въ кухню)

НАТАША (строго, съ гримаской). Пожалуйста, безъ выговоровъ! (Къ мужикамъ) Это чья тамъ пара? Кто пріѣхалъ?

ГОЛОСА. „Земскій!", „Земскій"!

НАТАША (состроивъ гримасу). Мм... Надоѣлъ. (Проходитъ въ садовую калитку, оборачивается) Почему ваши дѣвки не приносятъ земляники?

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. Рано ты захотѣла земляники-то.

НАТАША (прищурясь). Что такое?

СТАРИКЪ. Не поспѣла еще она, земляника!

НАТАША. Какъ поспѣетъ, —сейчасъ же приносите... Пусть дѣвки никому другому не продаютъ!

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. Какъ поспѣетъ, такъ сею-же минутой!

НАТАША (строго). Смотрите-же! Если другимъ будете продавать, папа запретитъ вамъ собирать ягоды въ нашемъ лѣсу... и грибы! (Скрывается)

ЯМЩИКЪ. Земскій-то все къ ней присватывается. Раза три на недѣлѣ сюда заѣзжаетъ... Не выходитъ дѣло-то... Упирается. Не хочетъ барышня-то.

МУЖИКЪ 2 (про Наташу). Чаво это у ней на башкѣ-то надѣто?

МУЖИКЪ 1 (махнувъ рукою). Кто ихъ знатъ!

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. Восейка я видалъ на ней во этаку!.. Ровно крыша на повѣти!.. (Сдержанный смѣхъ)

МУЖИКЪ 2. Бабы сказывали,—видѣли ее верхомъ на лошади... въ штанахъ! Ей-Богу! (Смѣхъ кругомъ

КЛЮЧНИКОВЪ (съ презрѣніемъ). Онѣ могутъ...

ПОВАРЪ (появившись на крыльцѣ наскоро докуриваетъ папиросу). Невѣжи! Право! Только вотъ я узнаю, кто обругался... Я этого не оставлю! (Плюетъ на папиросу, бросаетъ ее и исчезаетъ. Въ садовой калиткѣ показываются земскій начальникъ и Городецкій,—мужики опять встревожены, вскакиваютъ, приготовляются)

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (стоя въ калиткѣ). Николай Александровичъ! Я вовсе не утверждаю, что мужики сыты. Я только настаиваю на осторожности, съ которой слѣдуетъ прибѣгать къ пособіямъ отъ казны. Вѣдь это, наконецъ, обратится въ привычку. Въ концѣ концовъ, они вообразятъ, что казна обязана ихъ кормить...

ГОРОДЕЦКІЙ. Вы говорите,—нѣтъ голода... Конечно, такихъ случаевъ, чтобы ложились, корчились и умирали буквально отъ голода, не было. Но жизнь впроголодь... болѣзни... Сказать, что голода нѣтъ, я не

могу!.. Я... я умываю руки и такой отвѣтственности взять на себя не могу... (Отходитъ въ садъ, земскій начальникъ идетъ къ мужикамъ. Тѣ въ нервномъ выжидательномъ томленіи, нѣкоторые торопливо крестятся)

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ. Староста!

СТАРОСТА (выбѣгая впередъ и оправляя на груди бляху). Здѣся!

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ. Уполномоченные отъ сходовъ всѣ?

ГОЛОСА (изъ толпы). „Всѣ", „Здѣсь!", „Такъ точно!"

СТАРОСТА (перечисляетъ). Изъ Городецкаго, изъ Микифоровки, изъ Сухого Долу, изъ Колышекъ, изъ... (оглядываетъ народъ) изъ Рѣпьевки...

ГОЛОСА (подсказываютъ). „Изъ Кочекъ!", „Изъ Обираловки!", „Изъ Хуторковъ!"...

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ. По двое отъ общества?

СТАРОСТА. Такъ точно, по двое.

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (оглядывая толпу, къ мужику 1) Эй, ты! Лысый! (Сосѣдъ подталкиваетъ мужика 1 подъ бокъ)

МУЖИКЪ 1. Асъ? (Недоумѣвающе смотритъ вокругъ

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ. Ты!

МУЖИКЪ 1. Асъ?..

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ. Какъ ты стоишь? Что разставилъ ноги на два аршина! Встань какъ слѣдуетъ... (Сосѣди тихо и сердито объясняютъ мужику 1, въ чемъ дѣло, и тотъ сближаетъ разставленныя ноги и виновато ухмыляется)

СТАРОСТА (тихо, корявому мужичонку). Прими ноги-то!

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (вынимая изъ кармана бумагу). Новый губернаторъ... Вамъ извѣстно, что у насъ Высочайшею волею назначенъ новый губернаторъ?

ГОЛОСА. „Знаемъ!", „Извѣстно!", „Покорно благодаримъ!"

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ. Такъ вотъ... Новый губернаторъ обращается ко всѣмъ вамъ съ добрымъ словомъ... (Развертываетъ бумагу)

НАТАША (прищурясь). Что такое?

СТАРИКЪ. Не поспѣла еще она, земляника!

НАТАША. Какъ поспѣетъ,—сейчасъ-же приносите... Пусть дѣвки никому другому не продаютъ!

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. Какъ поспѣетъ, такъ сею-же минутой!

НАТАША (строго). Смотрите-же! Если другимъ будете продавать, папа запретитъ вамъ собирать ягоды въ нашемъ лѣсу... и грибы! (Скрывается)

ЯМЩИКЪ. Земскій-то все къ ней присватывается. Раза три на недѣлѣ сюда заѣзжаетъ... Не выходитъ дѣло-то... Упирается. Не хочетъ барышня-то.

МУЖИКЪ 2 (про Наташу). Чаво это у ней на башкѣ-то надѣто?

МУЖИКЪ 1 (махнувъ рукою). Кто ихъ знатъ!

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. Восейка я видалъ на ней во этаку!.. Ровно крыша на повѣти!.. (Сдержанный смѣхъ)

МУЖИКЪ 2. Бабы сказывали,—видѣли ее верхомъ на лошади... въ штанахъ! Ей-Богу! (Смѣхъ кругомъ

КЛЮЧНИКОВЪ (съ презрѣніемъ). Онѣ могутъ...

ПОВАРЪ (появившись на крыльцѣ наскоро докуриваетъ папиросу). Невѣжи! Право! Только вотъ я узнаю, кто обругался... Я этого не оставлю! (Плюетъ на папиросу, бросаетъ ее и исчезаетъ. Въ садовой калиткѣ показываются земскій начальникъ и Городецкій,—мужики опять встревожены, вскакиваютъ, приготовляются)

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (стоя въ калиткѣ). Николай Александровичъ! Я вовсе не утверждаю, что мужики сыты. Я только настаиваю на осторожности, съ которой слѣдуетъ прибѣгать къ пособіямъ отъ казны. Вѣдь это, наконецъ, обратится въ привычку. Въ концѣ концовъ, они вообразятъ, что казна обязана ихъ кормить...

ГОРОДЕЦКІЙ. Вы говорите,—нѣтъ голода... Конечно, такихъ случаевъ, чтобы ложились, корчились и умирали буквально отъ голода, не было. Но жизнь впроголодь... болѣзни... Сказать, что голода нѣтъ, я не

СТАРОСТА. Земскаго, Лимпіяда Ивановна! Съ утра моритъ насъ... Велѣлъ народъ согнать...

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. А самъ не кажется...

КЛЮЧНИКОВЪ (хмуро). Долго-ли намъ еще ждать?! Бревно, что-ли, человѣкъ?..

СТАРОСТА. Чай, не помрете? Люди!

КЛЮЧНИКОВЪ. Скажи ему, чтобы отпустилъ народъ,—вотъ что! Намъ некогда тутъ... вонъ оно гдѣ, солнышко-то!

ЛИПА. Скажу, скажу.. Не дорожатъ эти господа временемъ...

КЛЮЧНИКОВЪ. Разъ бумага вышла, — надо объявить...

ЛИПА. Конечно, конечно... (Хочетъ идти)

МУЖИКЪ 1. А какъ, барышня, касательно земли-то?

МУЖИКЪ 2. Сбавку-то обѣщала?

ЛИПА. Насчетъ земли... я сдѣлаю для васъ все, что можно... Я думала все, да еще не рѣшила...

КЛЮЧНИКОВЪ. А что тутъ долго думать-то? Дѣло ясное, нечего зря и голову ломать!..

ЛИПА. Вотъ видите, какъ вы все скоро рѣшаете! На-дняхъ пріѣдетъ братъ... Земля у насъ общая, нераздѣленная. Безъ него я не знаю, какъ все устроится...

СТАРОСТА. Чай, Павелъ Иванычъ не обидитъ насъ?

ЛИПА. Да ужъ, конечно, не обидитъ! Братъ за бѣдный народъ и въ тюрьмахъ сидѣлъ, и въ Сибирь былъ сосланъ...

СТАРОСТА. Сказывали тогда... Мы ему очень даже... баринъ онъ хорошій, доброй души человѣкъ... Я вѣдь его съ измальства знаю... Конечно, твое дѣло женское... Подождемъ...

ЛИПА. Ну вотъ и отлично! Пріѣдетъ, перетолкуемъ и все покончимъ...

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. Чтобы никому не обидно было...

ЛИПА. Я думала-бы такъ сдѣлать: нашу землю сдать

ГОЛОСА. „Благодаримъ на добромъ словѣ!“, „Покорно благодаримъ!“

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ. Слушайте, что пишетъ вамъ новый губернаторъ въ этой вотъ бумагѣ. (Потрясаетъ бумагою; въ толпѣ затаенное ожиданіе, напряженное вниманіе. Земскій читаетъ) „Неурожаи послѣднихъ лѣтъ ясно показали, что необходимо всегда имѣть хлѣбъ въ запасѣ“...

ГОЛОСА (одобрительно). „Вѣрно!“, „Правильно!“, „Нельзя безъ хлѣба!“ (Земскій даетъ знакъ молчать)

СТАРОСТА. Помолчите!

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (читаетъ). „Не менѣе должно быть понятно крестьянамъ и то, что если подати и повинности оплачены, то лучше живется, а еще лучше, когда и подати уплачены и деньги у общества въ наличности есть, чтобы на случай нужды помочь другъ другу...“ Понятно? (Гулъ радостной толпы) Вотъ то-то и есть...

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. Ужъ это на что лучше!..

МУЖИКЪ 2. Тогда, ваше благородіе, и помирать не надо!..

СТАРОСТА. А вы помолчите!..

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (опустивъ бумагу, объясняетъ). Пала-ли лошадь, поломалась-ли у кого телѣга, или какая-нибудь другая нужда вышла въ хозяйствѣ, разъ есть мірской капиталъ... (читаетъ) „Разъ есть мірской капиталъ, общество пособитъ. И всего этого можно достигнуть: для этого не-об-хо-ди-мо молиться Богу, да постоянно работать, (въ толпѣ вздохи) твердо па-мя-ту-я, что честный трудъ Господь наградитъ успѣхомъ...“ (Потерялъ строку, ищетъ глазами)

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО (глядя въ небо). Господь... Онъ— милосердный!..

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (сердито взглянувъ на говорящаго). Ну-съ... (Объясняетъ) Въ молитвѣ и трудѣ — основа вашего благополучія. Тотъ, кто усердно работаетъ, въ праздникъ въ церковь ходитъ, не сквернословитъ, а въ

кабакъ дорогу забылъ,—прокормитъ безбѣдно и себя, и семью, да и на черный день кое-что сбережетъ... (Опуская бумагу) Такъ вѣдь?.. (Небольшая общая пауза) Вѣрно?

СТАРОСТА... Это дѣйствительно... который пьяница, ничего не выйдетъ.

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ. Да... Далѣе... Ммг... (Читаетъ раздѣльно и внушительно) „Поэтому мой совѣтъ крестьянину: начинать всякое дѣло молитвой, работать постоянно, усердно; въ кабакъ не ходить, не сквернословить, не пѣть непристойныхъ пѣсенъ. Волостнымъ и сельскимъ должностнымъ лицамъ я приказываю держать въ селахъ порядокъ, составлять хлѣбные запасы, исполняя въ точности данныя мною черезъ господъ земскихъ начальниковъ (показываетъ на себя) приказанія, и стараться составлять мірскіе капиталы на случай нужды. Должностныя лица, которыя сумѣютъ выполнить указанныя мною задачи, заслужатъ мою сердечную благодарность". (Опускаетъ бумагу) Слышали? Слышалъ, староста?

СТАРОСТА. Слышалъ... Постараемся... (Мужики молча глядятъ въ землю)

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (объясняетъ). Нѣкоторые полагаютъ невозможнымъ составлять хлѣбные запасы въ виду сырости зерна. Правда, хлѣбъ бываетъ, дѣйствительно, сыръ, но его легко высушить на печахъ и сухой уже засыпать въ магазины. Бѣда не въ томъ, что хлѣбъ сыръ, а бѣда, если нѣтъ его вовсе.

ГОЛОСА. „Вотъ это правильно!", „Въ этомъ и дѣло-то!"

КЛЮЧНИКОВЪ (угрюмо). А гдѣ его взять?!

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (объясняетъ). Что касается уплаты повинностей, то я уже говорилъ вамъ, что слѣдуетъ стараться уплачивать деньгами не отъ продажи хлѣба, а заработанными. Хлѣбъ же слѣдуетъ беречь, продавать его за безцѣнокъ не слѣдуетъ...

КЛЮЧНИКОВЪ (хмуро). Нѣтъ его, хлѣба!

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ. *Нынче* нѣтъ, а на будущій годъ будетъ! Губернаторъ совѣтуетъ не на одинъ только нынѣшній годъ, а всегда поступать такъ. Понялъ? (Ключниковъ молчитъ)

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. Это дай Богъ ему здоровья...

ГОЛОСА. „Дай Богъ!" (Въ толпѣ тихій говоръ, покашливанье)

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ. Что вы тамъ? Поняли? (Молчаніе) Если что непонятно, прошу заявить! (Легкій говоръ)

СТАРИКЪ (прячась за спины другихъ). Они говорятъ,— въ нонѣшной годъ не могутъ магазеи пополнить!

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ. Говори громко! Ничего не слышу!.. Кто тамъ говоритъ! (Старикъ не выходитъ)

СТАРОСТА (робко). Народъ толкуетъ, что нечѣмъ магазеи пополнить.

ГОЛОСЪ (изъ толпы). Не то, чтобы продавать, а самимъ ѣсть нечего!

КЛЮЧНИКОВЪ (насупясь). Нѣтъ хлѣба!..

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (съ раздраженіемъ). А я *что* же говорю? Нынче Богъ не далъ, на будущій годъ дастъ...

ГОЛОСА. „Дай Богъ!", „Когда родится,—можно"...

СТАРИКЪ (изъ за чужой спины). Большое притѣсненіе... На ревизскую душу у насъ... Когда, это, размежовка была...

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (обрывая). Что такое? Какая резмежовка? (Старикъ молчитъ) Староста!

СТАРОСТА. Здѣсь, ваше благородіе!

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ. Завтра собирай сходъ и объясни имъ, что я здѣсь читалъ и говорилъ!

СТАРОСТА. Можно...

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ. Не „можно", а я тебѣ приказываю!

СТАРОСТА. Слушаю... Будетъ исполнено... Не сумлевайтесь...

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ. Затѣмъ,—все-ли у васъ благополучно?

СТАРОСТА. Слава Богу, все благополучно!

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (строго). Нѣтъ-ли какихъ-нибудь толковъ, разговоровъ въ народѣ о прирѣзкѣ земли?.. О томъ, что земля скоро къ вамъ отойдетъ и другихъ подобныхъ розсказней?.. (Нѣкоторое волненіе въ толпѣ) Староста! Говори правду!

СТАРОСТА. У насъ?.. У насъ, ваше благородіе, спокойно... Не слыхать этого... У насъ народъ, какъ тихая вода! Болтаютъ разное, да вѣдь...

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ. Пусть не болтаютъ. А кто будетъ болтать,—немедленно сообщить уряднику...

СТАРОСТА. Развѣ можно не заявить?!

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ. Теперь ходятъ по деревнямъ и селамъ злонамѣренные люди и обманываютъ народъ разными вздорными слухами.

СТАРОСТА. Не видать у насъ этакихъ...

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ. Эти люди — ваши враги. Они смущаютъ васъ, пользуются вашей глупостью, невѣжествомъ и довѣрчивостью... Ушей не распускать, смутьяновъ не слушать! Если такой человѣкъ появится въ деревнѣ, хватайте его и ведите къ уряднику!

МУЖИКЪ 2. Не ходятъ у насъ этакіе...

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. Непримѣтно у насъ... Разя гдѣ въ другихъ мѣстахъ...

ГОЛОСА. „Ежели что,—пымаемъ, ваше благородіе!“, „Пымаемъ!“

СТАРОСТА. Постараемся, ваше благородіе.

КЛЮЧНИКОВЪ (хмуро). Некого ловить...

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ. Знайте, что это—волки въ овечьей шкурѣ! Помните!

СТАРОСТА. Будемъ помнить.

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ. И всѣмъ другимъ скажите!

Ну, теперь съ Богомъ! Можете отправляться по домамъ! (Поворачивается и медленно идетъ по направленію къ садовой калиткѣ. Мужики въ глубокомъ смущеніи топчутся, шевелятся, тихо направляются къ воротамъ. Остаются старикъ, староста и Ключниковъ. Старикъ, пошептавшись съ Ключниковымъ, бѣжитъ рысцой за земскимъ начальникомъ, держа шапку въ лѣвой рукѣ)

СТАРИКЪ (догоняя земскаго). Ваше благородіе! Погодь малость! (Земскій начальникъ оглядывается и пріостанавливается у калитки сада. Ключниковъ останавливается въ отдаленіи и ждетъ чего-то

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ. Ну! Что еще?

СТАРИКЪ. Разное народъ болтаетъ. (Задыхаясь отъ волненія) У насъ... на ревизскую душу двѣ съ четвертью десятины, а народъ множится... Тварь живая, ваше благородіе... Что подѣлаешь?

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (нетерпѣливо). Ну?

СТАРИКЪ. Вотъ оно и выходитъ... Податься некуда... Разное болтаютъ. Вышла будто отъ Батюшки-Царя льгота народу насчетъ земли... Болтаютъ тоже, что...

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (перебивая). Очень скверно дѣлаютъ, что болтаютъ... И если ты самъ будешь повторять эту болтовню, то...

СТАРИКЪ (испуганно). Я ничего не знаю, ваше благородіе. Народъ мы—темный... Вотъ мы до вашей милости... Лучше спросить... Вы какъ наши начальники.. Болтаютъ другіе...

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (кричитъ). Староста! (Подбѣгаетъ староста) Отправь этого дурака подъ арестъ на трое сутокъ!.. (Старикъ растерянно кланяется)

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ. Не болтай! И другимъ закажи! Понялъ? (Хочетъ идти)

СТАРИКЪ (со слезами въ горлѣ). Ваше благородіе! Ваше благородіе! За что?!

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (оборачиваясь). Не понялъ? Ну посидишь и поймешь! Подъ арестъ! На трое сутокъ! Возьми его, староста!

СТАРИКЪ. Вѣдь я что-же... Я имъ говорю... (Земскій уходитъ въ калитку. Старикъ растерянно топчется на мѣстѣ)

СТАРОСТА. Пойдемъ! (Вздохнувъ) Ничего не подѣлаешь!.. (Идетъ къ воротамъ. Ключниковъ идетъ позади нихъ очень медленно, безъ шапки, глядя въ землю. Вдругъ онъ пріостанавливается и злобно смотритъ туда, куда ушелъ земскій начальникъ. Изъ дому доносится говоръ, смѣхъ, и граммофонъ опять запѣваетъ „Межъ горами вѣтеръ воетъ". Тогда Ключниковъ, отмахнувшись рукою, сжатою въ кулакъ, надѣваетъ шапку и твердой рѣшительной походкой идетъ за старикомъ)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Яркій весенній полдень. Боковой фасадъ барскаго дома съ мезониномъ. Ветхая терраса съ облѣзлыми, когда-то штукатуренными, колоннами и съ широкой лѣстницей въ садъ. Въ линію съ фасадомъ дома—изгородь съ калиткою во дворъ, далѣе глухія бревенчатыя стѣны кухни. Въ глубинѣ за оградой—огородъ и пустырь, гдѣ устроена столовая для крестьянскихъ дѣтей. Павелъ Ивановичъ сидитъ на террасѣ и, облокотясь руками на перила, читаетъ книгу. Съ пустыря доносится пестрый веселый гомонъ крестьянскихъ ребятишекъ: кто-то изъ нихъ плачетъ, кто-то бранится; звучатъ голоса Серафимы Сергѣевны и Наташи. Городецкій выходитъ изъ дому на террасу съ заткнутой за шею салфеткою, чиститъ зубы перышкомъ.

ГОРОДЕЦКІЙ. На совѣщаніи выяснилось, что въ среднемъ по нашему уѣзду на сто домохозяевъ приходится сорокъ семь цѣлыхъ и три десятыхъ лошади, или другими словами... мм... сколько это на человѣка?. Забылъ, какъ дѣлятся десятичныя дроби...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ (поднимая голову). Что?

ГОРОДЕЦКІЙ. На сто дворовъ у насъ 47,3 лошади...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ (разсѣянно). Ага! Мало... (Читаетъ)

ГОРОДЕЦКІЙ (глядитъ по направленію пустыря). Какъ они тамъ!.. Словно пчелы въ ульѣ... (Пауза) А что же ты, Павелъ, не сходишь туда.. посмотрѣть? Ужасно люблю дѣтвору! (Позѣвываетъ, уходя въ комнаты. Павелъ Ивановичъ, оторвавшись отъ книги, смотритъ куда-то въ пространство и потихоньку тянетъ пѣсню: „Стоитъ гора высокая", потомъ начинаетъ ходить по террасѣ. Наташа, одѣтая въ бѣлый передникъ, съ слегка засученными рукавами, идетъ съ пустыря въ комнаты, ажитированная и кокетничающая своимъ необычайнымъ костюмомъ. Павелъ смотритъ на нее съ ласковой ироніей)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Нашла себѣ, наконецъ, дѣло?

НАТАША. Правда, Павелъ, я похожа на горничную? изъ порядочнаго дома? (Смѣется)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Душа у тебя цвѣтетъ отъ добрыхъ дѣлъ?

НАТАША (входя на террасу). Хочу ихъ побаловать: дать по конфеткѣ. Они преуморительные! И любятъ меня ужасно! Все это очень интересно и пріятно, Павелъ.

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Такъ ужъ Богъ устроилъ, чтобы доставить тебѣ удовольствіе...

НАТАША (съ гримасой). Ужъ пожалуйста! Не острите! Ничего смѣшного .. (Исчезаетъ въ дверяхъ. Павелъ ходитъ, тянетъ „Стоитъ гора высокая". Со стороны пустыря идетъ Серафима Сергѣевна и за нею по пятамъ—бабенка съ мальчикомъ)

БАБЕНКА (жалобно) А вотъ тебѣ съ мѣста не сойти, если онъ обманываетъ... Зря ты насъ обижаешь.

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Какъ только я увидала этого мальчишку съ разбитой губой, такъ моментально вспомнила, что онъ уже обѣдалъ... И вчера не хватило троимъ...

БАБЕНКА. Хошь, я образъ сниму?..

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА (строго). За мной прошу не ходить... Сюда нельзя лѣзть. Уходи! (Бабенка съ мальчикомъ отстаетъ и, удаляясь на пустырь, тычетъ мальчика въ загорбокъ и ворчитъ: „у-у, обжора! Теперь вотъ и гляди, какъ другіе жрутъ!" Серафима Сергѣевна медленно слѣдуетъ къ террасѣ) Однимъ по два обѣда, а другимъ—ничего... (Въ калитку во дворѣ) Ѳедоръ! Поди и скажи, чтобы расходились: поѣли и нечего больше тамъ дѣлать! Всю голову прокричали... (Кучеръ идетъ на пустырь. Авдотьюшка носитъ оттуда деревянную посуду, ложки, миски) Представь, Павелъ! обманываютъ: съѣстъ свою порцію, а черезъ десять минутъ опять лѣзетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, словно ему не давали.

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Одинъ офицеръ, тетя, раз-

сказывалъ... Командиръ спросилъ на смотру солдата: хорошо-ли кормятъ? — „Хорошо, ваше высокоблагородіе, такъ что остатки бываютъ!“ — „Куда-же вы дѣваете остатки?“ — „Доѣдаемъ, ваше высокоблагородіе!“

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Ахъ, ну тебя тутъ! Имъ хоть по три порціи давай,—все недовольны!.. (Идетъ въ комнаты; навстрѣчу Наташа съ бумажнымъ мѣшечкомъ)

НАТАША. Я имъ, мамочка, хочу—по конфеткѣ... побаловать...

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Только, пожалуйста, не шоколадъ, который привезъ сегодня папа! (Идетъ въ комнаты)

НАТАША. Монпансье, мамочка. Никто не любитъ... (Сходитъ съ террасы. Павелъ смотритъ ей вслѣдъ, ухмыляется)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Наташа! (Наташа пріостанавливается, оглядывается) Когда я былъ студентомъ и сидѣлъ въ тюрьмѣ, однажды ко мнѣ на свиданіе пришла дѣвушка, которая назвалась моей невѣстой, но которая меня не знала... И я не зналъ ея... Право!.. Она была немножко похожа на тебя... Живая такая и веселая... Она была у меня только одинъ разъ,—принесла мнѣ фіалокъ, и больше я никогда уже не видалъ ея...

НАТАША. Ну?

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Вотъ здѣсь, въ книгѣ, я нашелъ сухую фіалку. (Грустно покачиваетъ головой) Почти десять лѣтъ она лежала здѣсь, а посмотри: словно живая... словно все это было прошлымъ лѣтомъ. (Разсматриваютъ фіалку) Она была немножко похожа на тебя, но... она, навѣрное, не кормила голодныхъ ребятишекъ конфетками.

НАТАША (разсердилась). А я вотъ кормлю! (Съ презрительной гримаской бѣжитъ съ террасы на пустырь)

ГОРОДЕЦКІЙ (выходитъ съ террасы, тихо приближается къ калиткѣ, кричитъ) Ѳедоръ! Ѳедоръ! (Манитъ пальцемъ и отходитъ

КУЧЕРЪ (вбѣгаетъ). Меня, баринъ, кликали?

Ну, теперь съ Богомъ! Можете отправляться по домамъ! (Поворачивается и медленно идетъ по направленію къ садовой калиткѣ. Мужики въ глубокомъ смущеніи топчутся, шевелятся, тихо направляются къ воротамъ. Остаются старикъ, староста и Ключниковъ. Старикъ, пошептавшись съ Ключниковымъ, бѣжитъ рысцой за земскимъ начальникомъ, держа шапку въ лѣвой рукѣ)

СТАРИКЪ (догоняя земскаго). Ваше благородіе! Погодь малость! (Земскій начальникъ оглядывается и пріостанавливается у калитки сада. Ключниковъ останавливается въ отдаленіи и ждетъ чего-то

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ. Ну! Что еще?

СТАРИКЪ. Разное народъ болтаетъ. (Задыхаясь отъ волненія) У насъ... на ревизскую душу двѣ съ четвертью десятины, а народъ множится... Тварь живая, ваше благородіе... Что подѣлаешь?

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (нетерпѣливо). Ну?

СТАРИКЪ. Вотъ оно и выходитъ... Податься некуда... Разное болтаютъ. Вышла будто отъ Батюшки-Царя льгота народу насчетъ земли... Болтаютъ тоже, что...

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (перебивая). Очень скверно дѣлаютъ, что болтаютъ... И если ты самъ будешь повторять эту болтовню, то...

СТАРИКЪ (испуганно). Я ничего не знаю, ваше благородіе. Народъ мы—темный... Вотъ мы до вашей милости... Лучше спросить... Вы какъ наши начальники.. Болтаютъ другіе...

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (кричитъ). Староста! (Подбѣгаетъ староста) Отправь этого дурака подъ арестъ на трое сутокъ!.. (Старикъ растерянно кланяется)

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ. Не болтай! И другимъ закажи! Понялъ? (Хочетъ идти)

СТАРИКЪ (со слезами въ горлѣ). Ваше благородіе! Ваше благородіе! За что?!

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ (оборачиваясь). Не понялъ? Ну посидишь и поймешь! Подъ арестъ! На трое сутокъ! Возьми его, староста!

КУЧЕРЪ. Тамъ, на дворѣ, одинъ больно безобразничаетъ.. Поденщина! А скажешь барину,—себя очень обезпокоятъ...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Лучше и барыню не безпокоить... Пойдемъ-ка: что тамъ? (Спускается съ террасы)

КУЧЕРЪ. Васъ вѣдь, Павелъ Иванычъ, не послушаютъ... Они васъ не боятся... (Уходятъ въ калитку)

НАТАША (идетъ съ пустыря, ведя за руку дѣвочку лѣтъ 9-ти, хорошенькую, пугливо озирающуюся). Не бойся!.. Марфушей тебя зовутъ? а?

ДѢВОЧКА (альтомъ) Да-а, Марфуткой!

НАТАША. Наѣлась? Досыта?

ДѢВОЧКА. Да-а, досыта!

НАТАША. Больше не хочешь? (Намѣревается поласкать) Дай, я тебя поцѣлую! Ухъ, какая ты грязуля!..

ДѢВОЧКА. Кабы дали, еще-бы съѣла!

НАТАША (хохочетъ). Это великолѣпно! Пойдемъ въ кухню,—тамъ еще чего-нибудь поѣдимъ!

ДѢВОЧКА. А тетенька не заругаетъ?

НАТАША (со смѣхомъ). Нѣтъ, нѣтъ!.. (Влечетъ дѣвочку въ калитку) Потомъ я покажу тебѣ ту машину, которая поетъ!

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ (появляясь въ калиткѣ, вслѣдъ ушедшимъ). Да, будущая красавица! И за это ей можно дать два обѣда. (Идетъ къ террасѣ, гдѣ появляется Городецкій)

ГОРОДЕЦКІЙ (чѣмъ то раздраженъ). Нѣтъ ничего глупѣе, какъ сантиментальность съ мужиками! Ваши душевные разговоры о землѣ уже дали нѣкоторые результаты... Они думаютъ, кажется, что я не имѣю права распоряжаться своими лугами такъ, какъ это мнѣ хочется и какъ выгоднѣе... удобнѣе...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Ты дѣлай такъ, какъ нравится и удобно тебѣ, мы съ сестрой—по своему...

ГОРОДЕЦКІЙ. Нельзя этого! Если вы будете дарить свою землю мужикамъ, этимъ вы дадите имъ поводъ

окошекъ, могутъ разсуждать такъ... наивно, прямолинейно!.. Я думаю, что твоя сестра смотритъ на дѣло гораздо благоразумнѣе...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Жизнь, жизнь!.. Жизнь-то именно и требуетъ, чтобы мы съ тобой поступились своими интересами... Ты вотъ все толкуешь о необходимости отдать крестьянамъ казенныя и удѣльныя земли. А тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ?!. Какъ тамъ? У насъ, напримѣръ, почти нѣтъ!.. (Появляется Липа)

ЛИПА. Все спорите?!

ГОРОДЕЦКІЙ. Скажи, пожалуйста, Липа, кто изъ васъ придумалъ сдать имѣніе мужикамъ по пяти рублей за десятину и на эти деньги выстроить имъ баню? (Павелъ отвертывается и смотритъ въ сторону, пощипывая бородку)

ЛИПА. Вы все о томъ-же... Не одну баню, Николай Александровичъ, а главное – *школу*, а потомъ и баню... Каюсь: придумала это я!..

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Ты, дядя, желаешь ссориться? Отлично! Мы... мы строимъ бани.... А вы?

ГОРОДЕЦКІЙ. Во всякомъ случаѣ я не буду воздвигать мужикамъ какія-то тамъ бани, когда имъ жрать нечего... Въ нашемъ уѣздѣ 47,3 лошади на 100 дворовъ, а они... (Злорадно смѣется)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ (очень раздраженно). Оноганить можно все, что угодно! Что строите *въ*? Тюрьмы? арестантскіе халаты? висѣлицы?.. (Сердито сходитъ съ веранды, направляясь къ калиткѣ)

НАТАША (выбѣгая на террасу). Опять умные разговоры? Beau frère! Вернитесь! Вотъ кипятокъ... (Бѣжитъ слѣдомъ за Павломъ, но скоро возвращается) Изволили разгнѣваться... Ты его, папа, вѣрно, обидѣлъ?

ЛИПА (угрюмо глядя въ полъ). Успокойтесь: мужики отказались не только отъ бани, но и отъ школы..

ГОРОДЕЦКІЙ. И отлично сдѣлали!

ЛИПА. Отказались и, значитъ, сдѣлали по-вашему..

И не стоитъ больше объ этомъ разговаривать. Мы всѣ такъ изнервничались, что разучились разговаривать....

ГОРОДЕЦКІЙ. Трудно оставаться спокойнымъ, когда тамъ хлѣбъ растащили, въ другомъ мѣстѣ—лѣсъ вырубили, въ третьемъ... А тутъ еще вы съ вашими утопическими проектами!.. (Послѣ паузы) Я, Липа, не ретроградъ! Вы съ Павломъ отлично это знаете. Я согласенъ, что народъ бѣденъ, нищій, что онъ рабъ.—все, что угодно... Но согласитесь, господа, что не подарками и не банями можно поправить экономическое положеніе народа!..

НАТАША. Не горячись, папочка!

ЛИПА. Тутъ, Николай Александровичъ, нѣтъ никакихъ проектовъ. Тутъ только *личное* дѣло мое и Павла... Личное! Мы не говоримъ, что спасаемъ народъ... Вѣроятно, это сдѣлаетъ самъ народъ лучше нашего. Вы вотъ кормите похлебкой крестьянскихъ ребятишекъ и, навѣрное, тоже не думаете, что измѣняете экономическое положеніе народа?..

НАТАША (съ большими глазами). Что-же? По-твоему, не надо ихъ кормить? Мама дѣлаетъ глупо, что кормитъ?.. Глупо?

ЛИПА. Погоди, Наташа... Не въ этомъ дѣло... Прекрасно дѣлаетъ...

НАТАША. А, можетъ быть, нѣсколько дѣтей умерли бы, если-бы мы... Бабы мамѣ руки цѣлуютъ...

ГОРОДЕЦКІЙ. Вы съ Павломъ все хотите вылѣзти изъ собственной кожи... Отлично! Ликвидируйте свое постыдное положеніе землевладѣльцевъ!.. Снимите эту тяготу съ своей души! успокойте совѣсть! Продайте имѣніе!

ЛИПА. Кому это?

ГОРОДЕЦКІЙ. Да хотя бы тѣмъ же мужикамъ!

ЛИПА. Не купятъ, Николай Александровичъ! Во-первыхъ, имъ не на что купить, а во-вторыхъ, они такъ

увѣрены, что земля перейдетъ къ нимъ безъ всякихъ покупокъ, что ничего не выйдетъ...

ГОРОДЕЦКІЙ. „Увѣрены?“ Конечно, если мы сами будемъ давать пищу мужицкой фантазіи... Вы полагаете, что, предлагая имъ взять землю по пяти цѣлковыхъ вмѣсто десяти, вы не кружите имъ головы?..

ЛИПА. Но что же дѣлать? Знать, что десять рублей нельзя брать, и все-таки брать?

ГОРОДЕЦКІЙ (не слушая). Если бы всѣ помѣщики согласились, что земля — ничья, Божья, то, конечно, все совершилось бы безъ пожаровъ, грабежей, безъ арестантскихъ халатовъ, но...

НАТАША (повернувшись на каблукахъ). Надоѣли мнѣ, хуже горькой рѣдьки, ваши споры и умные разговоры! Пойду Володю встрѣчать. (Беретъ съ окна простенькій платочекъ и покрывается имъ по-крестьянски) Хорошо? Идетъ? (Спускается съ террасы) Пойдемъ, Липа, Володю встрѣчать! Въ поле! Колокольчиковъ нарвемъ!.. (Уходитъ, бурча что-то веселенькое. Горничная приготовляетъ столъ къ чаю)

ГОРОДЕЦКІЙ (ходитъ). Но вѣдь согласитесь, господа что я-то, который всадилъ въ имѣніе все свое и женино состояніе и хожу теперь въ долгу, какъ въ шелку, я-то не могу согласиться, что земля — ничья, а Божья? Проценты-то вѣдь я плачу!..

ГОРНИЧНАЯ. Что вы, баринъ, говорите?

ГОРОДЕЦКІЙ (сердито). Не съ тобой!.. Наконецъ, я возился съ вашимъ имѣніемъ не меньше, чѣмъ со своимъ... Я вложилъ въ него столько заботъ и труда...

ЛИПА (съ раздраженіемъ). Ну, а если мы съ Павломъ хотимъ подарить мужикамъ свою землю. Какое тебѣ, дядя, дѣло, въ самомъ дѣлѣ? Мы живемъ для себя и распоряжаемся своимъ... Ты... ты бери десять рублей... Можешь даже двѣнадцать, а мы хотимъ по пяти! Даромъ — хотимъ! И нѣтъ никому дѣла! Никому! (Тихо сходитъ съ террасы, отирая платкомъ слезы, и направляется черезъ калитку во флигель)

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА (входя на террасу съ листомъ бумаги). Коля! Почему Иванъ Ключниковъ вычеркнутъ изъ числа „ѣдоковъ?“ Вѣдь у него четверо дѣтей?

ГОРОДЕЦКІЙ. А ну васъ тутъ, съ „ѣдоками!“ (Вслѣдъ Липѣ) Можете не только дарить, а даже еще отъ себя приплачивать за каждую десятину!

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Вѣдь ты знаешь Ивана Ключникова? Картошку въ прошломъ году копалъ у насъ со своей женой?

ГОРОДЕЦКІЙ. Чортъ его знаетъ... Иногда кажется, что взялъ бы и плюнулъ на все: и на хозяйство, и на всякихъ ѣдоковъ, и на идейныхъ помѣщиковъ! (Серафима Сергѣевна уходитъ. Городецкій спускается съ террасы и, сосредоточенно думая о чемъ-то, ходитъ по аллейкѣ сада. Изъ калитки выходитъ приказчикъ и идетъ позади Городецкаго. Тотъ чувствуетъ это—оглядывается) Что такое еще?

ПРИКАЗЧИКЪ. Надо, Николай Александровичъ, убрать одного поденщика... Степана изъ Сухого Долу!

ГОРОДЕЦКІЙ. Почему это?.. (Идетъ, приказчикъ за нимъ)

ПРИКАЗЧИКЪ. Произноситъ разныя слова... За такія слова надо прямо къ уряднику.

ГОРОДЕЦКІЙ (пріятельски). Вотъ что, Григорій: разсчитывать ты можешь, но еще съ урядниками возиться,—пожалуйста ужъ безъ этихъ кляузъ... Я тебѣ нѣсколько разъ говорилъ, что съ полиціей нечего связываться...

ПРИКАЗЧИКЪ. Какъ знаете... Если такія слова оставлять безъ вниманія, я ужъ не знаю... тогда ужъ все можно говорить, что хочешь...

ГОРОДЕЦКІЙ. Что же это за ужасныя слова? Ругань трех-этажная? Меня, что-ли?

ПРИКАЗЧИКЪ. Ругань — это пустяки. Развѣ я сталъ бы васъ безпокоить изъ-за ругани?! Другое...

ГОРОДЕЦКІЙ. Именно?

ПРИКАЗЧИКЪ. Вынесъ я изъ флигеля мебель провѣтрить, а онъ, Степанъ, сѣлъ въ кресло, ноги—врозь, и

не слазитъ! „Пошелъ!“—кричу... Никакого вниманія. „Не все,—говоритъ,—барамъ на мягкомъ сидѣть, пришло время и намъ позабавиться“... И пошелъ, и пошелъ!.. „Земля — Божья, моимъ потомъ полита, моей кровью вспоена“,—и другое разное... И такъ вездѣ неспокойно, а тутъ этакія слова произноситъ...

ГОРОДЕЦКІЙ. Откуда завелся этотъ господинъ? Давно онъ у насъ?

ПРИКАЗЧИКЪ. Только второй мѣсяцъ... Незамѣтно было... Трезвый — степенный человѣкъ, никогда никакого себѣ неприличія не позволялъ, а тутъ ему немножко попало — Павелъ Иванычъ поднесли — и нѣтъ никакого сладу! Стенька Разинъ, да и только! Или разбойникъ Чуркинъ какой...

ГОРОДЕЦКІЙ. Гм!..

ПРИКАЗЧИКЪ. Оставить его съ такими словами невозможно: у меня—народъ... Дозвольте его покуда хоть въ баню запереть?

ГОРОДЕЦКІЙ. Въ баню, говоришь?.. Гм!

ПРИКАЗЧИКЪ. А какъ же иначе? Въ рыло дать вы тоже не дозволяете, а...

ГОРОДЕЦКІЙ (прерывая). Только не драться! Я самъ себѣ этого не позволяю и тебѣ запрещаю... Боже тебя избави! (Грозитъ пальцемъ).

ПРИКАЗЧИКЪ. Разъ нѣтъ вашего разрѣшенія, какъ же я могу? Никогда! Пусть лучше меня изобьютъ, а я пальцемъ не трону...

ГОРОДЕЦКІЙ. Сильно пьянъ?

ПРИКАЗЧИКЪ. Не шатается, ходитъ ровно!

ГОРОДЕЦКІЙ (послѣ паузы). А ну-ка, приведи его сюда. Что это за субъектъ...

ПРИКАЗЧИКЪ. Какъ-съ?

ГОРОДЕЦКІЙ. Приведи его сюда. Я съ нимъ побесѣдую...

ПРИКАЗЧИКЪ. Какъ бы онъ... Сейчасъ приведу-съ!.. (Уходитъ, поскрипывая сапогами)

ГОРОДЕЦКІЙ. Ты не забылъ, что къ поѣзду надо выѣхать за молодымъ бариномъ?

КУЧЕРЪ. Зачѣмъ... Больше часу, какъ уѣхали Ваську послалъ.

ГОРОДЕЦКІЙ. Вятку запрягли?

КУЧЕРЪ. Ее. (Послѣ паузы) Николай Алексанычъ! Мужики опять насчетъ луговъ пришли. Что имъ сказать?

ГОРОДЕЦКІЙ. Гдѣ они?

КУЧЕРЪ. На канавѣ. Больше часу лежатъ. Просятъ васъ... поговорить...

ГОРОДЕЦКІЙ. Скажи управляющему.

КУЧЕРЪ. Они съ нимъ не желаютъ... Васъ просятъ.

ГОРОДЕЦКІЙ. Пусть идутъ къ парадному крыльцу,— я сейчасъ выйду. (Оба расходятся; въ дверяхъ Городецкій сталкивается съ женою, идущей на террасу съ листомъ бумаги и карандашомъ) Ахъ, Серафимочка! Надо-же смотрѣть!..

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Павелъ! Не разберешь-ли вотъ эту фамилію? Земскій начальникъ пишетъ словно какой-нибудь министръ! Извольте разбирать и догадываться...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ (беретъ листъ). Дѣйствительно! Иванъ... Иванъ... Чортъ его знаетъ! Почему это одни подчеркнуты синимъ карандашомъ, а другіе—краснымъ?

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Синіе—это „ѣдоки“, которыхъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ кормить, а красные— этихъ онъ исключаетъ: могутъ своимъ трудомъ прокормиться. Бѣда мнѣ съ этими списками! Сколько непріятностей, ошибокъ! Кто „ѣдокъ“, а кто „не ѣдокъ“... (Уходитъ, взявъ у Павла листъ)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. То-ли дѣло у насъ: всѣ „ѣдоки“. Какъ это, тетя, удобно! Не правда-ли? Никакихъ ошибокъ...

КУЧЕРЪ (подходитъ изъ калитки). Барыни нѣтъ?

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. А что?

ПРИКАЗЧИКЪ (останавливая Степана). Погоди, не лѣзь! Стой здѣсь! Сними картузъ-то: не въ кабакѣ...

СТЕПАНЪ. Постоимъ... Снимемъ... (Неохотно снимаетъ картузъ)

ПРИКАЗЧИКЪ. Привелъ его... Здѣсь онъ!

СТЕПАНЪ. Звали меня?

ГОРОДЕЦКІЙ. Не звалъ, а велѣлъ привести.

СТЕПАНЪ. Что меня вести-то... Самъ приду... Не допускали, а то...

ГОРОДЕЦКІЙ. Чѣмъ ты тамъ недоволенъ? Платой? Пищей?

СТЕПАНЪ. Никакихъ неудовольствій я вамъ не заявляю... А если я выпимши сѣлъ въ креслу, такъ неужто я вамъ этимъ убытокъ сдѣлалъ?!

ГОРОДЕЦКІЙ. Ты, пожалуйста, дурака не ломай!

ПРИКАЗЧИКЪ. А что ты говорилъ, когда въ креслѣ сидѣлъ? Ну-ка! Про землю ты что говорилъ?

СТЕПАНЪ. Что сказалъ, то и сейчасъ повторю. Мнѣ отпираться нѣтъ причины. Приказчикъ сказалъ: „какъ это земля этакихъ жуликовъ носитъ",—про меня это онъ. А я ему: „земля, говорю, не ваша, а Божья, и жуликъ тоже Божій человѣкъ"... Вѣрно! Что тутъ толковать? Всѣ мы — Боговы, какъ я, такъ и баринъ, и ты, неправильный ты человѣкъ, и все движимое и недвижимое!..

ПРИКАЗЧИКЪ (со злостью). Не такъ было! Врешь, а еще на Бога ссылаешься... Потерялъ совѣсть-то?

СТЕПАНЪ. Если ты никакихъ свидѣтелей не допустилъ, на кого мнѣ, окромя Бога, сослаться?

ГОРОДЕЦКІЙ. Ну, а дальше что?

ПРИКАЗЧИКЪ. А не говорилъ ты, что земля твоимъ потомъ полита, твоей кровью вспоена? Что по этой причинѣ неурожаи пошли?

СТЕПАНЪ. И вѣрно! Кто свой потъ надъ землей проливаетъ? Ты, что-ли? Кто Россію отъ непріятеля защищаетъ? Ты?

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА (въ дверяхъ). Чѣмъ съ ними лучше, тѣмъ они хуже. (Идетъ къ столу, за чай) Кажется, ужъ дѣлаешь для нихъ все: и отсрочки всякія, и льготы, и кормишь, и заработокъ даешь хорошій, и лѣчиться ко мнѣ бѣгаютъ... И все-таки!.. Полное отсутствіе всякаго чувства благодарности! У Виноградовыхъ никакой пощады не даютъ: за все — штрафъ, и ничего... лучше...

ГОРОДЕЦКІЙ. Ну, матушка, Виноградовымъ я никогда не былъ и не желаю быть. И что тамъ ни говори, а мужики отлично понимаютъ, что такое—я, и что—Виноградовъ...

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Я начинаю убѣждаться, что потравъ и порубокъ прощать не слѣдуетъ. На той недѣлѣ простили, а вчера опять поймали въ лѣсу съ лыками! Маленькія молоденькія липки! Даже простой жалости къ растеніямъ нѣтъ...

ГОРОДЕЦКІЙ. Ты, матушка, кажется, скоро убѣдишься, что слѣдуетъ загонять мужицкихъ гусей и поросятъ и потомъ заставлять отработывать убытки, какъ это дѣлаетъ и Виноградовъ, и даже... твой родной батюшка...

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. На что ты сердишься? Я тебѣ ничего не рекомендую. Я только вижу, что такъ—нельзя, немыслимо вести хозяйство... Раньше ты все-таки давалъ понять, что рубить чужой лѣсъ нельзя, что мы сѣемъ овесъ вовсе не для того, чтобы *они* пасли тамъ свой скотъ.

ГОРОДЕЦКІЙ (сердито). То было раньше, а теперь другое... Изъ-за пустяковъ не стоитъ портить отношеній... На грошъ экономіи, а... а... (Изъ калитки идутъ приказчикъ и Степанъ)

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА (поднимаясь и уходя въ домъ). Еще какую-нибудь гадость тутъ услышишь.. Предпочитаю не присутствовать. Чай тебѣ налитъ.

ПРИКАЗЧИКЪ (останавливая Степана). Погоди, не лѣзь! Стой здѣсь! Сними картузъ-то: не въ кабакѣ...

СТЕПАНЪ. Постоимъ... Снимемъ... (Неохотно снимаетъ картузъ)

ПРИКАЗЧИКЪ. Привелъ его... Здѣсь онъ!

СТЕПАНЪ. Звали меня?

ГОРОДЕЦКІЙ. Не звалъ, а велѣлъ привести.

СТЕПАНЪ. Что меня вести-то... Самъ приду... Не допускали, а то...

ГОРОДЕЦКІЙ. Чѣмъ ты тамъ недоволенъ? Платой? Пищей?

СТЕПАНЪ. Никакихъ неудовольствій я вамъ не заявляю... А если я выпимши сѣлъ въ креслу, такъ неужто я вамъ этимъ убытокъ сдѣлалъ?!

ГОРОДЕЦКІЙ. Ты, пожалуйста, дурака не ломай!

ПРИКАЗЧИКЪ. А что ты говорилъ, когда въ креслѣ сидѣлъ? Ну-ка! Про землю ты что говорилъ?

СТЕПАНЪ. Что сказалъ, то и сейчасъ повторю. Мнѣ отпираться нѣтъ причины. Приказчикъ сказалъ: „какъ это земля этакихъ жуликовъ носитъ",—про меня это онъ. А я ему: „земля, говорю, не ваша, а Божья, и жуликъ тоже Божій человѣкъ"... Вѣрно! Что тутъ толковать? Всѣ мы — Боговы, какъ я, такъ и баринъ, и ты, неправильный ты человѣкъ, и все движимое и недвижимое!..

ПРИКАЗЧИКЪ (со злостью). Не такъ было! Врешь, а еще на Бога ссылаешься... Потерялъ совѣсть-то?

СТЕПАНЪ. Если ты никакихъ свидѣтелей не допустилъ, на кого мнѣ, окромя Бога, сослаться?

ГОРОДЕЦКІЙ. Ну, а дальше что?

ПРИКАЗЧИКЪ. А не говорилъ ты, что земля твоимъ потомъ полита, твоей кровью вспоена? Что по этой причинѣ неурожаи пошли?

СТЕПАНЪ. И вѣрно! Кто свой потъ надъ землей проливаетъ? Ты, что-ли? Кто Россію отъ непріятеля защищаетъ? Ты?

ПРИКАЗЧИКЪ. Да и не ты, вѣдь!

СТЕПАНЪ. Мой братъ въ сраженіи свою кровь пролилъ, а твой въ монополіи сидитъ!

ГОРОДЕЦКІЙ. Во всякомъ случаѣ, если тебѣ хочется въ мягкомъ креслѣ сидѣть, а не работать,—можешь получить расчетъ и—съ Богомъ! (Къ приказчику) Разсчитай его!

ПРИКАЗЧИКЪ. Пойдемъ... Получай и — съ Богомъ! (Входитъ Серафима Сергѣевна)

СТЕПАНЪ. Что я въ креслѣ посидѣлъ—каюсь, а чтобы отъ работы отлынивать,—это грѣхъ будетъ... Наплевать тому въ глаза надо... (Городецкій уходитъ въ комнаты)

ПРИКАЗЧИКЪ. Ладно... Иди, братъ!

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Нечего больше разговаривать... Баринъ сказалъ тебѣ! и... все... уходи!

СТЕПАНЪ (съ озорствомъ). Какъ же не разговаривать? Корова и та мычитъ...

ГОРОДЕЦКІЙ (въ дверяхъ, съ раздраженіемъ). Получи расчетъ и мычи, сколько твоей душѣ угодно! (На дворѣ гремятъ бубенчики, слышны голоса Владимира и Наташи) Ну! Пшелъ!.. (Уходитъ въ комнаты)

СТЕПАНЪ (отнимая руку отъ приказчика). А вы не цѣпляйтесь! Мнѣ отъ Бога языкъ данъ!.. (Влетаетъ, съ букетомъ колокольчиковъ и зеленой ржи, Наташа, за ней идетъ улыбающійся, въ пыли и съ сумкой черезъ плечо, Владимиръ)

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА (радостно). Пріѣхалъ!.. Володя пріѣхалъ! (Наташа и Владимиръ, обходя Степана, идутъ на террасу; Владимиръ цѣлуется съ родными)

НАТАША. У него, мама, эспаньолка выросла? Видишь? (Беретъ брата за подбородокъ)

СТЕПАНЪ (у калитки, оглянувшись). А запирать человѣка въ баню не можете! Крѣпостное право прошло!

ГОРОДЕЦКІЙ (въ дверяхъ, выходя изъ терпѣнія). Я тебя отправлю къ земскому начальнику!

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Коля! Перестань! Сдерживайся... Не унижайся...

СТЕПАНЪ. А еще образованные! (Подталкиваемый приказчикомъ, скрывается за калиткой).

НАТАША. Какой грубый! (Неловкая общая пауза).

ВЛАДИМИРЪ (цѣлуясь съ отцомъ). Что, и у васъ мужички пошаливать начали? Вотъ тебѣ и добрыя отношенія!

ГОРОДЕЦКІЙ (строго). Къ твоему огорченію, пока все благополучно: не ограбили, не сожгли и не убили... (Владимиръ пожимаетъ плечами).

НАТАША (мягко ласкаясь къ отцу). Какую ты, папочка, ерунду говоришь! На тебѣ колокольчикъ въ петличку... Тебя Гладстономъ называютъ, а Гладстонъ, говорятъ, всегда носилъ цвѣточекъ...

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Ты, отецъ, напрасно говоришь такимъ тономъ эти несуразныя вещи...

ВЛАДИМИРЪ. Да пусть... Папа, видимо, раздраженъ чѣмъ-то...

ГОРОДЕЦКІЙ. Они—народъ прямолинейный. Летаютъ, какъ галки. Для приближенія къ будущему строю будетъ, матушка, небезполезно, если все это случится съ нами...

ВЛАДИМИРЪ. Все это, папа, либеральные парадоксы... (Наташа, вставъ позади брата, щекочетъ ему щеку колосомъ) Брось, чортова кукла!

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА (съ упрекомъ). Володя! Кель выражансъ!!.

ГОРОДЕЦКІЙ (съ улыбкой). Это очень демократично... Соціалъ-демократично! (Уходитъ въ комнаты).

ВЛАДИМИРЪ. Однако, какой отецъ сердитый... На что онъ обидѣлся... Я, кажется, ничего не успѣлъ сказать!

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Сегодня онъ съ утра разсердился... Что-то у него тамъ съ мужиками изъ-за луговъ вышло...

НАТАША (стоя позади брата). У-у! Какая у тебя, Володичка, шея! Какъ голенище! (Хохочетъ).

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА (въ дверяхъ). Чѣмъ съ ними лучше, тѣмъ они хуже. (Идетъ къ столу, за чай) Кажется, ужъ дѣлаешь для нихъ все: и отсрочки всякія, и льготы, и кормишь, и заработокъ даешь хорошій, и лѣчиться ко мнѣ бѣгаютъ... И все-таки!.. Полное отсутствіе всякаго чувства благодарности! У Виноградовыхъ никакой пощады не даютъ: за все – штрафъ, и ничего... лучше...

ГОРОДЕЦКІЙ. Ну, матушка, Виноградовымъ я никогда не былъ и не желаю быть. И что тамъ ни говори, а мужики отлично понимаютъ, что такое—я, и что—Виноградовъ...

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Я начинаю убѣждаться, что потравъ и порубокъ прощать не слѣдуетъ. На той недѣлѣ простили, а вчера опять поймали въ лѣсу съ лыками! Маленькія молоденькія липки! Даже простой жалости къ растеніямъ нѣтъ...

ГОРОДЕЦКІЙ. Ты, матушка, кажется, скоро убѣдишься, что слѣдуетъ загонять мужицкихъ гусей и поросятъ и потомъ заставлять отработывать убытки, какъ это дѣлаетъ и Виноградовъ, и даже... твой родной батюшка...

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. На что ты сердишься? Я тебѣ ничего не рекомендую. Я только вижу, что такъ—нельзя, немыслимо вести хозяйство... Раньше ты все-таки давалъ понять, что рубить чужой лѣсъ нельзя, что мы сѣемъ овесъ вовсе не для того, чтобы *они* пасли тамъ свой скотъ.

ГОРОДЕЦКІЙ (сердито). То было раньше, а теперь другое... Изъ-за пустяковъ не стоитъ портить отношеній... На грошъ экономіи, а... а... (Изъ калитки идутъ приказчикъ и Степанъ)

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА (поднимаясь и уходя въ домъ). Еще какую-нибудь гадость тутъ услышишь.. Предпочитаю не присутствовать. Чай тебѣ налитъ.

ГОРОДЕЦКІЙ. Когда женщина въ спорѣ не находитъ логическихъ аргументовъ, она орошаетъ противника слезами. Принципіальныя слезы! Нѣтъ ничего противнѣе! И подарить хочется, и баню выстроить... (Смѣется) Ужъ если такъ надоѣло быть помѣщиками, взяли бы да подарили мнѣ... Да! А что-же? Если сосчитать долги банку, Виноградову, недоимки разныя... если, говорю, ликвидировать хозяйство, то, ей-Богу, мы окажемся не богаче мужиковъ!

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА (вспомнивъ). А страховку ты внесъ?

ГОРОДЕЦКІЙ Откуда?! Я фальшивыхъ ассигнацій не дѣлаю... Опять придется у этого прохвоста, Виноградова, занимать...

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Папа хотѣлъ пріѣхать... Онъ разсчитывалъ, что ты дашь ему до января семьсотъ рублей...

ГОРОДЕЦКІЙ. Всѣ разсчитываютъ *взять* у меня и никто не разсчитываетъ *дать* мнѣ... Воображаютъ, что мои лятифундіи приносятъ мнѣ громадный доходъ... (Изъ калитки идетъ къ террасѣ поваръ).

ПОВАРЪ. Барыня! Что прикажете на третье?

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Что тебѣ?

ПОВАРЪ. На третье что приготовить: мороженое или пломбиръ?

ГОРОДЕЦКІЙ (сердито). Только не пломбиръ! Надоѣлъ твой пломбиръ.

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. И не мороженое! Сережа объѣдается и потомъ хвораетъ. Спроси барышню, Наталью Николаевну: что она захочетъ, то и приготовь!

ПОВАРЪ. Слушаюсь... Барышня любитъ вафли (За калиткою шумъ голосовъ; поваръ уходитъ; доносится звонкій голосъ Наташи: „вафли, вафли!", и изъ калитки выходятъ: Павелъ Ивановичъ, Липа, Владимиръ, переодѣтый въ русскую рубашку, и Наташа).

ВЛАДИМИРЪ. Ну, пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь около самовара!

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Слава Богу! Давно бы такъ!

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Чай пить могутъ изъ одного самовара всѣ партіи. (Общій смѣхъ)

ЛИПА (къ Владимиру). Всѣ забастовали?

ВЛАДИМИРЪ. Всѣ! Всѣ! и медички, и высшія...

ЛИПА. А горный институтъ?

ВЛАДИМИРЪ. Всѣ! Даже путейцы! (Разсаживаются около стола).

ЛИПА. Ахъ, какъ мнѣ захотѣлось въ Петербургъ!

ГОРОДЕЦКІЙ (съ ироніей). И надолго забастовали?

ВЛАДИМИРЪ. На неопредѣленное время.

ГОРОДЕЦКІЙ. Ага! Ну, а все-таки? До января, до февраля?..

ВЛАДИМИРЪ. Впредь до измѣненія общихъ условій... Я давно бы могъ пріѣхать, да не хотѣлось... Митинги, рефераты, доклады...

ГОРОДЕЦКІЙ. Надолго, значитъ? До этого... какъ его?.. до соціальнаго устройства?

ВЛАДИМИРЪ. Ладно! Подшучивай! Подождемъ, торопиться некуда.

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Не понимаю этого... Или ужъ я устарѣла, что ли... Была я когда-то на курсахъ...

ГОРОДЕЦКІЙ (декламируетъ). Такъ сбивчивы и шатки наши мнѣнья, что сомнѣваться можно и въ сомнѣньи!..

ВЛАДИМИРЪ. Сперва кончи курсъ.—такъ, мамочка? А потомъ ужъ—въ тюрьму?

НАТАША (надувая губы). Вотъ я кончила... и... что-же теперь, мама?..

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Кончи курсъ и вотъ, когда ты сдѣлаешься земскимъ начальникомъ, тогда выступай на арену и давай просторъ своимъ общественнымъ идеаламъ... (Липа и Владимиръ смѣются) А ты, Володя, не только еще не кончилъ курса, но даже не отбылъ тюремной повинности, какъ это требуется для диплома...

НАТАША (потягиваясь). А любопытно посидѣть въ

тюрьмѣ?! Право!.. Я хотѣла бы... Только не надолго... Съ недѣльку-бы!.. А потомъ на волю!..

ГОРОДЕЦКІЙ. Будь только порядочнымъ человѣкомъ, а тамъ, другъ мой, (хлопаетъ сына по плечу) жизнь найдетъ тебѣ мѣсто, распорядится тобой—по своему...

ВЛАДИМИРЪ. Я самъ распоряжаться жизнью хочу!

ЛИПА. Браво, Володя! Молодчина!

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Вѣрно! Надо, чтобы не жизнь нами, а мы жизнью распоряжались!

ВЛАДИМИРЪ (кланяется на двѣ стороны). Неожиданное одобреніе съ двухъ сторонъ. Очень растроганъ. Постараюсь быть и порядочнымъ человѣкомъ, и молодчиной!.. Только не отдаю себѣ яснаго отчета, что такое порядочный человѣкъ?

ГОРОДЕЦКІЙ. Не понимаешь?

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Очень жаль.

ВЛАДИМИРЪ. Перчатки и галстукъ для порядочнаго человѣка обязательны?

ГОРОДЕЦКІЙ. Довольно таки глупо. (Уходитъ въ комнаты).

НАТАША. Опять?! Зачѣмъ, Володька, сердишь папу?

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА (бросаетъ съ сердцемъ чайную ложку). Все могу извинить, но грубости не переношу.

ВЛАДИМИРЪ (цѣлуя у матери руки). Мамочка, не буду! Милая, не буду!

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Ахъ, не дурачься, Владимиръ, пожалуйста! (Уходитъ. Молчаніе).

ВЛАДИМИРЪ. Всѣ меня оставили... (Изъ кухни доносится пѣніе Авдотьюшки:

„У-родилася я, какъ въ полѣ были-инка,
Мо-я молодость прошла-а на чужо-ой сторонкѣ“).

НАТАША. Наша Авдотьюшка всегда чиститъ ножи подъ акомпаниментъ своихъ пѣснопѣній... Слушайте! (Авдотьюшка безнадежно-грустно вытягиваетъ:

„Лѣтъ съ двянадцати я по людямъ ходила,
Гдѣ коровъ доила я, гдѣ дѣтей качала“).

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Слава Богу! Давно бы такъ!

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Чай пить могутъ изъ одного самовара всѣ партіи. (Общій смѣхъ)

ЛИПА (къ Владимиру). Всѣ забастовали?

ВЛАДИМИРЪ. Всѣ! Всѣ! и медички, и высшія...

ЛИПА. А горный институтъ?

ВЛАДИМИРЪ. Всѣ! Даже путейцы! (Разсаживаются около стола).

ЛИПА. Ахъ, какъ мнѣ захотѣлось въ Петербургъ!

ГОРОДЕЦКІЙ (съ ироніей). И надолго забастовали?

ВЛАДИМИРЪ. На неопредѣленное время.

ГОРОДЕЦКІЙ. Ага! Ну, а все-таки? До января, до февраля?..

ВЛАДИМИРЪ. Впредь до измѣненія общихъ условій... Я давно бы могъ пріѣхать, да не хотѣлось... Митинги, рефераты, доклады...

ГОРОДЕЦКІЙ. Надолго, значитъ? До этого... какъ его?.. до соціальнаго устройства?

ВЛАДИМИРЪ. Ладно! Подшучивай! Подождемъ, торопиться некуда.

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Не понимаю этого... Или ужъ я устарѣла, что ли... Была я когда-то на курсахъ...

ГОРОДЕЦКІЙ (декламируетъ). Такъ сбивчивы и шатки наши мнѣнья, что сомнѣваться можно и въ сомнѣньи!..

ВЛАДИМИРЪ. Сперва кончи курсъ.—такъ, мамочка? А потомъ ужъ—въ тюрьму?

НАТАША (надувая губы). Вотъ я кончила... и... что-же теперь, мама?..

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Кончи курсъ и вотъ, когда ты сдѣлаешься земскимъ начальникомъ, тогда выступай на арену и давай просторъ своимъ общественнымъ идеаламъ... (Липа и Владимиръ смѣются) А ты, Володя, не только еще не кончилъ курса, но даже не отбылъ тюремной повинности, какъ это требуется для диплома...

НАТАША (потягиваясь). А любопытно посидѣть въ

ВЛАДИМИРЪ. Мужичокъ по-прежнему умиляетъ васъ своей самобытностью?

НАТАША. Они хотятъ подарить свою землю мужикамъ!

ВЛАДИМИРЪ. Ого! Сами намѣрены превратиться въ пролетаріевъ, а изъ мужичковъ сдѣлать благополучныхъ россіянъ?.. (Вдали чуть слышны колокольчики)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Что подѣлаешь, Володя?.. Мужикъ никакъ не соглашается сдѣлаться настоящимъ пролетаріемъ... (Насмѣшливо) Не хочетъ, каналья!

НАТАША (съ напряженнымъ вниманіемъ). Не понимаю я, какая между вами разница? Почему вы все ссоритесь... Ты, Володя, вѣдь тоже любишь бѣдныхъ?

ВЛАДИМИРЪ. Дайте мужику порядочный кусокъ земли—и вы увидите, что онъ сдѣлается врагомъ всякихъ соціальныхъ реформъ... Возьмите мужика въ Швейцаріи! Вы умиляетесь его благополучіемъ, а мнѣ противно смотрѣть! Сытое довольство мѣщанина— и ничего больше!

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Тамъ совсѣмъ другое дѣло!

ВЛАДИМИРЪ (иронически). Конечно! У насъ мужикъ— самобытный!.. Соціалистомъ родится! (Появляется полковникъ)

НАТАША. Дѣдушка! Ну-ка иди, поспорь съ ними!.. (Смѣется)

ПОЛКОВНИКЪ. А-а! господинъ анархистъ пріѣхалъ! Здравствуй, здравствуй! Хотя мы съ тобой и не сходимся въ убѣжденіяхъ, но видѣть тебя радъ! (Цѣлуется съ Владимиромъ) Крестничекъ мой. (Здоровается съ остальными. Къ Липѣ) Здравствуй, синій чулокъ! (Къ Павлу) Имѣю честь кланяться, народный печальникъ!.. (Къ Наташѣ) Здравствуй, Коза Ивановна!

НАТАША. Здравствуй, ретроградъ! (Смѣхъ и поцѣлуй)

ПОЛКОВНИКЪ. Полюбуйтесь, что у насъ происходитъ: (лѣзетъ въ карманъ за записной книжкой) проѣзжаю по своему лѣсу и вижу — на соснѣ бѣлѣетъ бумажка

какая-то .. Останавливаю лошадей, слѣзаю, снимаю бумажку, (вынимаетъ и кладетъ клочекъ бумаги на столъ) читаю... Полюбопытствуйте вотъ! Доморощенная прокламація!.. (Владимиръ хватаетъ бумажку, читаетъ и смѣется; окружающіе требуютъ прочесть вслухъ) Безграмотная прокламація и подписана: „Статскій Совѣтникъ"!..

ВЛАДИМИРЪ (читаетъ). „Сея економія будетъ сожжена въ ночь сего мая 20 го числа, а лѣсъ приказано вырубить до-чиста въ 2 часа съ четвертью. Статскій Совѣтникъ". (Общій смѣхъ)

ПОЛКОВНИКЪ. Какъ это вамъ нравится? а? (Прячетъ бумажку) Статскій совѣтникъ писалъ! Въ лаптяхъ! Передамъ земскому начальнику... Пусть дадутъ охрану... Отъ этихъ статскихъ совѣтниковъ теперь житья нѣтъ... (Грозя пальцемъ) Вы все! (Идетъ въ комнаты) Серафимочка!.. Полюбуйся!... (Горничная беретъ подогрѣвать самоваръ)

НАТАША. А кто тамъ еще съ дѣдушкой пріѣхалъ?

ГОРНИЧНАЯ. Земскій начальникъ. (Уноситъ самоваръ)

НАТАША (встаетъ). Брр! Противный! Возьму книжечку и уйду, лягу на травку...

ВЛАДИМИРЪ. Хочешь, дамъ Маркса? Сразу на 50 процентовъ поумнѣешь!

НАТАША. Не хочу. Липа давала мнѣ какъ то „Экономическія бесѣды", тоска смертная... Я читаю „Дворянское гнѣздо". Милый Тургеневъ! Люблю его безумно! Гдѣ мой Тургеша?.. Не видала, Липа, моего Тургешу?

ЛИПА. А вонъ на окнѣ,—не онъ?

НАТАША. Онъ! онъ! Мой миленькій! (Беретъ книгу и уходитъ въ садъ)

ЛИПА. Владимиръ! Знаешь, кто мой самый усердный читатель? Дѣдушка!

ВЛАДИМИРЪ. Неужели читаетъ?

ЛИПА. Всѣ новыя брошюрки!

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Липа даетъ ему всѣ присылаемыя тобой брошюрки по политическимъ и экономи-

ческимъ вопросамъ, и дѣдушка ихъ глубокомысленно изучаетъ, дѣлаетъ какія-то выписки въ свою памятную книжку...

ЛИПА. Только результаты получаются самые неожиданные! (Смѣется)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Дѣдушка, братъ, всѣхъ ученыхъ и поэтовъ утилизируетъ въ свою пользу! Недавно пріѣхалъ и говоритъ: „самъ вашъ Марксъ осудилъ реформы 60-хъ годовъ...“ (Липа и Павелъ Ивановичъ хохочутъ) „Какимъ это образомъ?“—спрашиваю. Вынимаетъ свою записную книжечку и читаетъ: „Если Россія пойдетъ по той же дорогѣ, по которой она двинулась въ 61 году, то она пропадетъ, какъ пропала гнилая Европа“. (Всѣ хохочутъ)

ЛИПА (встрепенулась). Кажется, сюда земскій начальникъ идетъ!

ВЛАДИМИРЪ (поднимается). Ну его къ чорту! Идемъ, господа! (Всѣ уходятъ въ глубину сада)

ГОРОДЕЦКІЙ (за нимъ земскій начальникъ и полковникъ). Трудно, знаете-ли, поручиться... Сегодня, напримѣръ, у меня вышелъ такой казусъ. Одинъ мужикъ сѣлъ въ кресло и говоритъ...

ПОЛКОВНИКЪ (перебивая). Какъ? Ты позволяешь у себѣ въ домѣ...

ГОРОДЕЦКІЙ. Не въ комнатѣ... На дворѣ мебель провѣтривали... Ну-съ сѣлъ и говоритъ: не все барамъ на мягкомъ сидѣть, пришло время и намъ побаловаться... или потѣшиться... ужъ не помню, какъ онъ выразился.

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ. Удалите немедленно... А я приму со своей стороны мѣры. Какъ имя и прозвище этого нахала?

ПОЛКОВНИКЪ. Это тоже „статскій совѣтникъ“.

ГОРОДЕЦКІЙ. Нѣтъ... Не выдамъ! Это уже я считаю лишнимъ... Если я разсказалъ этотъ случай, такъ вовсе не для того, чтобы донести, а просто для иллюстраціи...

полковникъ (возмущенно). Это удивительно! Это-же укрывательство!

земскій начальникъ. Я вѣдь, Николай Александровичъ, могу узнать и помимо васъ. Шила въ мѣшкѣ не утаишь! Да и нужно-ли...

городецкій. Это уже ваше дѣло!

полковникъ. Не „ваше“, а „наше“, общее наше дѣло! Это удивительно!

городецкій. Я держусь, вообще, того мнѣнія, что не слѣдуетъ обострять отношеній. Объ этомъ я имѣлъ честь докладывать лично князю и теперь могу повторить то-же самое.

полковникъ. Это удивительно! Погодите, господа либералы, я на первомъ-же губернскомъ дворянскомъ собраніи дамъ вамъ генеральное сраженіе! Я готовлю докладъ, Семенъ Яковлевичъ... Работаю съ утра до ночи!

земскій начальникъ. Значитъ, не слушаетесь доктора: онъ вамъ не велѣлъ читать и писать при огнѣ...

полковникъ. Докторъ запретилъ мнѣ думать и приказалъ спать по 12 часовъ въ сутки! Неужели я могу это дѣлать?.. Старый воинъ, Семенъ Яковлевичъ, не можетъ оставаться въ тылу, когда на аванпостахъ завязывается бой... Всѣ позиціи занимаютъ они, либералы.

городецкій. Вы что-же, опять какой-нибудь проектъ?

полковникъ. Именно. Основныя мои мысли таковы: 1) дворянскій банкъ долженъ служить намъ, а не мы банку, 2) овцы ввѣряются доброму пастырю, а не наемнику-интеллигенту, и 3) повсемѣстное введеніе обязательныхъ въ пользу государства работъ...

земскій начальникъ. Это, знаете-ли, любопытно...

городецкій (иронически). Особенно третья основная мысль... Кого вы, полковникъ, привлечете къ принудительнымъ работамъ?

полковникъ. Кого? Во-первыхъ, нуждающихся въ

работѣ; во-вторыхъ, всѣхъ недоимщиковъ и, въ-третьихъ, всѣхъ приговоренныхъ земскими начальниками къ штрафамъ и арестамъ... Я думаю, Семенъ Яковлевичъ, что каждый мужикъ согласится, вмѣсто того чтобы платить штрафы или сидѣть подъ арестомъ, отработать свое наказаніе?

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ. Возможно... А гдѣ, Николай Александровичъ, вы устроили столовую?

ГОРОДЕЦКІЙ. А тамъ, за огородомъ... Пойдемте,— покажу... Пока до завтрака... (Всѣ идутъ съ террасы по аллейкѣ, ведущей къ пустырю, и разговариваютъ о голодающихъ. На террасу выходитъ Серафима Сергѣевна, за ней горничная несетъ самоваръ).

ГОРНИЧНАЯ. Яичницу, что-ли, прикажете еще сдѣлать? (Изъ калитки идетъ Авдотьюшка).

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Что-нибудь... Можно и яичницу.

АВДОТЬЮШКА (у террасы). Уймите, барыня, Сереженьку!.. Озоруетъ все.

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. А что?

АВДОТЬЮШКА. Принесли машину эту самую...

ГОРНИЧНАЯ (поясняетъ). Граммофонъ!

АВДОТЬЮШКА. Да, грама... Не выговорю ужъ... Поставили ее къ телятамъ и завели... Тамъ такой скандалъ... Боятся, конечно... Неразумная тварь...

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА (всплеснула руками). Ахъ! И чего только не придумаетъ!! (Встаетъ и идетъ къ садовой калиткѣ. Здѣсь ее встрѣчаетъ и останавливаетъ Иванъ Ключниковъ).

КЛЮЧНИКОВЪ (снимая шапку). Сдѣлайте божескую милость! Не оставьте!

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Ты кто? Что тебѣ?

КЛЮЧНИКОВЪ. Да все я-же, барыня, Иванъ Ключниковъ! Ужъ ежели я не настоящій голодающій, какихъ-же еще нужно? Вѣдь это лавочникъ по злобѣ сказалъ... Четверо дѣтей, матка, сестра, самъ семой!

(Съ пустыря возвращаются Городецкій, земскій начальникъ и полковникъ).

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Вонъ земскій идетъ... Я ничего не могу. Велитъ записать,—запишу... (Уходитъ. Ключниковъ поджидаетъ).

КЛЮЧНИКОВЪ (кланяясь компаніи). Сдѣлайте божескую милость! Шесть душъ, самъ-семой... Хоть по міру иди! (Земскій начальникъ останавливается, Городецкій съ полковникомъ проходятъ въ комнаты).

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ. Ну, чего-же ты хочешь?

КЛЮЧНИКОВЪ. А такъ, чтобы въ ѣдоки насъ записали... Ужъ ежели мы не голодающіе, такъ кому-же и способіе выдавать?

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ. Работать, братецъ, надо. Руки есть? Голова на плечахъ?

КЛЮЧНИКОВЪ (мотнувъ руками). Куда ихъ дѣну? Зря болтаются. И радъ бы...

ЗЕМСКІЙ НАЧАЛЬНИКЪ. Сдѣлай одолженіе—приходи ко мнѣ въ усадьбу, — мнѣ рабочія руки нужны... (Отходитъ) Всѣ на казенные хлѣба желаете...

КЛЮЧНИКОВЪ (съ отчаяніемъ). А семейство? У меня семь душъ... (Земскій не обращаетъ вниманія) Ахъ ты, сдѣлай милость! Что станешь дѣлать?!.. (Топчется, вертитъ въ рукахъ шапку, смотритъ вслѣдъ ушедшему земскому начальнику. Вдали молодежь поетъ пѣсню: „Назови мнѣ такую обитель“) Эхъ вы, господа поштенные! (Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Зимній вечеръ; вьюга. Постоялый дворъ въ с. Городецкомъ: великорусская изба съ недоходящей до потолка перегородкой, съ просторной печкой-лежанкой, съ нарами и полатями. Въ лѣвомъ отъ зрителя углу—столъ съ висящею надъ нимъ на веревкѣ лампой. За столомъ—два возчика рѣжутъ хлѣбъ къ ужину, который приготовляетъ Лукерья, за перегородкой. Староста-хозяинъ стоитъ около входа за перегородку и, облокотясь на косякъ, разсказываетъ. Иванъ Ключниковъ сидитъ на лавкѣ вблизи стола. Въ темномъ углу, на нарахъ—старикъ съ внучкой. На полатяхъ кто-то возится и вздыхаетъ. Время отъ времени за перегородкой скрипитъ покачиваемая люлька и доносится плачъ грудного ребенка. Въ занесенное снѣгомъ окно постукиваетъ вѣтеръ, доносящій порою глухое бульканье лошадиныхъ бубенчиковъ. На перегородкѣ маленькіе часы съ гирькой и привѣсомъ—тикаютъ проворно, монотонно... При поднятіи занавѣса продолжается разговоръ.

СТАРОСТА. Призвалъ это онъ насъ къ себѣ и говоритъ: желаю вамъ свою землю сдать на вѣчныя времена за малыя деньги, но чтобы эти деньги шли въ какую-то камессію.

КЛЮЧНИКОВЪ. Не такъ говоришь! Подарю, говоритъ, обществу, но только чтобы вы по пяти цѣлковыхъ съ десятины вѣчно отчисляли и чтобы комитетъ выбрали, а въ этотъ комитетъ чтобы барышня Лимпіяда Ивановна, сѣла...

СТАРОСТА. Такъ, такъ... А на этотъ капиталъ, говоритъ, мы вамъ баню хорошую выстроимъ и школу поставимъ...

ВОЗЧИКЪ 1. Вишь, куда они гнутъ!..

дойдетъ дѣло-то... „Почему такъ?“ — Бани, говоримъ, намъ не надо, ни къ чему она, а школа только четыре версты - въ Сухомъ Долу; побѣгаютъ наши ребятишки, не господскіе... А что касаемое земли,—согласны, но только на вѣчныя времена не желаемъ, а окромя того, по пяти рублей дорого: по три опредѣляемъ...—„Какъ,— говоритъ,—дорого? По десяти платите?“—Что было, говоримъ, то прошло. И опять—впередъ деньги платить не можемъ, а черезъ два года гуртомъ отдадимъ... (Возчикъ 1 входитъ, постукиваетъ ногами и говоритъ: „вьюга!“)

СТАРИКЪ. Правильно! Можетъ, черезъ годъ все обнаружится, и ничего получить имъ не придется...

ВОЗЧИКИ. Все можетъ быть!

СТАРОСТА. Очень просто!.. Ну, вышла это барышня, Лимпіяда Ивановна, сестра его, и говоритъ: „не понимаете своей пользы; дураки,—говоритъ,—вы“...

СТЕПАНЪ (съ полатей). На дурака вся надежа была, а онъ взялъ да и поумнѣлъ!

СТАРИКЪ (смѣется). Бываетъ всяко!..

СТАРОСТА. Мы это и говоримъ: барышня! земля— Божія и ни отъ кого другого, окромя Господа, облегченья не ожидаемъ...

ЛУКЕРЬЯ. Лимпіядѣ-то ихней хочется на мѣсто попасть, въ учительницы, вотъ она все про школу-то и толкуетъ Замужъ то не берутъ, а въ дѣвкахъ-то сидѣть зазорно... Былъ у ей женихъ-то, да, баютъ, въ тюрьмѣ его сгноили... А теперь ужъ заматерѣла: не берутъ...

СТАРОСТА. Больно у нихъ самъ-то баринъ, Николай-то Лексанычъ, кряжистъ... Павелъ-то Иванычъ съ Лимпіядой—какъ голуби, а только онъ, Николай Лексанычъ, онъ все ихъ мутитъ.

СТЕПАНЪ. Всѣ они изъ одного дерева сдѣланы. Лѣтомъ я, какъ работалъ въ экономіи, стулья да разныя вещи изъ фригеля вытаскивалъ... Выпимши маленько былъ, ну, конечно, сѣлъ я въ кресло,—Павла Иваныча

оно, кресло-то,—а потомъ вызвалъ меня земскій и три дня подъ арестомъ выдержалъ...

возчикъ 1. Вишь, какой ты: на барскомъ мѣстѣ захотѣлъ посидѣть! (Смѣются)

степанъ (голосъ съ полатей). Хвали сѣно въ стогу, а барина въ гробу!.. (Лукерья подаетъ похлебку возчикамъ. Тѣ, помолясь, усаживаются)

ключниковъ (злобно). Вотъ тоже и луга... Всегда намъ луга сдавали, а прошлое лѣто взялъ да Виноградову сдалъ. Мы эти луга для себя караулили, ѣздить не пускали, скотину отгоняли, а онъ — Виноградову!..—„Давайте, говоритъ, впередъ всѣ деньги: мнѣ, говоритъ, деньги нужны“.. —А гдѣ ихъ сразу-то взять?.. Мы—къ земскому: какъ же, молъ, это?—„Никакого, говоритъ, вамъ дѣла нѣтъ, кому луга сданы“...— Мы—къ губернатору: какъ же это выходитъ, что наша скотина съ голоду дохнуть должна?..—„Ничего не могу сдѣлать!..“ (Разводитъ руками)

старикъ. Ничего не добьешься!.. У насъ вотъ земли на ревизскую душу двѣ съ половиной десятины, а душа у человѣка не ревизская, а живая. У меня вотъ въ семьѣ трое сыновей взрослыхъ, да двѣ дѣвки-внучки (Лушка начинаетъ опять плакать), а ревизскій я одинъ!.. А ѣсть-то *живая* душа хочетъ, а не ревизская. Пріѣхалъ это къ намъ земскій, мы его насчетъ земли и спросили: правда-ли, что прирѣзка будетъ?..—„Ничего, говоритъ, не будетъ. Зря.“—Я говорю: какъ же жить-то живому человѣку?.. А онъ говоритъ:—„Которые души не имѣютъ, пусть у барыни арендуютъ.“—А барыня у насъ за деньги не сдаетъ, а бери на отработки, а на отработки-то вдвое дороже выходитъ... да ежели чего не угодишь—штрахъ, да опять на отработки перекладываютъ... Такъ на нихъ всю жизнь и работай! А сломаешь ихни вилы — вся цѣна имъ четвертакъ, а штрахъ—шесть гривенъ, а отработаешь его—выйдетъ рупь, а то и больше.

ключниковъ. Имъ все въ пользу!

СТАРИКЪ. А придешь домой, — твою полосыньку вѣтромъ повыдуло...

СТЕПАНЪ (съ полатей). Они премудры: съ камня лыки дерутъ!..

СТАРИКЪ. Некуда податься... Что дѣлать, Господи? А помирать—все будто бы не охота... Вотъ и надо что-нибудь придумать. Старшій сынъ на заработки ушелъ, а вотъ дѣвку одну, видно, въ городъ придется...

СТЕПАНЪ (свѣшивая голову съ полатей). Ты вотъ хочешь въ городъ, а я — изъ городу... Живутъ тамъ, братецъ, люди суконные; дома у нихъ — глухіе, каменные, рѣшетками огорожены; окошки — рукой не достанешь... А въ окошкахъ двойныя рамы: ничего имъ тамъ не видать и ничего не слыхать... Придешь, помаешься—да съ тѣмъ и уйдешь... Да и Христа ради-то просить не приказываютъ: въ часть за это—и больше никакого разговору... (Лушка плачетъ сильнѣе) Много, старина, на небѣ звѣздъ, да высоко; много въ землѣ золота, да глубоко... Я вотъ полгода въ городѣ прожилъ, изъ нихъ четыре мѣсяца на фабрикѣ проработалъ, да два — въ тюрьмѣ, на казенной квартирѣ, прогостилъ... А теперь домой иду... Попробовалъ!

СТАРИКЪ (вздохнувъ). Не родитъ земля!.. Устала!.. Грѣха на ней много!.. Крови человѣческой да слезъ сиротскихъ!..

СТЕПАНЪ (съ полатей). У кого и родитъ, не устала... (Жестъ на возчиковъ) Вотъ они хлѣбъ везутъ!..

ВОЗЧИКЪ 1. У Виноградова завсегда урожай. Сѣмена-ли какія заморскія, али машины — Богъ его знаетъ! Всѣ амбары хлѣбомъ забиты...

КЛЮЧНИКОВЪ (съ угрюмымъ раздумьемъ). Вонъ, въ народѣ сказываютъ, что въ другихъ мѣстахъ крестьяне начали барскую землю запахивать, лѣса рубить, хлѣбъ снимать...

СТАРИКЪ. У насъ народъ смиренный... Который вы-

оно, кресло-то,—а потомъ вызвалъ меня земскій и три дня подъ арестомъ выдержалъ...

возчикъ 1. Вишь, какой ты: на барскомъ мѣстѣ захотѣлъ посидѣть! (Смѣются)

степанъ (голосъ съ полатей). Хвали сѣно въ стогу, а барина въ гробу!.. (Лукерья подаетъ похлебку возчикамъ. Тѣ, помолясь, усаживаются)

ключниковъ (злобно). Вотъ тоже и луга... Всегда намъ луга сдавали, а прошлое лѣто взялъ да Виноградову сдалъ. Мы эти луга для себя караулили, ѣздить не пускали, скотину отгоняли, а онъ — Виноградову!..—„Давайте, говоритъ, впередъ всѣ деньги: мнѣ, говоритъ, деньги нужны“.. —А гдѣ ихъ сразу-то взять?.. Мы—къ земскому: какъ же, молъ, это?—„Никакого, говоритъ, вамъ дѣла нѣтъ, кому луга сданы“...—Мы—къ губернатору: какъ же это выходитъ, что наша скотина съ голоду дохнуть должна?..—„Ничего не могу сдѣлать!..“ (Разводитъ руками)

старикъ. Ничего не добьешься!.. У насъ вотъ земли на ревизскую душу двѣ съ половиной десятины, а душа у человѣка не ревизская, а живая. У меня вотъ въ семьѣ трое сыновей взрослыхъ, да двѣ дѣвки-внучки (Лушка начинаетъ опять плакать), а ревизскій я одинъ!.. А ѣсть-то *живая* душа хочетъ, а не ревизская. Пріѣхалъ это къ намъ земскій, мы его насчетъ земли и спросили: правда-ли, что прирѣзка будетъ?..—„Ничего, говоритъ, не будетъ. Зря.“—Я говорю: какъ же жить-то живому человѣку?.. А онъ говоритъ:—„Которые души не имѣютъ, пусть у барыни арендуютъ.“—А барыня у насъ за деньги не сдаетъ, а бери на отработки, а на отработки-то вдвое дороже выходитъ... да ежели чего не угодишь—штрахъ, да опять на отработки перекладываютъ... Такъ на нихъ всю жизнь и работай! А сломаешь ихни вилы — вся цѣна имъ четвертакъ, а штрахъ—шесть гривенъ, а отработаешь его—выйдетъ рупь, а то и больше.

ключниковъ. Имъ все въ пользу!

СТАРИКЪ. А придешь домой, — твою полосыньку вѣтромъ повыдуло...

СТЕПАНЪ (съ полатей). Они премудры: съ камня лыки дерутъ!..

СТАРИКЪ. Некуда податься... Что дѣлать, Господи? А помирать—все будто бы не охота... Вотъ и надо что-нибудь придумать. Старшій сынъ на заработки ушелъ, а вотъ дѣвку одну, видно, въ городъ придется...

СТЕПАНЪ (свѣшивая голову съ полатей). Ты вотъ хочешь въ городъ, а я — изъ городу... Живутъ тамъ, братецъ, люди суконные; дома у нихъ — глухіе, каменные, рѣшетками огорожены; окошки — рукой не достанешь... А въ окошкахъ двойныя рамы: ничего имъ тамъ не видать и ничего не слыхать... Придешь, помаешься—да съ тѣмъ и уйдешь... Да и Христа ради-то просить не приказываютъ: въ часть за это—и больше никакого разговору... (Лушка плачетъ сильнѣе) Много, старина, на небѣ звѣздъ, да высоко; много въ землѣ золота, да глубоко... Я вотъ полгода въ городѣ прожилъ, изъ нихъ четыре мѣсяца на фабрикѣ проработалъ, да два — въ тюрьмѣ, на казенной квартирѣ, прогостилъ... А теперь домой иду... Попробовалъ!

СТАРИКЪ (вздохнувъ). Не родитъ земля!.. Устала!.. Грѣха на ней много!.. Крови человѣческой да слезъ сиротскихъ!..

СТЕПАНЪ (съ полатей). У кого и родитъ, не устала... (Жестъ на возчиковъ) Вотъ они хлѣбъ везутъ!..

ВОЗЧИКЪ 1. У Виноградова завсегда урожай. Сѣмена-ли какія заморскія, али машины — Богъ его знаетъ! Всѣ амбары хлѣбомъ забиты...

КЛЮЧНИКОВЪ (съ угрюмымъ раздумьемъ). Вонъ, въ народѣ сказываютъ, что въ другихъ мѣстахъ крестьяне начали барскую землю запахивать, лѣса рубить, хлѣбъ снимать...

СТАРИКЪ. У насъ народъ смиренный... Который вы-

пьетъ лишнее, поспоритъ съ барыней, а проспится—придетъ прощенья просить...

СТЕПАНЪ. Напьется—съ бариномъ дерется, а проспится—свиньи боится?.. (Общій смѣхъ. Отворяется дверь,—входитъ солдатикъ)

СОЛДАТИКЪ. Миръ вашей компаніи!..

ГОЛОСА. „Спасетъ Богъ!", „Поди-ка къ намъ!"

ЛУКЕРЬЯ. Милости просимъ!

СОЛДАТИКЪ. Дозвольте переночевать прохожему человѣку!.. Народу, какъ видно, много, да и мнѣ, чай, можно приткнуться гдѣ-нибудь... Я—не взыскательный.. (Хлопаетъ нога-о-ногу) Эхъ, ноги задрогли! Вертитъ, крутитъ въ полѣ непогодушка. . Какъ это въ пѣснѣ поютъ: „не проѣхать, не пройти,—нельзя къ миленькой зайти"... Эхъ!

СТАРОСТА. А ты что за человѣкъ?

СОЛДАТИКЪ. Солдатикъ. (Снимаетъ со спины котомку)

ЛУКЕРЬЯ. Настоящій, али такъ... не служишь ужъ?

СОЛДАТИКЪ. Служу, а только въ отпуску нахожусь. На поправку уволенъ.

ЛУКЕРЬЯ. Разные теперь люди по землѣ ходятъ. На прошлой недѣлѣ вотъ этакъ же зашелъ съ котомкой—книжками да картинками торгуетъ. А потомъ, слышимъ,—урядникъ его пымалъ... А мы вотъ эту картинку (показываетъ на стѣну) у него купили...

СОЛДАТИКЪ. Меня ловить нечего. Я теперь самъ не дождусь, какъ опять въ Двинскъ добраться... въ полкъ свой... 99-й Ивангородскій... (Разуваетъ лапти) Ноги словно чужія.

ЛУКЕРЬЯ (подозрительно). Солдатъ, а въ лаптяхъ...

СОЛДАТИКЪ. Это ничего не означаетъ. Пришелъ, какъ слѣдуетъ, въ сапогахъ. Домой пошелъ на поправку, а вышло вотъ какъ. Жалко было на родителей смотрѣть... Продалъ сапоги. Все лишнее продалъ, въ чемъ есть—остался. Вотъ она какая поправка моя

вышла! (Послѣ паузы) А дозвольте спросить, откудова съ обозомъ ѣдете?..

возчикъ 1. Изъ Виноградовской экономіи... хлѣбъ веземъ...

солдатикъ. А кому предназначается?

возчикъ 1. А кто его знаетъ!..

возчикъ 2. Въ городъ... Мы до чугунки только...

солдатикъ. Нѣтъ, я полагалъ, не для господъ-ли голодающихъ жителей?..

степанъ (съ полатей). Разѣвай ротъ, распоясывай брюхо!.. На чугунку—да въ за-границу... А въ Рассеѣ жрать нечего, ѣдятъ мякину да отруби, да и то не досыта...

возчикъ 1. Экономія опасается, вотъ и вывозитъ... У княгини въ Бѣломъ Ключѣ весь хлѣбъ сгорѣлъ...

солдатикъ. Отъ какой причины: подожгли, или по неосторожному обращенію?..

степанъ (сердито, съ полатей), А ты что, становой, что-ли?..

солдатикъ. Нѣтъ, зачѣмъ же?! Для любопытства спросилъ .. (Вѣшаетъ лапти у печки) Какъ въ лаптяхъ къ воинскому начальнику буду являться?.. Пропилъ сапоги, скажетъ... А я не только что пить, у меня съ утра маковой росинки во рту не было...

возчикъ 1. Можетъ, съ нами похлебашь горячаго? Садись!

солдатикъ. Горячаго? Что же, если дозволите, господа...

возчики. „Садись!“, „Осталось тутъ“... (Встаютъ, молятся)

солдатикъ (присаживаясь къ мискѣ). Скучно человѣку безъ горячаго. Если у него къ этому манера есть,— тоска беретъ...

степанъ. Привыкли на казенномъ хлѣбѣ!

ключниковъ. Не сладко, небось, опять въ мужикато перевертываться? Съ хлѣба-то на мякину?

ЛУКЕРЬЯ. Откуда ты родомъ-то?

СОЛДАТИКЪ. Далеко! Верстъ 25 отсюда... Изъ Преображенскаго... А что говорите про казенный хлѣбъ, то это совершенно точно такъ. Солдатская пища хорошая, кажній день щи и каша...

СТАРИКЪ. Щи-то онѣ сытны!

СОЛДАТИКЪ. Каша съ саломъ! Это ужъ у насъ положеніе такое... И опять- -ужинъ. Противъ деревенской жизни это даже безъ сравненія... Невозможно видѣть, какъ только люди живутъ!.. А у насъ кажній день щи и каша...

СТЕПАНЪ (злобно). Нажрешься щей-то, а потомъ пойдешь своего брата, голоднаго человѣка, прикладомъ потчевать?.. Чтобы у него въ брюхѣ не ворчало? Такъ, что-ли?

СОЛДАТИКЪ (сконфуженно). Меня не посылали. Одинъ только разъ на охраненіи стояли... А чтобы тамъ въ дѣйствіе,—этого не было. Что же сдѣлаешь? Служба! Которому Богу служишь, тому и кланяешься...

СТЕПАНЪ. У человѣка только одинъ Богъ бываетъ...

СТАРИКЪ. Какъ это въ писаніяхъ сказано: „Азъ Господь Богъ твой, и не будутъ тебѣ бози, окромя меня"... Читалъ, поди?

СТЕПАНЪ. Ихъ этому не обучаютъ... Они только и знаютъ: „пятки вмѣстѣ, носки врозь!" (Кругомъ смѣются)

СОЛДАТИКЪ (встаетъ, вытираетъ усы). Спасибо, господа честные! Пошелъ на поправку, а съ чего поправишься? Пошелъ въ сапогахъ, а вертаюсь въ лаптяхъ. А они, сапоги-то, казенные, — вотъ въ чемъ штука... Жену два года не видалъ. Пришелъ вотъ изъ Польши... больше тысячи верстъ... Пѣшкомъ больше сотни верстъ прошелъ, а даже одной ночки съ женой не ночевалъ!.. Другіе тамъ балуются, а я—ни Боже мой!.. (Лукерья прибираетъ на столѣ)

СТАРОСТА. Гдѣ же она у тебя, жена-то?

СОЛДАТИКЪ. Не обнаружилъ. Родители сказывали,

въ экономію къ Виноградову ушла, въ услуженіе, тамъ ея невидимо... Приходила, говорятъ, да не взяли, ушла куда-то... въ городъ, надо полагать... А въ какой опять городъ? Я вотъ, можетъ быть, больше сотни городовъ видѣлъ... Гдѣ найдешь?

СТЕПАНЪ. Какъ же это не найти? Баба не иголка, въ щель не завалится...

СОЛДАТИКЪ. Просилъ обнаружить ее господина урядника... Мнѣ, говоритъ, не до бабъ вашихъ. Ежели бабъ вамъ искать, надо, говоритъ, жалованья прибавить и хорошихъ собакъ держать...

КЛЮЧНИКОВЪ. Господская жена и та пропадаетъ, а наша... кому она нужна?

ЛУКЕРЬЯ. А въ нашей экономіи былъ? Какъ у тебя жену-то звать?

СОЛДАТИКЪ. Авдотьей!

ЛУКЕРЬЯ. Видно, она и есть!.. Рябая, что-ли?

СОЛДАТИКЪ (радостно). Около носу и на лбу — дѣйствительно!.. Бланденка изъ себя...

ЛУКЕРЬЯ. И то сказывала, что солдатка... У васъ ребенокъ померъ?

СОЛДАТИКЪ (радостно). Вѣрно! Померъ! Дѣйствительно! Вотъ оно какъ вышло!.. А я цѣльный мѣсяцъ прожилъ... и не зналъ, гдѣ найти — отыскать. Надо вѣдь идти...

ЛУКЕРЬЯ. Куда пойдешь? На улицѣ, погляди, что дѣлается! Нехорошо,—придешь ночью-то... Собаки у нихъ. Сторожа... Изъ себя-то ты больно ужъ жуликоватый...

СОЛДАТИКЪ. Ахъ ты, Боже мой, какое случайное нахожденіе!.. До утра, видно, ужъ придется... А утромъ чуть-свѣтъ и пойду... Али идти сейчасъ?! (Кругомъ смѣются)

СТАРОСТА. А вдругъ—рябая, да не твоя? (Опять хохотъ)

СОЛДАТИКЪ. Надо по этому случаю прикурить... (Раскрываетъ котомку, дѣлаетъ цыгарку) А то ищи въ городу, а въ какомъ—неизвѣстно. А сколько теперь на-

роду въ города бѣгутъ!.. Какъ я съ чугунки шелъ,— ползутъ, словно тараканы... Куда? Въ городъ!

СТАРИКЪ. А оттуда, сказываетъ вонъ человѣкъ, гоняютъ. Сиди по своимъ мѣстамъ!

КЛЮЧНИКОВЪ. Способія не даютъ,—работай! А работать нечего... А въ городъ работу искать пойдешь—гоняютъ... Что-жъ теперь дѣлать остается?.. Куда дѣться человѣку?

СТЕПАНЪ (съ полатей). Мѣста много, а дѣться некуда!

СТАРИКЪ. Когда въ Бѣломъ Ключѣ барыню спалили, пріѣхалъ земскій... У насъ на ревизскую душу двѣ съ половиной десятины, а у меня вотъ восемь душъ, живыхъ-то! Какъ же, говоримъ, ваше благородіе, жить прикажешь?—„Если, говоритъ, вамъ тѣсно, земли мало, мы, говоритъ, васъ переселимъ на привольныя мѣста... Никто, говоритъ, въ тѣхъ мѣстахъ отъ сотворенія міра не жилъ, земля, говоритъ, тамъ жирная“... А я его и спрашиваю:—„нельзя-ли, ваше благородіе, на эту жирную землю нашу барыню посадить? Она — одна, одинокая женщина, ей безъ хлопотъ, а намъ очень ужъ трудно подняться, силъ не хватитъ“.—Какъ онъ разсердится!.. — „За такія, говоритъ, слова можно въ тюрьмѣ сгноить“... Господи, Боже мой! Сотворилъ Господь землю и небо, и всякую тварь, а крестьянину негдѣ... мѣста нѣтъ...

СТЕПАНЪ (свѣсивъ голову съ полатей). Кому и просторно!..

СОЛДАТИКЪ (поднимая голову къ полатямъ). А дозвольте спросить, господинъ, откуда вы будете?

СТЕПАНЪ. Изъ того мѣста, гдѣ земля съ небомъ сходится...

СОЛДАТИКЪ. Шутите все!.. Я глядку и ровно признаю васъ. Вы не изъ Сухого-ли Дола? Васъ было три брата, одного въ Сибирь угнали?

СТЕПАНЪ (глухо). Все можетъ быть. (Скрывается на полатяхъ)

КЛЮЧНИКОВЪ (тихо). Онъ самый... (Общая пауза)

ЛУКЕРЬЯ (тихо). За что его въ Сибирь-то?

КЛЮЧНИКОВЪ. Дохторовъ въ холеру били...

СТАРИКЪ. За міръ, значитъ, пострадалъ...

СОЛДАТИКЪ. За глупость свою...

СТАРИКЪ. Морятъ народъ хрещеный...

ЛУКЕРЬЯ (таинственно). Случалось, морили...Мнѣодинъ человѣкъ сказывалъ, будто своими глазами видѣлъ, какъ фершалъ заразу въ воду наливалъ изъ пузыречка... Махонькій пузыречекъ, въ кармашкѣ на груди доржитъ...

СОЛДАТИКЪ (съ пренебреженіемъ). Что-нибудь видалъ, да понятія настоящаго не имѣетъ... Для санитарности что-нибудь, а вы — отрава! Кислота какая-нибудь... (Идетъ на печь) Вотъ теперь и на печкѣ полежать можно... (Скрывается на печкѣ)

КЛЮЧНИКОВЪ (съ тяжелымъ сомнѣніемъ). А кто ихъ, дохторовъ, посылаетъ? Понаѣдутъ со всѣхъ сторонъ... И какъ пріѣхали тогда,— хуже народъ помирать началъ...

СТЕПАНЪ (съ полатей). Темнота! Какая имъ нужда народъ морить?..

СТАРИКЪ. Вотъ что, служивый: когда въ позапрошломъ году у насъ двѣ коровы сдохли, пріѣхалъ это къ намъ скотскій докторъ—и давай живыхъ коровъ приканчивать... Понялъ теперь?

СОЛДАТИКЪ (съ печки, задорно). Что этимъ вы желаете доказать?

СТАРИКЪ (наставительно). А вотъ, значитъ, и тогда было такъ; двое у насъ, дѣйствительно, сами померли, нечего говорить: померли, такъ померли... а остальныхъ они прикончили... Чтобы зараза до города не дошла... Идетъ народъ въ города съ голоду, а господа боятся, что они съ собой заразу принесутъ... И слыхалъ я, что въ нонѣшнемъ году опять холеру станутъ пущать, — приготовленья разныя дѣлаютъ... На войнѣ много народу прикончили, а все-таки еще тѣсно, вотъ

они и придумали... Множатся люди, а земли не прибавляется... А вотъ сказываютъ еще, что убавляться она, матушка, стала: будто море-окіянъ изъ береговъ выходитъ и все больше землю заливаетъ...

солдатикъ (поучаетъ). Окіянъ имѣетъ свой приливъ и свой отливъ... это у него кажній мѣсяцъ—законъ такой отъ природы, а не то, чтобы безпорядокъ какой...

ключниковъ (смотря въ землю). А что, служивый, правда, что въ городахъ пановъ бьютъ?

солдатикъ (спуская босыя ноги съ печки). Это которые въ родѣ жидовъ: прокламаціи распускаютъ, народъ мутятъ, а хорошаго господина—зачѣмъ же?.. Это—враговъ, которые внутренніе...

степанъ (сердито). Поѣлъ щей и спи, „пятки вмѣстѣ, носки врозь!“ Разговорчивый сталъ...

старикъ. Начальство теперь очень безпокоится: все ѣздитъ, ѣздитъ... У насъ, какъ барыню спалили, всѣ перебывали... и становой, и исправникъ, и земскій... Неспокойно стало на землѣ... Въ писаніяхъ сказано: „на землѣ миръ и въ человѣцахъ благоволеніе“, а теперь смута по землѣ пошла...

солдатикъ. Отъ жидовъ все... Враги, которые внутренніе...

возчикъ 1. У насъ народъ волнуется, а никакихъ жидовъ нѣтъ. Вотъ тоже говорятъ, что студенты забастовку дѣлаютъ, а тоже... у насъ и званія нѣтъ и—каки-таки студенты эти—не знаемъ...

ключниковъ (угрюмо). Жить стало невозможно народу... Податься некуда... (Пауза) А что, солдатъ, будто въ газетахъ было написано, что манифестъ вышелъ насчетъ земли?

солдатикъ (съ увѣренностью). Ожидается, дѣйствительно, но только не сказано, чтобы скоро...

возчикъ 2. Какъ на станцію мы пріѣзжали, тамъ въ трахтерѣ бумагу читали... Въ ней сказано, что они неправильно землей владѣютъ... Пусть они съ нами

попашутъ, а ежели не охота бѣлы руки марать, то, значитъ, нечего и за землю держаться... (Ключниковъ одобрительно мотаетъ головой)

СТАРИКЪ. Правильно! Нашто Господь Богъ землю сотворилъ?.. Для нихъ однихъ, что-ли? Чтобы они ее, матушку, въ аренду намъ сдавали? Въ писаніяхъ сказано: „плодитесь и наполняйте землю, и пусть она вамъ произроститъ всякую злаку"... а мы безъ хлѣба!.. Сказываютъ, что въ Петенбурхѣ теперь размежевка идетъ: сколько душъ и сколько всей земли... Нашего старшину въ городъ вызывали и спрашивали, отъ какихъ причинъ притѣсненіе народу... Только-что старшина на ихъ сторону перекинулся... Земскій его поставилъ, онъ его руку и держитъ...

КЛЮЧНИКОВЪ. Барской курицѣ племянникъ!.. (Возчикъ 2 уходитъ поить лошадей, потомъ возвращается, тихо о чемъ-то говоритъ съ другимъ возчикомъ и оба они укладываются спать на лавкахъ)

СТАРИКЪ. А тоже вотъ у насъ болтаютъ, будто по землѣ наслѣдникъ ходитъ; будто хочетъ онъ отъ самого народа всю правду узнать, а не отъ чиновниковъ... Секретно ходитъ... Ходитъ и будто горючими слезами заливается, на нужду нашу хрестьянскую глядючи. И будто скоро праведный законъ въ силу войдетъ, и кончится наше страданье... (Очень таинственно) Вотъ они и ѣздятъ-безпокоятся... Сказываютъ, всѣхъ, кто съ нимъ разговаривалъ, всѣхъ въ тюрьму заточаютъ...

КЛЮЧНИКОВЪ. Правду не спрячешь...

ДѢВКА (гнусаво). У насъ одна дѣвчонка видѣла его, наслѣдника-то!.. Сверху онъ въ нашей крестьянской одёжѣ, а подъ ей свѣтлы пуговицы... Вплоть видѣла!.. Какъ она въ лѣсу грибы искала, онъ къ ей подошелъ и — ласковый такой... „что, — говоритъ, — дѣвонька, устала?.. Сколько, — говоритъ, — у васъ земли на душу приходится?"

СТАРИКЪ (печально). Не пойдетъ, чай, онъ по лѣсу?

СОЛДАТИКЪ (задорно). Позвольте вамъ сказать: это даже очень сомнительно! Наслѣдникъ у насъ трехъ годовъ отъ рожденія, какъ же онъ можетъ ходить одинъ, безъ присмотру, по лѣсамъ? Это даже, можно сказать, глупость одна...

КЛЮЧНИКОВЪ (раздумчиво). Ужъ если что — брательникъ царскій, а не наслѣдникъ...

СОЛДАТИКЪ. Есть имъ время ходить... Развѣ они могутъ подобное... Что-нибудь видѣли, да понятія настоящаго нѣтъ... Надо было къ уряднику этого человѣка. Можетъ быть, и награду бы получили... У насъ одинъ солдатикъ этакого поймалъ, — пять цѣлковыхъ выдали, и въ приказѣ благодарность была...

КЛЮЧНИКОВЪ (встаетъ). Разное говорятъ, не знаешь, кому и вѣрить... Одинъ человѣкъ спросилъ станового, насчетъ земли-то, такъ не зналъ, какъ развязаться... Таскали его, таскали, подъ арестомъ держали, по мордѣ били... Добивались все, кто сказалъ, а онъ и самъ не знаетъ... (Помолчавъ) Что-нибудь должно-же быть, не иначе... (Стоитъ и тупо смотритъ въ землю. Стукъ въ окошко. Всѣ встрепенулись — испугались... Лукерья подходитъ къ окну, смотритъ. Ключниковъ уходитъ за перегородку. Возчики лѣзутъ на полати)

ЛУКЕРЬЯ. Человѣкъ какой-то... въ родѣ какъ баринъ... Что за оказія?.. Поди-ка, Миколай! (Староста выходитъ въ сѣни)

СТАРИКЪ (словно испугавшись). Спать надо... Лягъ, Лушанька!.. А я—на полати... Не начальство-ли какое прибыло... (Лѣзетъ на полати) Сколько этого начальства разнаго развелось... и все ѣздятъ, все безпокоятся... (Скрывается на полатяхъ. Дверь отворяется)

СТАРОСТА. Не оступись, баринъ!.. (Входитъ, за нимъ Павелъ Ивановичъ въ коротенькомъ полушубкѣ, въ валенкахъ и въ башлыкѣ пикой) А мы думали,—кто-нибудь заблудящій... Лукерья! Самоварчикъ поставь: баринъ это нашъ, Павелъ Иванычъ!..

ЛУКЕРЬЯ (выходитъ). Что это ты, баринъ, въ такую непогодь?.. Али что случилось?

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ (Отряхиваясь отъ снѣга) Достаньте мнѣ лошадь до почтовой станціи... Напьюсь чаю и поѣду...

ЛУКЕРЬЯ. Самоварчикъ можно... У меня и угли горячіе есть... А что на своихъ-то лошадяхъ?..

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ (сбрасываетъ башлыкъ, шапку, разстегивается). У меня своихъ нѣтъ...

ЛУКЕРЬЯ. Пѣшкомъ пришелъ?.. Что ты это?! (Уходитъ и брянчитъ самоваромъ)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Пѣшкомъ... (Пожимается отъ холода) Въ сугробъ попалъ... (Садится на лавку, снимаетъ валенокъ и вытрясаетъ снѣгъ)

СТАРОСТА. Али что у васъ неблагополучно, Павелъ Иванычъ?

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ (взволнованъ). Ничего особеннаго... Непріятности разныя...

СТАРОСТА (вздохнувъ). Крутой онъ человѣкъ, Николай-то Александрычъ. Сколь мы его упрашивали луга за нами оставить,—не уважилъ... Грѣхъ ему будетъ...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Какъ же насчётъ лошади?.. Можно у кого-нибудь достать? (Ходитъ)

СТАРОСТА. Ужъ не знаю какъ... Погода-то какая... У кого у насъ лошади-то?.. (За перегородку) Можетъ, Иванъ, свезешь барина-то?

КЛЮЧНИКОВЪ (недружелюбный голосъ изъ-за перегородки). Не поѣду...

ЛУКЕРЬЯ (размышляя). Можетъ Игнатъ поѣдетъ?.. Добѣжалъ-бы, Миколай, спросилъ!..

СТАРОСТА (почесываясь). Что-же, можно спросить... Почему не спросить?.. Гдѣ у меня тулупъ-то? (Ищетъ тулупъ) У Игната саней-то хорошихъ нѣтъ, наши—крестьянскія... Вотъ если бы Афанасій далъ саночки-то. Сани есть—лошади нѣтъ, лошадь есть—саней настоящихъ нѣтъ...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ (нетерпѣливо). Какія есть!.. Мнѣ все равно...

СТАРОСТА (уходя). А много-ли давать-то?

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Что?

СТАРОСТА. Какую цѣну-то давать?..

ЛУКЕРЬЯ. Чай, ужъ не обидятъ...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Ну, сколько надо?.. Рубль, полтора... (Староста уходитъ)

СТЕПАНЪ (слѣзая съ полатей). Здравствуй, Павелъ Иванычъ! (Павелъ Ивановичъ нервно вздрагиваетъ)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Здравствуйте! (Всматриваясь) Знакомое лицо, а не припомню...

СТЕПАНЪ. Разя насъ упомнишь?.. Мы всѣ на одно лицо... Работалъ я у васъ въ экономіи... На твоемъ креслѣ три минуты посидѣлъ, а за это трое сутокъ подъ арестомъ пробылъ, за мягкое-то сидѣнье... Я-то очень хорошо это помню, а вамъ—гдѣ-же?!.

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ (обезкураженъ и обиженъ). Когда?.. Какъ это?.. Ахъ... да... (Виновато ухмыляется) Помню, но вѣдь я-то... Вы, кажется, думаете, что я васъ посадилъ?!. (Махнувъ рукой, начинаетъ ходить) Пора бы всѣмъ вамъ понять, что я никогда не былъ вашимъ врагомъ... что я желаю вамъ только добра. (Пожимаетъ плечами) Чудаки!.. да...

СТЕПАНЪ. Ужъ кто тамъ это устроилъ,—не знаю, а только трое сутокъ я отсидѣлъ. (Проходитъ за перегородку, возвращается и лѣзетъ опять на полати)

ЛУКЕРЬЯ. А Лимпіяда-то Ивановна тамъ осталась?..

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Тамъ!.. (Напряженно куритъ)

ЛУКЕРЬЯ. Какъ-же это ты тамъ ее оставилъ?—заѣдятъ они ее безъ тебя...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ (съ больной улыбкой). Ее? Нѣтъ не заѣдятъ... (Послѣ паузы) Кто у васъ теперь старшиной?

ЛУКЕРЬЯ. Все тотъ-же, Семеонъ Васильичъ... Разя, кого другого поставятъ? А что тебѣ?

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Хотѣлъ бы я съ обществомъ еще потолковать насчетъ земли, прежде чѣмъ уѣхать...

ЛУКЕРЬЯ. Ужъ когда теперь толковать?.. Спятъ у насъ всѣ... Наше какое житье: какъ темно, такъ и спать, а какъ свѣтаетъ—поднимаются... Не выходитъ у васъ все дѣло-то съ нашими мужиками... Народъ темный, не вобьешь ему въ башку-то... Спасибо Лимпіядѣ, все-таки которыхъ ребятишекъ выучитъ, выростутъ — мужиками станутъ,—посвѣтлѣе въ головѣ-то будетъ...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ (разсѣянно). Въ томъ-то вотъ и дѣло...

СТАРИКЪ (съ печки). Темно баринъ; никакого понятія не имѣемъ... Васъ Господь ничѣмъ не обидѣлъ, а вотъ мы... въ родѣ какъ слѣпые... Земскій все говоритъ: „дураки вы"... Оно и вѣрно. Гдѣ его, ума-то, на всѣхъ набраться?.. Кому-нибудь надо дуракомъ быть... На то онъ и дуракъ, чтобы умнаго замѣтно было... Много ли намъ ума надо, чтобы землю-то ковырять? Вамъ вотъ—дѣйствительно... У васъ въ головѣ-то, Господи Боже мой!.. Чего, чай, тамъ нѣтъ?.. Всякой премудрости тамъ достаточно...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Да, да... Пожалуй, и отбавить бы слѣдовало...

СТАРИКЪ (смѣется). Бываетъ... Другой человѣкъ гордится очень передъ людьми и передъ Богомъ... умомъ своимъ... А вѣдь онъ, умъ-отъ, отъ Бога-же... Вонъ у насъ земскій говоритъ: „я вамъ царь и Богъ"!.. Что ужъ это!.. Господи!.. И умный, будто, человѣкъ, образованный, на музыкѣ играетъ, а вотъ поди... (Входитъ староста)

СТАРОСТА. Вотъ вѣдь народъ какой!.. Три цѣлковыхъ проситъ... и то кочевряжится...

ЛУКЕРЬЯ. Гдѣ у него совѣсть-то!.. За семь гривенъ ѣздятъ...

СТАРОСТА. Какъ хотите, — говоритъ: — могу и совсѣмъ не поѣхать... Къ чорту я его, Павелъ Иванычъ,

послалъ... Насъ, говорю, Павелъ Иванычъ съ Лимпіядой уважаютъ, а ты прижать хочешь...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ (обидно ухмыляясь). Эхъ вы!.. (Пауза) Ну ладно!.. (Смотритъ въ окно) Вѣрно, такъ будемъ... Ваше счастье, — меня прижмете, мое, — я васъ прижму... Этакъ, вѣрно, будемъ? Чудаки вы... да!

СТАРОСТА. Зачѣмъ-же, Павелъ Иванычъ?.. Насъ тебѣ не трудно обидѣть, а мы-то что тебѣ можемъ сдѣлать?..

ЛУКЕРЬЯ. Мы тебѣ, Павелъ Иванычъ, и Лимпіядѣ много благодарны за вашу ласку... Миколай Лёксанычъ насъ, дѣйствительно, прижалъ лугами-то, но только опять же не ты это... Вы съ сестрой ласковые... Ты не причиненъ... (Подаетъ самоваръ) Чай-то у насъ плохой, кирпичный чай-то!.. Пить не будешь...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Я пилъ кирпичный лѣтъ пять, какъ въ Сибири жилъ... (Послѣ паузы) Хочу я, Николай, съ вашимъ обществомъ окончательно переговорить...

СТАРОСТА. Что-же, въ добрый часъ!

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Надо остаться до завтра... Завтра пусть которые потолковѣе сюда придутъ... Я уѣду, а оставлять довѣренность на землю Николаю Александровичу не хочется... У него приказчикъ мнѣ не нравится... Пожалуй, съ вами непріятности пойдутъ...

СТАРОСТА. У-у, неправильный человѣкъ!..

ЛУКЕРЬЯ. Вотъ ужъ аспидъ, такъ аспидъ! Грѣхъ будетъ Миколаю Лёксанычу, что онъ держитъ его...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Ну, это не мое дѣло, кого онъ тамъ держитъ... Нанимать отдѣльнаго управляющаго мы не можемъ... Однимъ словомъ... или берите у насъ землю въ аренду на самыхъ выгодныхъ для васъ условіяхъ,—берите по четыре цѣлковыхъ! Не возьмете — наплевать: не заслужилъ вашего довѣрія — и ладно: больше упрашивать не буду... Не понимаете

своихъ интересовъ. какъ хотите... Потомъ вспомните!.. будете каяться...

ЛУКЕРЬЯ. Ты только ужъ баней-то насъ да училищемъ не обижай!

СТАРОСТА. Чай, сдѣлаемся какъ-нибудь!..

ЛУКЕРЬЯ. Что ужъ намъ, баринъ, бѣло умываться, коли не съ кѣмъ цѣловаться!.. (Смѣется)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ (съ сердцемъ). Чортъ съ ней, съ баней... Этой баней мнѣ виски простучали! Не я эту баню предложилъ... Олимпіада Ивановна хотѣла... Впрочемъ, теперь нечего толковать... Ни про школу, ни про баню!.. Или покупайте, или берите на выгодныхъ условіяхъ... (Послѣ паузы Подарить сейчасъ не можемъ... Послѣ тамъ, когда измѣнятся наши обстоятельства,— другое дѣло... (Шумъ подъѣхавшихъ санокъ, ржанье лошади, затѣмъ шумъ въ сѣняхъ и женскіе голоса)

ЛУКЕРЬЯ (испуганно). Что такое? Господи, помилуй!.. Староста идетъ къ двери, дверь отворяется, и вбѣгаютъ двѣ фигуры, занесенныя снѣгомъ. Наташа въ отцовскомъ ергакѣ и шапкѣ и Олимпіада Ивановна въ коротенькой шубкѣ, съ головой, обмотанной громадной шалью)

НАТАША (распахивая везущійся по полу ергакъ). Павелъ! Это — глупости! Папа велѣлъ... и мы поѣхали тебя догонять... Сейчасъ же домой!.. Папа сказалъ, что онъ не сердится... и дѣдушка... Онъ вспыльчивый, но добрый... Уфъ! (Садится на лавку) Стоять не могу... тяжело и жарко! (Поводитъ носомъ) Махоркой воняетъ.

ЛУКЕРЬЯ. Вотъ ужъ, барышня, напугали!.. Сперва, какъ вошли, я думала—какой-нибудь баринъ, а какъ вы бабьимъ голосомъ заговорили, такъ у меня индо сердце зашлось. (Наташа звонко хохочетъ, съ печки и полатей съ удивленіемъ и любопытствомъ выглядываютъ старикъ, солдатикъ, Степанъ)

ЛИПА (нервнымъ голосомъ). Я тебя, Павелъ, тоже прошу вернуться... мы живемъ вовсе не изъ милости...

НАТАША (подошла къ Павлу). У-у! Какія глупости!.. Мамочка плачетъ, вы ее и такъ обидѣли... и всѣ другъ

друга обижали... И теперь всѣ хохочутъ... Ухъ! Ну, Павелъ, будетъ! Погорячились, остыли и... надо ѣхать... Сейчасъ будетъ ужинъ... вафли со сливками!.. (Разсматриваетъ лубочныя картины на стѣнѣ)

ЛИПА (тихо, нервно). Мы можемъ пріѣхать прямо во флигель и тамъ подумаемъ. (Подсаживается къ брату и совсѣмъ тихо говоритъ ему) Ты уѣдешь, а я... У меня все здѣсь, въ деревнѣ. Никому я не нужна, а здѣсь... все-таки... (Вынимаетъ платокъ и прикладываетъ къ глазамъ) Ты знаешь: у меня ничего не осталось въ жизни... (Стихаетъ. Общее молчаніе)

ЛУКЕРЬЯ (подойдя къ Наташѣ). Папашина, что-ли, шуба-то?.. Гляди, съ обѣихъ сторонъ мѣхъ-отъ!.. (Щупаетъ) Мягкая, ровно пухъ... Чай, сколько она стоитъ?!

НАТАША. Не знаю, сколько стоитъ... Вотъ подержика, я изъ нея вылѣзу... (Сбрасываетъ на руки Лукерьи ергакъ, тотъ падаетъ на полъ)

ЛУКЕРЬЯ (поднимая и кладя на лавку). Ужъ склизкій какой,—такъ и вылазитъ изъ руки-то... (Гладитъ ергакъ)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ (молчитъ, крутитъ усы, куритъ, помъ хмуро). Чаю желаете?.. Кирпичнаго?..

ЛУКЕРЬЯ (суетливо). Ахъ вы, гостьи дорогія!.. Чѣмъ мнѣ васъ попотчевать-то?.. И чашечка-то у меня одна. (Бѣжитъ за перегородку и выноситъ одинъ стаканъ и одну чашку)

НАТАША (очень восторженно). Давай, Липа, пить кирпичный чай!.. Ну! раздѣвайся! (Развертываетъ съ ея головы шаль) Я никогда не пила кирпичнаго чая!

ЛУКЕРЬЯ. А вотъ откушайте-ка! Попытайте! Понравится-ли?

НАТАША (морщитъ носъ). А вотъ махорочкой только надушили... (кашляетъ) въ ротъ лѣзетъ!

СТАРОСТА (на печку). Солдатъ! Ты, что-ли, тамъ безперечь дымишь? Брось покуда!

СОЛДАТИКЪ (на печкѣ). Я ужъ бросилъ... Которые не выносятъ.

СТАРИКЪ. Махорка съ непривычки-то горло выво-

рачиваетъ. Господа не могутъ ее... У нихъ табачокъ кроткій и духъ отъ него ласковый...

НАТАША (шалитъ). Да, духъ здѣсь... (морщитъ носъ и хохочетъ) не особенно!.. Не ласковый!

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ (съ упрекомъ). Наташа!.. Ты къ нимъ пришла, а не они къ тебѣ... Не надо это забывать!

НАТАША. Слушаюсь! Ну, наливай намъ кирпичнаго чаю! Ухъ, какъ у меня щеки горятъ... (Прикладываетъ ладони рукъ къ щекамъ) Я — кра-а-сная? (Встаетъ, видитъ кусокъ зеркала и смотрится) У-у... какая я рожа! (Хохочетъ) Поди-ка, Липа, полюбуйся!.. (Липа улыбнулась и смолкла, она что-то шепчетъ Павлу Ивановичу)

ЛУКЕРЬЯ. Мухи лѣтомъ его изгадили, а помыть-то все руки не доходятъ... (Къ Наташѣ) Ужъ какія вы, барышня, хорошенькія! Чай, все только на себя и глядите дома-то?..

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ (къ сестрѣ). Я думаю, что надо, наконецъ, говорить открыто ту правду, которую много лѣтъ носишь гдѣ-то на днѣ души.. на привязи всякихъ условностей и родственныхъ отношеній... (Подходитъ Наташа)

НАТАША. Павелъ, Павелъ! Постыдитесь! Что-же сквернаго сдѣлалъ папа?

ЛИПА. Потомъ... послѣ... не здѣсь.

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Не понимаете, Наташа?

НАТАША. Не понимаю... Объясни!..

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Я не могу допустить, чтобы въ моемъ присутствіи оскорбляли моихъ товарищей. Надоѣло молчать... Все можно опоганить, все!.. Пусть знаютъ, что не все прощается... Говорятъ красивыя слова, а сами хлещутъ мужика по мордѣ: пишутъ разныя резолюціи...

ЛИПА. Оставь, Павелъ! Надо вернуться: могутъ подумать, что ты испугался... (Наташа, опустивъ голову на руки, собирается плакать. Павелъ встаетъ, ходитъ и куритъ)

Успокоимся и поѣдемъ, а завтра подумаемъ и рѣшимъ, какъ быть и что дѣлать... (Подходитъ къ Наташѣ) Будетъ, Наташа! Что случилось, того не воротишь...

НАТАША (сквозь слезы). Я... всѣхъ люблю—и васъ, и папу, и дѣдушку — и всѣхъ мнѣ жалко... (Съ досадой) Ахъ, зачѣмъ это люди такіе злые, такъ мало любятъ другъ друга!.. (Входитъ ямщикъ)

КУЧЕРЪ (входитъ). Стихать стало... Можно-бы ѣхать... Мнѣ еще полковника надо отвезти, барышня...

НАТАША. Убирайся съ твоимъ полковникомъ!..

КУЧЕРЪ. Какъ угодно... Я только сказать... Не наша лошадь, господская... (Уходитъ обратно)

СТАРОСТА. Подъ повѣть-бы ее надо поставить: продрогнетъ... (Уходитъ)

СТАРИКЪ. Господская лошадь нѣжная... Простудится — кашлять будетъ... (Наташа начинаетъ смѣяться) Вѣрно, барышня!—У насъ въ Бѣломъ Ключѣ у барыни лошадь была, вотъ этакъ же простудилась, и дохторъ лошадиный ѣздилъ. А какъ лошадь померла, - барыня плакала... Одинокая она у насъ женщина... а душа господская жалостливая... какъ что—такъ и плачетъ!..

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Вы, говорятъ, эту барыню спалили?

СТАРИКЪ. Кто спалилъ? Огонь спалилъ. Богъ послалъ, Богъ и отобралъ! (Послѣ паузы, къ Наташѣ) Ты—барышня добрая... Натальей тебя звать-то?

НАТАША. Натальей. Ну?

СТАРИКЪ. А у меня вотъ тутъ тоже дѣвка есть... внучка... Лушкой зовутъ. Что-то все зябнетъ она... Налила бы ты ей чайку чашечку! (Дѣвка возится въ углу) Ну, чего ты? Не съѣдятъ тебя...

НАТАША. На̀ мою чашку! (Старикъ подходитъ) Сахаръ туда положенъ, въ чашку! (Къ Липѣ, тихо) Не могу пить: непріятно пахнетъ...

СТАРИКЪ (подавая чай дѣвкѣ). Спасибо скажи барышнѣ! Въ накладку тебѣ еще досталось! По-господ-

ски! Вотъ ты какая у меня счастливая! Право! (Дѣвка пьетъ чай въ углу, на нарахъ)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Хорошо, я поѣду. Надо все обдумать и рѣшить окончательно. Передамъ, Липа, тебѣ свою часть въ полное владѣніе и дѣлай, какъ хочешь... Я хочу быть свободнымъ... Не могу больше... Какъ хотите!..

ЛИПА (сдержанно). Тамъ увидимъ... Послѣ поговоримъ... Не здѣсь. Поѣдемте... (Встаетъ)

НАТАША. Прекрасно! Милый, хорошій Павелъ! Какъ я васъ люблю, если бы вы только чувствовали... Но ты не чувствуешь? Да? (Начинаетъ собираться; надѣваетъ шапку)

СТАРИКЪ. На попа вы, барышня, въ этой шапкѣ походите! (Кругомъ смѣхъ)

НАТАША. На отца діакона!.. Ну, Павелъ. живо!.. Поѣдемъ—и все обойдется. Побранились и будетъ... Помогите-ка ергакъ напялить! (Лукерья помогаетъ надѣть ергакъ)

ЛУКЕРЬЯ. Что же это вы мало погостили? И чайку не попили. Не нравится вамъ у насъ?

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Николай! Скажите, пожалуйста, нашему кучеру, что мы сейчасъ выходимъ. (Староста идетъ изъ избы)

ЛУКЕРЬЯ (любуясь Наташей). Ахъ, хорошенькая! Краля моя писаная! (Павелъ у стола звенитъ мелочью. Солдатикъ слѣзаетъ съ печки)

СОЛДАТИКЪ. Дозвольте васъ, барышня, спросить: жену вотъ я ищу...

НАТАША (съ хохотомъ). Что же, думаешь меня посватать?

СОЛДАТИКЪ. Зачѣмъ-же? Я понимаю. Женатый я.

ЛУКЕРЬЯ. Потерялъ законную жену!..

СОЛДАТИКЪ. Сказываютъ, — у васъ въ кухаркахъ баба есть... Авдотьей звать?

НАТАША. Авдотьюшка?. Да, служитъ. А ты ей мужъ?

СОЛДАТИКЪ (радостно улыбаясь). Законный съ! Сомнѣ-

ваюсь только: моя это Авдотья—али кому другому принадлежитъ?! Удостовѣриться надо-бы...

НАТАША. Я ей недавно письмо къ мужу писала куда-то... въ Двинскъ, кажется.

СОЛДАТИКЪ (съ восторгомъ). Она самая! Авдотья!

СТАРИКЪ. Вы, барышня, на козлы-бы его прихватили... А то онъ намъ всю ночь спать не дастъ!

ЛУКЕРЬЯ. А то какъ-же. Это ужъ у всѣхъ одинаково: и у господъ, и у насъ... Все ужъ къ законной-то сердце рвется.

НАТАША (громко). Господа! Возьмемъ этого законнаго?!. На козлы, вмѣсто камердинера!

ЛИПА (глухо). Возьмемъ... (Отвернулась и прячетъ слезы)

СОЛДАТИКЪ (радостно). Я сею минуту! (Хватаетъ лапти, лѣзетъ на печку)

НАТАША. Вотъ наша Авдотьюшка замретъ отъ счастья!..

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ (къ вошедшему Николаю). Такъ вотъ, Николай, пусть завтра еще ваши побываютъ... Пусть—прямо ко мнѣ, во флигель... Окончательно столкуемся, или ужъ... какъ хотите... Поѣдемъ!

СТАРИКЪ. Путь-дорога!.. Лушка, а ты встань да поклонись...

ЛУКЕРЬЯ. Благодаримъ васъ на ласковомъ словѣ!.. Когда придется, милости просимъ!..

СТАРОСТА. Столкуемся... Мужикамъ-то вѣдь тоже нельзя безъ земли... Сойдетесь... (Лукерья и Николай провожаютъ гостей—уходятъ. Старикъ подходитъ къ окну. Колокольчики)

СТАРИКЪ. Поѣхали!.. Солдатъ на козлахъ... Занятные они, право!.. Ссора вышла промежду себя...

ЛУКЕРЬЯ (вбѣгаетъ). Нечего дѣлать-то... Ахъ ты, Господи!.. (У стола) И пить не пили, и хлопотъ надѣлали... Что-то у нихъ все нелады идутъ съ землей-то...

СТАРИКЪ. Что у нихъ на умѣ—Господь знаетъ...

Не надо, говоритъ, мнѣ земли, ослобоните, говоритъ... А держатся... Поди вотъ!.. (входитъ Николай)

СТАРОСТА (съ радостью). Смякли... Они подадутся... Развѣ можно?.. (Съ полатей свѣшиваются головы возчиковъ и Степана)

ВОЗЧИКЪ 1. Самъ въ руки дается...

ВОЗЧИКЪ 2. Отдастъ... Не надо бумагу подписывать...

СТАРОСТА. А что, господа, давайте чайку попьемъ!.. Все одно, надо его выпить... (Веселый смѣхъ) Для господъ готовленъ, намъ вышло... Слѣзайте-ка! Солдатъ-то, солдатъ-то!.. (Хохочетъ) Какъ онъ живо приладился!.. Теперь скоро у своей Авдотьи будетъ... Сколько онъ муки принялъ прежде чѣмъ съ женой-то ночевать!.. (Возчики слѣзаютъ съ полатей)

ЛУКЕРЬЯ. А Иванъ все около шестка держится... (Зоветъ) Иванъ! Иди чайку попить—будетъ прятаться-то!.. Уѣхали они!.. (На полати) Степанъ! Али спитъ онъ...

КЛЮЧНИКОВЪ (выходитъ, останавливается около притолки). Что-то я смотрѣть на нихъ не могу... То есть вотъ такъ бы... Ахъ!.. Слушать я ихъ разговору не могу — вотъ какъ!..

ДѢВКА (гнусаво). Я бы чашечку одну еще выпила... (Несетъ свою чашку къ столу) Ужъ какъ сладко они пьютъ!.. (Облизываетъ губы).

СТЕПАНЪ (съ полатей). Отъ нихъ сладко!

ЛУКЕРЬЯ (на полати). Не спишь?.. Слѣзай,—попьешь чаю-то господскаго!

СТЕПАНЪ. Была охота, да прошла... (За перегородкой начинаетъ плакать ребенокъ) Вонъ и младенецъ, видно, господскаго чаю захотѣлъ... (Лукерья бѣжитъ къ ребенку).

СТАРИКЪ (подходитъ къ столу, таинственно-пророчески). Все скоро обнаружится, все объявится... Не можетъ Господь больше грѣха этого терпѣть... Попомните мое слово: не долго ждать остается!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Столовая въ старомъ барскомъ домѣ; съ лѣвой стороны—передняя, ведущая на черное крыльцо; здѣсь звонокъ въ кухню, широкое окно во дворъ; съ правой стороны — дверь въ кабинетъ и винтовая лѣстница на мезонинъ; старинная громоздская мебель: круглый столъ, глубокій диванъ, часы въ формѣ часовни, каминъ. Въ углу на столикѣ—граммофонъ. Въ задней стѣнѣ дверь въ маленькую библіотечную комнатку и арка въ залъ. Темный вечеръ глубокой осени. Въ залѣ темно. У потрескивающаго камина сидитъ, кутаясь въ мягкую шаль, Серафима Сергѣевна. За столомъ Наташа и Липа говорятъ о чемъ-то таинственно. Часы медленно выбиваютъ секунды. За стѣнами—вѣтеръ; гдѣ-то скрипитъ и стукаетъ болтомъ ставень, скрипитъ флюгеръ на крышѣ. Полковникъ молча, сосредоточенно ходитъ по комнатамъ.

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Что это тамъ скрипитъ и стукаетъ?.. Непріятно!

НАТАША (успокаивая). Это же, мамочка, болтъ у ставни... (Шепчется съ Липой).

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Точно все кто-то стучится. (Пауза)

ПОЛКОВНИКЪ (маршируя изъ залы). Вотъ ты, Липа, мнѣ брошюру дала, Ю. Либиха... Юлія Либиха, должно быть? Тамъ есть прекрасная мысль: (останавливается у стола и произноситъ—словно читая) „уничтоженіе производительности полей расхищающимъ хозяйствомъ положило конецъ и римскому, и испанскому государствамъ“. (Идетъ въ залъ)

НАТАША (тихо). Я ужасно боюсь мертвецовъ... а ты? (Липа дѣлаетъ знакъ въ сторону Серафимы Сергѣевны, Наташа прикусываетъ губу).

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Холодно у насъ: зябнутъ и руки, и ноги...

ПОЛКОВНИКЪ (маршируя изъ залы). Тоже самое будетъ и у насъ. Вотъ поэтому-то я и говорю, что дворянскія имѣнія никоимъ образомъ не должны продаваться банкомъ съ торговъ. Иначе выходитъ экспропріація, которой такъ добиваются разные соціалисты... (Останавливается у стола) Какъ это сказалъ поэтъ? (Припоминаетъ)

„Не много выигралъ народъ, (затрудняется)
И легче нѣтъ ему покуда
Ни отъ чиновныхъ мудрецовъ,
Ни отъ начитанныхъ глупцовъ"...

(Разводя руками) Это, ужъ извините, про васъ сказано: „Ни отъ начитанныхъ глупцовъ, лакеевъ мыслей благородныхъ". Про всѣхъ либераловъ и разныхъ радикаловъ!.. (Опять идетъ въ залъ и, возвращаясь) Что же, чай у васъ скоро будетъ?.. Подъ Горнымъ Дубнякомъ, когда мы шли въ аттаку, почти на вѣрную смерть, я страшно захотѣлъ стаканъ чаю съ малиновымъ вареньемъ...

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Позвони, папа, въ кухню еще разъ!

НАТАША. Я! (Бѣжитъ и сильно дергаетъ за ручку звонка, потомъ пугливо смотритъ въ окно и на цыпочкахъ возвращается) Иногда мнѣ кажется въ темнотѣ, что кто-то идетъ позади меня и хочетъ схватить...

ЛИПА. Какая ты трусиха!.. (Пауза. Часы медленно бьютъ восемь)

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Восемь! Я ужасно безпокоюсь за Николая... Лучше бы ужъ не ѣздилъ... (Послѣ паузы) Что-же, папа, вскрывать Григорія будутъ?

ПОЛКОВНИКЪ. Безусловно... Иначе нельзя предать тѣло землѣ... (Вздохнувъ) Вѣчная память! Такихъ управляющихъ нынче мало...

НАТАША (пожимаясь отъ страха). Авдотьюшка говоритъ, что ей разсказывали, какъ его убили... Григорій стоялъ

на колѣняхъ и плакалъ, а одинъ мужикъ закричалъ: „молись!“ и ударилъ его по головѣ киркой!.. Онъ и покатился...

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Господи, какое звѣрство!..

ПОЛКОВНИКЪ (идетъ въ переднюю, звонитъ и возвращается). Оглохли!..

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Онѣ боятся ходить по двору. Зачѣмъ было перевозить на дворъ?! Пусть бы тамъ и остался...

ПОЛКОВНИКЪ. И не имѣли права трогать, пока не прибыли слѣдственныя власти...

НАТАША. Я тоже боюсь ходить по двору. Онъ прикрытъ рогожей, а одна рука, со скрюченными пальцами, выставилась... похожа на птичью ногу! (Серафима Сергѣевна встаетъ и тихо идетъ въ кабинетъ и тамъ вскрикиваетъ. Наташа и Липа вскакиваютъ и бѣгутъ къ кабинету. Серафима Сергѣевна выходитъ, тяжело дыша) Мама! Мамочка! Что съ тобой?

ЛИПА. Тетя! Богъ съ вами!..

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Испугалась... Показалось, что въ углу... за Колинымъ гардеробомъ... кто-то стоитъ... Надо тамъ огня зажечь... Боже мой! Дайте воды! (Липа подаетъ воду, успокаиваетъ. Полковникъ, откашлянувшись, рѣшительной походкой направляется въ кабинетъ; Наташа шагаетъ за нимъ въ отдаленіи. Полковникъ въ самыхъ дверяхъ зажигаетъ спичку и, еще разъ кашлянувъ, входитъ въ кабинетъ)

ПОЛКОВНИКЪ (возвращаясь, серьезно). Моя шинель виситъ и больше ничего! (Всѣ смѣются) Эти женщины всегда пугаютъ своимъ визгомъ... Я неоднократно смотрѣлъ въ лицо смерти, а вотъ отъ этого женскаго визга... вотъ видите: руки трясутся... Удивительно! (Стукъ въ окно въ передней и глухіе женскіе голоса) Что такое?... а? (Смотритъ на окружающихъ. Всѣ притаили дыханіе, стукъ повторяется)

НАТАША (вскакиваетъ). Ай-ай-ай! Я и забыла, что заперла дверь на крючокъ! (Бѣжитъ отпирать; всѣ облегченно вздыхаютъ. Въ переднюю входятъ горничная и Авдотьюшка съ самоваромъ; Наташа смѣется, тѣ шепчутся, нервно пересмѣива-

ются; голосъ Авдотьюшки: „страшно, чай!“ Наташа идетъ въ столовую)

ПОЛКОВНИКЪ (къ Наташѣ). Вотъ видишь, Коза Ивановна: заперла двери и забыла. Не могутъ же подать самоваръ сквозь затворенныя двери?!. (Горничная накрываетъ столъ, подаетъ посуду; Авдотьюшка, поставивъ на столъ самоваръ, уходитъ въ переднюю и садится здѣсь на сундукъ. Серафима Сергѣевна садится къ столу, въ кресло. Всѣмъ дѣлается веселѣе. По лѣстницѣ съ мезонина сходитъ Владимиръ на клюкѣ, за нимъ Павелъ Ивановичъ)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Все-таки ты поосторожнѣе... Не споткнись!

ВЛАДИМИРЪ. Какъ это кстати вышло, что ты когда-то занимался медициной!..

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Я въ Сибири практиковалъ. На триста верстъ въ окружности у насъ не было ни одного врача, и я, братъ, былъ у якутовъ своего рода знаменитостью!

НАТАША. У тебя, Павелъ, говорятъ, даже романъ былъ съ якуткой?!.

ЛИПА (останавливая). Наташа! Тс!.. (Грозитъ пальцемъ) Не надо объ этомъ!..

НАТАША (тихо). Нельзя?.. (Дѣлаетъ гримасу)

ПОЛКОВНИКЪ. Ну что, какъ твоя нога, анархистъ?

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Лучше, Володя?

ВЛАДИМИРЪ. Прекрасно!

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Его счастье: попади пуля чуточку ниже,—остался бы хромымъ!

ПОЛКОВНИКЪ. И пенсіи не дали бы, братъ!.. Эти сраженія не одобряются...

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА (прислушиваясь). Погодите-ка! Кажется, колокольчики? Нѣтъ. Послышалось...

НАТАША. Это, мамочка, въ часахъ пружина звенитъ... всегда...

ГОРНИЧНАЯ. Вѣдь они поѣхали, барыня, безъ колокольчиковъ! На бѣгункахъ.

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Да... я и забыла... И зачѣмъ только было ѣхать!..

ПОЛКОВНИКЪ. Пожалуйста не нервничай! Не ѣхать было нельзя: повалили около двухсотъ деревъ строевого лѣса... Если не принять мѣръ, то отъ вашего лѣса останутся одни пеньки!

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Ахъ, да Богъ съ нимъ, съ лѣсомъ!

ВЛАДИМИРЪ. Ничего не подѣлаешь.. Температура народнаго терпѣнія поднялась до точки кипѣнія...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Идетъ волна... И ничѣмъ ее не запрудишь...

ПОЛКОВНИКЪ (сердито). Ну, конечно! Сперва - лѣсъ... „Богъ съ нимъ, съ лѣсомъ", а потомъ и земля... Это ужъ мы слыхали... И, конечно, Богъ съ нимъ, съ дворянствомъ! И его не нужно... Вашъ капитализмъ садится на нашу шею и гонитъ въ омутъ анархіи, разрушеній и всякихъ безобразій.

ВЛАДИМИРЪ. Не изъ той, дѣдушка, оперы!

ПОЛКОВНИКЪ. Вотъ у васъ тамъ пишутъ о надстройкахъ... Вотъ всѣ эти безобразія: забастовки, уличныя драки, грабежи — вотъ все это и есть надстройки! Не ухмыляйтесь... Ничего смѣшного. Только будьте спокойны: всѣ эти надстройки легко сломать, снести... И останется прежній крѣпкій фундаментъ... Старинный фундаментъ.

ВЛАДИМИРЪ. Очень старинный! Прогнилъ!

ПОЛКОВНИКЪ. Не прогнилъ... Фундаментъ крѣпкій, старинный, какихъ нынѣшніе архитекторы не умѣютъ и строить.

ВЛАДИМИРЪ (насмѣшливо). Лина! Ты бы перестала давать дѣдушкѣ брошюрки! А то, въ концѣ концовъ, онъ сдѣлается марксистомъ!..

ПОЛКОВНИКЪ (строго). Я слишкомъ старъ, чтобы мѣнять свои убѣжденія!.. А что ваши забастовки устраиваютъ жиды,—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія!

НАТАША. Дѣдушка! Не горячись! Садись, вотъ твой чай!..

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Папа!.. Это неправда... Перестаньте повторять чужую ложь!

ПОЛКОВНИКЪ. Правда! Имъ все хочется забрать нашу Имперію въ свои руки, - вотъ и забастовки!

НАТАША. Ну, а Володя? Ты скажешь, пожалуй, что Володя тоже жидъ?!

ПОЛКОВНИКЪ. Не суйся прежде отца-матери! Володя!.. Володя—жертва своей глупости. .

ВЛАДИМИРЪ. Ого!

ПОЛКОВНИКЪ (къ Владимиру). Попробовалъ нагайки? Вкусно? Потомственный дворянинъ! Какъ это благородно!

ЛИПА. Бить людей нагайкой?

ПОЛКОВНИКЪ. На этотъ разъ пріѣхалъ хромымъ, а вмѣшаешься еще разъ въ уличные скандалы, кривымъ можешь вернуться...

ВЛАДИМИРЪ. Случается...

ПОЛКОВНИКЪ. Да это ужъ повѣрь мнѣ!

НАТАША. Ты, дѣдушка, ужасно любишь пророчествовать! Словно ты радъ, что Володѣ прострѣлили ногу...

ПОЛКОВНИКЪ. А какъ же иначе?! (Липа возмущенно отходитъ въ сторону)

НАТАША. Злой ты! (Встаетъ изъ-за стола)

ПОЛКОВНИКЪ (подходитъ къ Наташѣ) Коза губы надула...

НАТАША. Убирайся отъ меня! Не хочу съ тобой... (Отвертывается и отходитъ)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Милые бранятся... (Пройдясь по комнатѣ, садится на диванъ. Большая пауза. Липа съ Наташей тихо говорятъ въ сторонѣ о чемъ-то) Наташа! Сыграйте-ка лучше что-нибудь... На прощанье! Завтра я уѣду и, Богъ знаетъ, когда увидимся...

НАТАША. Боюсь... Тамъ темно.

ВЛАДИМИРЪ. Что это, Натуся!.. Ты вѣдь не ребенокъ... постыдись!

ЛИПА. Пойдемъ вмѣстѣ... (Беретъ ее подъ-руку, идутъ въ залъ)

НАТАША (оглядываясь). Что сыграть? Марсельезу, дѣдушка, хочешь?

ПОЛКОВНИКЪ. Ну, конечно!

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Папа не любитъ...

ВЛАДИМИРЪ. Марсельезу!

НАТАША. На зло дѣдушкѣ, сыграю марсельезу.

ПОЛКОВНИКЪ. А мнѣ наплевать! Рѣшительно все равно! (Наташа играетъ въ залѣ марсельезу и вмѣстѣ съ Липой подпѣваетъ. Владимиръ встаетъ и, дирижируя клюкою, затягиваетъ вдругъ громко: „Вставай, поднимайся, рабочій народъ!") Ну, ты! Пожалуйста не махай палкой! Демагогъ! Здѣсь не улица...

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Володя! Оставь! (Марсельеза обрывается; Наташа играетъ элегію. Липа подсаживается на диванъ, къ брату; они ведутъ интимный разговоръ)

ЛИПА (грустно). Ты уѣдешь... я останусь одна...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ (очень нѣжно). Пиши мнѣ чаще... Не скучай. (Беретъ ея руку, ласкаетъ)

ЛИПА. Скучать не буду, Павелъ... Некогда... Можетъ быть удастся эту... воскресную школу. Уйду съ головой... *Они* меня любятъ, Павелъ!.. И это даетъ силы... и радость...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Хорошая ты, Липка! Право... (Пауза)

ЛИПА (смущенно). Я тебя попрошу объ одномъ... Можетъ быть, это сантиментально, но... когда будешь въ Петербургѣ... (Обрываетъ)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Ну?! Что сдѣлать въ Петербургѣ?

ЛИПА. Сходи на... къ Васѣ на могилу...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Хорошо...

ЛИПА. Отнеси ему вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ... Онъ любилъ астры... Сдѣлай это... Очень прошу! (Склоняетъ голову, прячетъ слезы)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Схожу... Непремѣнно! (Встаетъ и взволнованно ходитъ по комнатѣ)

ПОЛКОВНИКЪ (къ Павлу). Отъѣзжаешь? Рѣшилъ? А Липа?

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Липа не хочетъ... Остается... Не хочетъ бросать деревню... Работать здѣсь хочетъ.

ПОЛКОВНИКЪ. Было бы тебѣ извѣстно... Я вчера видѣлъ Виноградова: цѣликомъ все имѣніе онъ купитъ, но одинъ лѣсъ — не желаетъ... Рубятъ теперь лѣсъ... ваши милые мужички...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Не желаетъ,—не надо... Ничего не подѣлаешь. (Наташа выходитъ изъ зала)

ГОРНИЧНАЯ. Можно мнѣ, барыня, въ кухню идти? (Улыбается)

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Тебѣ нечего тамъ дѣлать... (Въ передней Авдотьюшка проявляетъ безпокойство)

ГОРНИЧНАЯ. Авдотьѣ надо въ кухню, а одна она боится идти!

АВДОТЬЮШКА (жалобно, изъ передней). Боюсь я, барыня! (Приближается къ дверямъ) Что-то вотъ трясется во мнѣ... Словно подняла чего не подъ силу...

ПОЛКОВНИКЪ (строго). Что же это въ тебѣ трясется? (Всѣ смѣются)

АВДОТЬЮШКА. Боюсь! На дворѣ темно, какъ въ печкѣ. Я и такъ давеча чуть не померла отъ страху-то... Бѣгу по двору, вдругъ — человѣкъ предо мной... (очень таинственно и взволнованно) словно изъ земли выросъ... Я такъ и обмерла. (Нервно смѣется)

ГОРНИЧНАЯ. Дура! Это, вѣрно, былъ десятникъ, который покойника караулитъ, а она думала,—разбойникъ! (Смѣется)

АВДОТЬЮШКА (таинственно). Нашто десятникъ? Разя я не знаю десятника? Десятникъ въ кухнѣ сидѣлъ... Я подумала,—студенты пришли забастовку дѣлать!

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Не болтай пустяковъ!

ВЛАДИМИРЪ. Я, Авдотьюшка, студентъ тоже... Меня не боишься?..

АВДОТЬЮШКА. Что мнѣ васъ бояться...

ГОРНИЧНАЯ. Они студентами называютъ мужиковъ, которые усадьбы громятъ... Не понимаютъ...

АВДОТЬЮШКА. Да, это которые господъ выжигаютъ. Вечоръ какой-то приходилъ, такъ сказывалъ: „ждите,— говоритъ,—гостей!“ Я этто его и спрашиваю: „какихъ-такихъ гостей?“ А онъ и говоритъ: „студенты придутъ забастовку вамъ дѣлать!“

ПОЛКОВНИКЪ. Что же ты, дурища полосатая, не пришла и во-время не сказала?!..

АВДОТЬЮШКА. Кто ихъ знатъ... Ничего я не знаю...

ПОЛКОВНИКЪ. Пусть кучеръ сейчасъ же ѣдетъ верхомъ ко мнѣ въ имѣніе!.. Пусть мои стражники немедленно скачутъ сюда!

НАТАША (съ нервнымъ смѣшкомъ). Никто не придетъ... Насъ мужики любятъ... Мы для нихъ все дѣлаемъ... и папа имъ всякія льготы даетъ... и... и кормимъ... За что насъ?.. Все ты выдумала! Не смѣй!

АВДОТЬЮШКА. Что мнѣ выдумывать-то? Я икону сниму, ежели вру... А вотъ, говорятъ еще, что управляющій-то живой: рукой будто шевелитъ... Баютъ, видѣли, какъ онъ кулакъ сжималъ!..

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА (раздраженно). Убирайся вонъ!

ВЛАДИМИРЪ. Мама! На что сердишься? Развѣ она виновата...

НАТАША. Она всегда такъ! И вчера... наговоритъ, напугаетъ, а потомъ я спать не могу... (Тихонько плачетъ) Пусть уходитъ! (Липа подходитъ къ ней, успокаиваетъ)

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА (горничной). Поди и проводи эту глупую бабу.

ПОЛКОВНИКЪ. Пусть кучеръ немедленно скачетъ ко мнѣ за стражниками! Поняла?

АВДОТЬЮШКА. Поняла.

ГОРНИЧНАЯ. Я прикажу, баринъ!.. (Горничная уводитъ Авдотьюшку. Продолжительная общая пауза. Серафима

Сергѣевна утираетъ слезы. Павелъ Ивановичъ ходитъ по комнатѣ. Владимиръ звонко помѣшиваетъ ложкой чай въ стаканѣ)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. У всѣхъ васъ измотались нервы... Поскорѣе перебирайтесь въ городъ, чѣмъ жить подъ вѣчнымъ страхомъ...

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА (сквозь слезы). Я прошу Николая скорѣе перевезти семью. Отдѣлываютъ квартиру... Зачѣмъ? Лишь бы поскорѣе... (Замолкаетъ)

ВЛАДИМИРЪ. Мама, мама! Сдержи нервы! Не надо, не распускайся!

ПОЛКОВНИКЪ (къ Владимиру и Павлу) Это вы все!— „Волна, волна! Идетъ волна!“ (Владимиръ идетъ въ библіотеку и роется тамъ въ книгахъ. Къ нему уходитъ и Липа)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Вѣдь это говорилось вообще... Здѣсь можетъ и не быть ничего... (Ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Въ окнахъ зала зарево пожара)

ПОЛКОВНИКЪ. Дайте мнѣ полсотни казаковъ, и никакой волны не будетъ. Глупо церемониться... (Передразниваетъ кого-то) „Какъ можно! Намъ стыдно обращаться къ оружію противъ безоружнаго мирнаго населенія!“ Хорошо мирное населеніе! (Пауза)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ (увидя зарево). Господа! Что такое?!. Зарево?.. (Торопливо идетъ въ залъ. За нимъ Наташа и полковникъ)

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА (поднимаясь, съ ужасомъ). Гдѣ? Гдѣ? Близко?! Володя! Липа! Тамъ — пожаръ!.. (Владимиръ ковыляетъ на клюкѣ въ залъ. Липа бѣжитъ туда же) Близко! близко! Господи! Гдѣ же отецъ?! Зачѣмъ онъ уѣхалъ... Что дѣлать!.. (Почти въ истерикѣ) Подите сюда! (Вбѣгаютъ Наташа и Липа)

НАТАША. Мамочка! Не волнуйся! далеко, дальше кирпичныхъ сараевъ...

ЛИПА. Тетя! Ничего опаснаго... Право... (Даютъ ей воды, мочатъ виски и сами почти плачутъ)

ПОЛКОВНИКЪ (очень распорядительно). Серафимочка! Прежде всего — спокойствіе! Не волнуйся... Иди въ спальню и лягъ... Уведите мать... А я сейчасъ...

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Я въ кабинетъ... На диванъ... Ты, папа, не уходи... Не пускайте его!.. (Липа и Наташа уводятъ Серафиму Сергѣевну въ кабинетъ. Полковникъ, взволнованно идетъ въ переднюю и сильно звонитъ, вызывая прислугу. Павелъ Ивановичъ и Владимиръ задумчиво идутъ изъ зала и тихо говорятъ между собою)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Подожгли...

ВЛАДИМИРЪ. Подожгли.

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ (очень тихо). Надо увезти женщинъ. (Подходитъ полковникъ, и всѣ трое о чемъ-то тихо и торопливо совѣщаются. Изъ кабинета выходитъ Липа, вопросительно смотритъ въ залъ, гдѣ все ярче разгорается зарево)

ЛИПА (вслушиваясь и идя на цыпочкахъ къ группѣ мужчинъ.. Вы ничего не слышите? (Всѣ слушаютъ. Чуть слышенъ доносимый вѣтромъ набатъ)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Это набатъ... въ Городецкомъ...

ВЛАДИМИРЪ (тихо). Куда-же поѣдешь? На станцію— мимо завода... Опасно..

ПОЛКОВНИКЪ. Всѣ—ко мнѣ!.. (Идетъ въ переднюю и снова звонитъ въ кухню. Въ переднюю вбѣгаетъ горничная)

ГОРНИЧНАЯ хочетъ говорить громко, полковникъ останавливаетъ жестомъ.. Кирпичный сарай горитъ...

ПОЛКОВНИКЪ (приказываетъ) Сію-же минуту лошадей!... Одну въ тарантасъ, а другую... хоть въ телѣгу... все равно.. Живо! (Горничная убѣгаетъ) Липа! Приготовь Серафимочкѣ пальто, пледъ... На дворѣ вѣтерь... Живо!... Всѣ..

ЛИПА. Вы, господа, думаете, что...

ПОЛКОВНИКЪ. Некогда думать!.. Собирайтесь!.. (Дѣлаетъ руками какіе-то жесты).

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Стоитъ-ли, господа?.. (Владимиръ бѣжитъ въ библіотеку и тащитъ оттуда охапку книгъ)

ВЛАДИМИРЪ. Заберу рѣдкія книги... (Кладетъ на полъ и снова идетъ въ библіотеку. Липа и Павелъ Ивановичъ тихо скользятъ по комнатамъ, складывая въ одну кучу одежду,

калоши, башлыки. Полковникъ ходитъ и заглядываетъ то въ залъ, то въ кабинетъ и приговариваетъ: „живо!.. живо!“)

НАТАША (выходитъ изъ кабинета и останавливается, съ ужасомъ озираясь вокругъ). Что? Зачѣмъ?!. Вы думаете, что... А какъ же папа?.. (Тихо, глухо доносится набатъ и едва слышный неопредѣленный шумъ) Что это?

АВДОТЬЮШКА (вбѣгаетъ въ переднюю, запыхавшись). Идутъ они... Ѣдутъ... Телѣгъ, телѣгъ ѣдетъ! Что будемъ дѣлать-то! Голубчики!

НАТАША. Кто? Зачѣмъ?..

АВДОТЬЮШКА. Барышня! Милая! Что дѣлать-то будемъ?.. Они идутъ!.. (Общее замѣшательство. Наташа бѣжитъ къ матери, Липа одѣвается. Полковникъ, надѣвъ калоши, идетъ къ кабинету)

ПОЛКОВНИКЪ. Одѣньте мать! Владимиръ! (Къ Авдотьѣ), Помоги одѣть барыню! Живо! (Павелъ и Владимиръ идутъ въ кабинетъ, подъ руки выводятъ Серафиму Сергѣевну, усаживаютъ на стулъ и одѣваютъ) Есть какое нибудь оружіе?.. Оружіе есть?

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ спокойно). Не надо оружія!.. Насъ не тронутъ...

НАТАША (въ ногахъ у матери). Мамочка! Они убьютъ насъ...

ГОРНИЧНАЯ вбѣгаетъ). Ѣдутъ мужики... Подводъ, подводъ!.. Въ садъ всѣ выходите, въ бесѣдку всѣмъ надо...

АВДОТЬЮШКА. А изъ сада-то огородомъ въ луга... Въ сѣно заройтесь!..

ПОЛКОВНИКЪ. А лошади готовы?

АВДОТЬЮШКА (машетъ рукой). Всѣ разбѣжались!.. (Всѣ торопливо одѣваются. Слышенъ стукъ двойныхъ дверей на террасу, замокшихъ и неотворяющихся. Шумъ многосотенной толпы, крики, смѣхъ и гармоника) Господи! Никакъ на дворѣ ужъ!..

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА (безсильно опускается въ кресло). Поздно ужъ... Не могу... Ноги не слушаются... Гдѣ Коля?.. Коля, Коля! (Дверь въ передней растворяется, врывается нестройный шумъ голосовъ, и входятъ трое: Ключниковъ, старикъ и Степанъ изъ Сухого Дола)

ПОЛКОВНИКЪ (пріосаниваясь). Кто вы такіе и что вамъ надо?

СТЕПАНЪ. Люди мы! Хрещеные!

ПОЛКОВНИКЪ. Кто васъ звалъ?

КЛЮЧНИКОВЪ (угрюмо). Сами пришли! Ждали, что позовете—не дождались...

СТАРИКЪ. А вы постойте! Ничего не сказамши, вздорить начали. (Выдвигается впередъ) Ты, енералъ, намъ не нуженъ... покуда.

СТАРОСТА (входитъ, молится Богу). Еще здравствуйте! (Кланяется) Здравствуй, Павелъ Ивановичъ! Какъ у васъ тутъ дѣло-то?

СТАРИКЪ (къ Степану и Ключникову). Погодьте! Вотъ староста долженъ поговорить... А свару зря нечего дѣлать... (Староста идетъ вглубь комнаты, подаетъ Павлу Ивановичу руку)

ПОЛКОВНИКЪ. Ты—староста?

СТАРОСТА. Я... (Замѣтивъ Липу) Барышня! Мое почтеніе! (Подаетъ Липѣ руку)

ПОЛКОВНИКЪ (строго). Какъ-же это? Ты староста, а закона не знаешь!

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ (къ полковнику). Не кричите!.. Не кричите!.. Дайте—я буду съ ними...

СТАРОСТА. Обчества, Павелъ Иванычъ, приговора составили: землю у васъ всю отобрать, а вамъ только подъ усадьбу, чтобы лѣтомъ было гдѣ разгуляться, десять десятинъ оставляютъ... Это разъ!.. А потомъ...

ПОЛКОВНИКЪ (издали). Незаконный приговоръ!..

КЛЮЧНИКОВЪ. Законы господа писали... для своей пользы!—Вотъ что!

СТЕПАНЪ. Свои законы сдѣлаемъ! (Наташа и Серафима Сергѣевна плачутъ)

СТАРИКЪ (приближаясь къ плачущимъ). Что вы зря плачете? Вы-бы пошли въ опочивальню, а мы потолковали-бы промежъ себя... съ вашими мужиками...

ПОЛКОВНИКЪ. Жгете, грабите—и плакать не надо?

СТЕПАНЪ (окрикъ). Помолчи! Будетъ ломаться!

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА. Папа! Оставьте!

НАТАША. Дѣдушка! Молчи, ради Бога! (Владимиръ подходитъ къ полковнику и, взявъ его подъ руку, говоритъ что-то и отводитъ въ библіотеку).

СТАРОСТА. А вы погодите! Разберемся! Ты, енералъ, не кричи, да и ты, Степанъ, тоже... послабже!.. Вотъ я вамъ, Павелъ Иванычъ, приговоръ объявляю... Обчество Городецкое, Сухого Долу и Никифоровки... Десять десятинъ вамъ подъ усадьбу... Всѣмъ стало быть,— дѣлитесь промежду себя, какъ хотите... И еще двѣ десятины лѣса и двѣ луговъ...

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Садись!.. (Староста и старикъ садятся у стола, Степанъ—на диванъ. Ключниковъ стоитъ безъ движенія, уставивши глаза въ землю) Приговоръ, говорите... Вы меня знаете... Я васъ никогда не обманывалъ... Мы съ сестрой... Мы хотѣли вамъ только добра... Не вѣрите... ваша сила... и ваша воля...

КЛЮЧНИКОВЪ (вызывающе). Да, ужъ не безъ этого! Довольно вы надъ нами покуражились.

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Дайте договорить! Надо-же выслушать! Я никогда не былъ вашимъ врагомъ!

СТАРИКЪ (вскакивая). Погодь, Иванъ!

СТАРОСТА. Пущай скажетъ! Что вы?! Говори, Павелъ Иванычъ! Тебѣ вѣримъ.

ПОЛКОВНИКЪ (кричитъ изъ дверей библіотеки). А земскій начальникъ утвердилъ вашъ приговоръ?

СТЕПАНЪ И КЛЮЧНИКОВЪ (вмѣстѣ). Не пугай! Не страшно!

ПОЛКОВНИКЪ. Вотъ какъ!

СТЕПАНЪ. Этакъ! Поговори тамъ... (Полковникъ стушевывается)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Мы съ сестрой предлагали вамъ свою землю взять почти даромъ. Почему вы не хотѣли? Берите!.. Берите даромъ... Мы съ сестрой ничего вамъ не скажемъ... А пріѣдетъ начальство и ра-

спорядится по-своему; отберутъ у васъ обратно и васъ будутъ судить... Потомъ ужъ насъ не вините!..

СТАРИКЪ. Судить, такъ судить... всѣхъ!

КЛЮЧНИКОВЪ. Ужъ конечно! Вы другъ за дружку крѣпко доржитесь! (Ударяя кулакомъ по столу) А манифестъ знаешь?! (Полковникъ испуганно выглядываетъ изъ библіотеки. Серафима Сергѣевна и Наташа опять начинаютъ плакать) Гдѣ онъ? Нашто его прячете? Жулики, а не господа!

ЛИПА (со слезами въ голосѣ). Иванъ! Мы ничего не прячемъ! Ничего! Развѣ я васъ обманывала когда-нибудь?!

СТАРОСТА. Не зѣвай! Не въ кабакѣ...

СТАРИКЪ. Что зря кричать?.. Испугалъ бабъ... Эхъ!.. Шли бы онѣ на свою половину!

СТАРОСТА. Лимпіяда Ивановна! Мы противъ тебя ничего не имѣемъ... Вѣрно оно... Идите-ка всѣ съ Богомъ!.. Чаво тутъ? Дѣло не женское... (Липа уговариваетъ уйти Серафиму Сергѣевну и Наташу)

СЕРАФИМА СЕРГѢЕВНА (поднимаясь съ кресла). За что? Развѣ мы вамъ не помогали въ нуждѣ? Мы всегда дѣлали для васъ все, что могли... А вы пришли и оскорбляете... Грѣхъ вамъ...

НАТАША (и гордо и робко). Кормили вашихъ ребятишекъ... Папа всегда за васъ заступался. (Наташа, Липа и Владимиръ уводятъ Серафиму Сергѣевну въ кабинетъ).

КЛЮЧНИКОВЪ Покормили—и будетъ!.. Мы васъ, можетъ, больше тысячи годовъ кормили! Насъ ѣдоками...

СТАРИКЪ. Брось, Иванъ!

СТАРОСТА. Оставь говорю!

КЛЮЧНИКОВЪ. Насъ ѣдоками зовете, а сами безперечь жрете!

ПОЛКОВНИКЪ (проходя изъ библіотеки въ кабинетъ). Что только творится въ Россіи—понять невозможно..

СТЕПАНЪ. Не понимаешь? а еще енералъ!!.. (Кричитъ хрипло). Съ голоду, что-ли, намъ помирать?.. Сколько васъ, а сколько насъ?..

КЛЮЧНИКОВЪ. Захотимъ—всѣмъ вамъ отставку дадимъ!

ПОЛКОВНИКЪ (изъ двери). Я уже, голубчикъ, и безъ того въ отставкѣ, стало быть... (Липа тянетъ его за руку въ кабинетъ)

СТАРИКЪ. Ахъ ты, Боже мой! Будетъ вамъ зря толковать!..

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ (встаетъ). Давайте тихо, безъ крику... (Владимиръ выходитъ изъ кабинета)

СТАРОСТА. Вѣрно! будетъ!..Садись, Павелъ Иванычъ... Такъ касательно земли вамъ сказано. Вамъ она ни къ чему... Нашто вамъ?

КЛЮЧНИКОВЪ (сердито, но тихо). Попашите ее вмѣстѣ съ нами, а такъ нечего вамъ и за землю доржаться!..

СТАРОСТА. Теперь обчества приговоры сдѣлали... Такъ что теперь время тяжелое, голодное, а у васъ, промежду прочимъ, хлѣбъ въ амбарахъ крысы ѣдятъ... приговоръ такой, чтобы хлѣбъ этотъ у васъ отобрать... для народа... Согласны?

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Что же я могу сказать?.. Все равно, вѣдь, возьмете...

СТЕПАНЪ. А то, думаешь, оставимъ?

СТАРОСТА. Ужъ ничего, Павелъ Иванычъ, не сдѣлашь... Надо ужъ по-хорошему... Пожалуйста распорядитесь ключи отъ амбаровъ выдать! (Въ переднюю вваливается человѣкъ 10 мужиковъ и съ ними Лукерья съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ. Часть мужиковъ входитъ въ столовую Лукерья съ любопытствомъ заглядываетъ туда изъ-за косяка)

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО (съ гармоникой подъ мышкой, весело). Примайте гостей!

МУЖИКЪ 2. Миръ честной компаніи! Павлу Иванычу! Владимиру Николаичу! (Оборачивается къ передней) А вы идите! Чего боитесь?! (Входитъ еще нѣсколько человѣкъ: трое и съ ними дѣвка и Лукерья остаются въ передней. Входя, всѣ кланяются и осматриваютъ комнату и мебель, заглядываютъ въ залъ: одинъ тычетъ пальцами въ клавиши и пугается:

двое шепчутся въ уголку, около граммофона, переговариваются, смѣются все смѣлѣе)

СТАРОСТА. Потише, православные! Такъ ключи пожалуйте ужъ!..

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Ключи? (Безпомощно озирается) Гдѣ же ключи?.. Володя! Гдѣ ключи?

ВЛАДИМИРЪ. Не знаю... Неизвѣстно... Были у управляющаго, а теперь неизвѣстно... (Идетъ въ кабинетъ. Полковникъ выходитъ изъ библіотеки)

ПОЛКОВНИКЪ. А-а зачѣмъ сарай-то подожгли? Ну хлѣбъ... я понимаю, а сарай чѣмъ вамъ помѣшалъ?

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. Сарай зажгли для свѣту... Не зря-же! темно было ѣхать.

МУЖИКЪ 2. Замѣсто лампы! (Общій смѣхъ. Корявый мужичонко беретъ аккордъ на гармоникѣ)

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. Вотъ она, грошъ дана!.. Сыгралъ бы да некогда!..

СТАРОСТА. Не играй! Можетъ, у нихъ которые не любятъ...

ВЛАДИМИРЪ (идетъ изъ кабинета). Никто не знаетъ, гдѣ ключи...

ПОЛКОВНИКЪ. Ну, а кто изъ васъ управляющаго убилъ? За что? У него—жена, дѣти...

КЛЮЧНИКОВЪ. А у насъ, думашь, нѣтъ этого добра?!.

СТЕПАНЪ. Они насъ за людей не считаютъ. Мы—скотина... Хуже скотины!

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Неправда. Невѣрно. Городецкіе мужики насъ знаютъ... Кто изъ нихъ скажетъ, что я крестьянъ за людей не считаю?..

СТАРОСТА. Зря болтаютъ... Это, Павелъ Иванычъ, дѣйствительно... Мы противъ тебя ничего не имѣемъ.. Зла противъ тебя и Лимпіяды никто въ сердцѣ не поситъ...

ЛУКЕРЬЯ (изъ передней). Про нихъ этого нельзя сказать!.. Грѣхъ...

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. Правильно!.. Ты—человѣкъ

душевный... Далъ бы мнѣ стаканчикъ водки, я бы тебя вѣкъ не забылъ... Страсть охота!.. (Кругомъ смѣются)

ГОЛОСА. „Чай, имъ не жалко...“, „По-хорошему надо!“ (Владимиръ достаетъ изъ буфета графинъ съ водкой, хлѣбъ, чашки. Выпиваютъ. Пьютъ за здоровье Павла Ивановича и Владимира; водворяется веселое настроеніе и пропадаетъ первоначальный страхъ у женщинъ. Тѣ выглядываютъ изъ кабинета, жалобно какъ-то улыбаются и снова прячутся)

СТЕПАНЪ (усаживаясь въ кресло). Вотъ и сѣлъ! И ничего не сдѣлашь!

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО (поднявъ книгу, вырываетъ листокъ и дѣлаетъ себѣ цигарку). Прикурить слѣдуетъ!

ВЛАДИМИРЪ. Эхъ! Напрасно вы книгу рвете. Хорошая книга... Я лучше вамъ...

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. Я вѣдь маленько!.. У тебя ихъ вонъ сколько! Гора!

ВЛАДИМИРЪ. Я лучше папиросу-бы далъ вамъ! (Раскрываетъ портсигаръ, корявый мужичонко беретъ папиросу, еще двое-трое подходятъ и берутъ)

СТЕПАНЪ. Что, Павелъ Иванычъ, не любишь, когда я въ креслу сажусь?

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Сдѣлайте одолженіе—сидите пожалуйста!

СТЕПАНЪ. „Сидите!“, „пожалуйста“! А какъ въ прошломъ году посидѣлъ на твоей креслѣ, такъ въ каталажку запрятали? (Встаетъ, пинаетъ ногой кресло,—оно падаетъ) Видѣлъ? Я, братъ, помню! не забылъ! (Старикъ и староста уговариваютъ Степана не шумѣть) Довольно посидѣли, теперь мы—на мягкомъ, а вы подите на снѣгу посидите! Да! На снѣгу тоже мягко!

КЛЮЧНИКОВЪ (громко). Насчетъ земли надо отъ нихъ расписку взять!

ГОЛОСА. „Вѣрно!“, „Пусть дадутъ отказъ!“

КЛЮЧНИКОВЪ. Пущай отрекутся, чтобы опосля не кляузничали! (Въ толпѣ гулъ удовольствія. У Лукерьи плачетъ грудной ребенокъ)

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. Младенецъ! Хрестьянскій!

Не плачь, не плачь! Теперь, братъ, самъ помѣщикомъ будешь!.. (Смѣхъ въ толпѣ. Въ переднюю входятъ двое мужиковъ и кричатъ: „Ключи скорѣй! А то разобьемъ!“ и исчезаютъ)

СТЕПАНЪ (встаетъ, проталкивается къ выходу). Какіе тамъ ключи! (Показываетъ кулакъ) Вотъ онъ, ключъ. (Уходитъ. Съ нимъ уходятъ стоявшіе въ передней)

СТАРОСТА (ласково). Лучше бы отдали безъ шкандалу! Все одно, возьмутъ!.. Не удержишь... Лучше по-хорошему бы!

ГОЛОСА. „Ладно и такъ!“, „Песъ съ ними!“

СТАРОСТА. И касательно земли: пусть ты съ сестрой насчетъ своей земли отдѣльный документъ выдадите, а Миколай Александрычъ касательно своей... по формѣ... Согласны, молъ, и обязуемся... прочее такое... Правильно надо.

КЛЮЧНИКОВЪ. И чтобы больше никакого разговору! А разъ отъ своей подписи откажутся, — хуже будетъ! Все одно: не житье вамъ здѣсь... Всѣхъ, какъ вшей изъ рубахи, выжаримъ.

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. Все одно, подадитесь...

КЛЮЧНИКОВЪ. А манифестъ прятать — это которые безъ совѣсти! Да! А еще господа!

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Я ничего не прячу...

СТАРИКЪ (Павлу Ивановичу). Какъ его, хромого-то барина, звать?

СТАРОСТА. Володимеръ.

СТАРИКЪ. Володимеръ, принесь-ка сюда бумагу, чернильницу, всякій струментъ.

МУЖИКЪ 2. Сами пусть напишутъ! Собственноручно! Отдаемъ, дескать, землю въ полную собственность, съ лѣсомъ и лугами и всякимъ угодьемъ.

ГОЛОСА. „Скотину отобрать!“, „Знамо, отобрать!“

МУЖИКЪ 2. И со всѣмъ скотомъ, который держимъ въ экономіи въ пользу хрестьянъ... трехъ обществъ... И все, дескать, за землю и прочее сполна съ хрестьянъ получили, въ чемъ и роспнсуемся.

полковникъ. Это съ кого-же получили? Когда?

ключниковъ (раздраженно). Какъ съ кого? Съ кого вы аренду брали? Сколько годовъ вытягивали? Больше того и земля ваша не стоитъ, что съ насъ получили... Когда?.. Отъ вѣку вѣковъ!—вотъ когда! И съ банку получили, и съ насъ! Какого вамъ лѣшаго еще надо? Али опять на выкупъ хотите?! Прошло! вотъ! возьми! (Показываетъ кукишъ; полковникъ отворачивается и пожимаетъ плечами)

голоса. „Правильно", „Все свое изъ земли вынули!, Больше вынули!", „Нечего съ ними толковать! Требовать!.." (Владимиръ приноситъ изъ библіотеки бумагу, чернильницу, ручку—кладетъ на столъ)

староста. Ребята! Тише: условіе будемъ писать!.. (На дворѣ страшный шумъ, тамъ громятъ амбары и увозятъ хлѣбъ) Что это народъ шумитъ?

старикъ. Амбары ломаютъ... Надо было ключи отдать, тогда бы этого безпорядку не было!

полковникъ. Вотъ ты—старикъ, скоро предъ судомъ Божіимъ предстанешь...

старикъ. Ничего не сдѣлашь... И ты не молодой: вмѣстѣ, вѣрно, преставимся... (Въ толпѣ одобреніе)

полковникъ. Что ты скажешь Господу? Онъ тебя спроситъ: „зачѣмъ, старикъ, въ разбойничье дѣло впутался?.. Что отвѣтишь?

корявый мужичонко. Чай, и за насъ, хрестьянъ, кто-нибудь на небѣ-то заступится? Неужто и тамъ (показываетъ въ потолокъ) опять вамъ же, господамъ, послабленіе будетъ, а мы, мужики, на васъ пахать будемъ? (Общій смѣхъ)

староста. (аккуратно раздѣляетъ бумагу). Будетъ вамъ! Повремените!

полковникъ. Тамъ, братъ, пахать никому не придется... Всѣ сравняются...

ключниковъ (со злобой). А здѣсь равняться не жалашь?.. Енераломъ хошь остаться?.. Ловкій! (Владимиръ и Павелъ Ивановичъ ухмыляются)

СТАРОСТА. Ладно! Будетъ ужъ... Пиши, Павелъ Иванычъ!

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ (беретъ ручку). Чудаки... Ну! Что писать? Говорите!

КЛЮЧНИКОВЪ. А ты не прикидывайся! Будто не знашь?!

СТАРИКЪ. Небось, съ нами условіе писать, такъ хорошо знаешь, какъ его надо написать.

СТАРОСТА. Пиши: сего года, числа... которое у насъ число-то... семнадцатое? Мы, нижеподписавшіе, помѣщики Городецкаго хутора... Поминай всѣхъ: Миколай Лексаныча, жену его, себя, сестру и другихъ сродственниковъ. Написалъ?

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ (пишетъ. Пауза). Написалъ.

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. И енерала-то припиши! За одно! (Кругомъ смѣхъ)

ПОЛКОВНИКЪ. Бумага все стерпитъ.

СТАРОСТА. Не надо его! Онъ—другой волости! Тамъ другіе будутъ отбирать... Пиши, Павелъ Иванычъ!

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Ну?

СТАРОСТА. Всѣ мы, нижеподписавшіе, которые по доброй волѣ, безъ принужденія, рѣшили исполнить хрестьянскую волю: оставить себѣ—подъ усадьбу, садъ, огородъ и другое хозяйство—десять десятинъ; изъ лѣсу двѣ десятины строевого и двѣ десятины лугу заливного. А всю остальную землю, луга и лѣсъ, какой незаконно владѣемъ съ воли Императора Лександра II, согласны вполнѣ возвратить хрестьянамъ по принадлежности... Въ чемъ и подписуемся... (Павелъ пишетъ, мужики тихо переговариваются)

СТАРИКЪ. Добавь: спорить и прекословить не будемъ, а ежели начнемъ судиться, всѣ убытки принимаемъ на себя же.

КЛЮЧНИКОВЪ (съ угрозой). Коли начнете судиться, духу вашего не останется!.. Званія!..

полковникъ. Теперь только къ нотаріусу... Прекрасно... Удивительно!

староста. Ладно и такъ! Подписку теперь давайте!

голоса. „Пусть всѣ распишутся!“, „Пусть икону сымутъ! Передъ Богомъ откажутся!“, „Сперва пусть подпишутся!“

павелъ ивановичъ. Подписываться? Мнѣ?

старикъ. Сперва пусть самъ, Николай Лексанычъ!

павелъ ивановичъ. Нѣтъ его!

староста. Пусть за его жена!.. Все одно! Спорить не будемъ... И Володимеръ, и барышня ихняя. Зови ихъ сюда!

ключниковъ. Скажи: народъ требуетъ для подпису!

павелъ ивановичъ. Сходи, Володя! Объясни!.. (Владимиръ и полковникъ идутъ въ кабинетъ; толпа весело гуторитъ. Корявый мужичонко около граммофона—что-то толкуетъ про него окружающимъ)

старикъ (подойдя къ двери кабинета). А вы не пугайтесь! Ничего не будетъ... Только расписаться... (Отходитъ) Онѣ пугливыя!.. (Павелъ Ивановичъ встаетъ и идетъ къ кабинету. Навстрѣчу полковникъ и Владимиръ ведутъ Серафиму Сергѣевну подъ-руки; за ними Наташа съ заплаканными глазами, смотритъ въ землю, вздрагиваетъ плечами; Липа грустная, тихая, усталая и равнодушная. Серафиму Сергѣевну усаживаютъ въ кресло, даютъ перо,—она подписывается и ее снова уводятъ въ кабинетъ. Затѣмъ подписываются Владимиръ и Наташа)

наташа (съ перомъ въ трясущейся рукѣ). Я капнула... Ничего это?

староста. Ладно! Сойдетъ у насъ. (Наташа съ гордостью уходитъ въ кабинетъ)

корявый мужичонко (вслѣдъ ей). Теперь безъ приданаго останется.

мужикъ 2. У нихъ и такъ возьмутъ...

лукерья. Она красивенькая... У нихъ этакихъ-то безъ ничего берутъ...

староста (слизывая кляксу). Топерь ты, Павелъ Иванычъ, подписывайся и Лимпіяда Ивановна...

ЛИПА. Намъ ничего не надо... Берите все... Все.... (Подписывается)

КЛЮЧНИКОВЪ (злобно). Не надо, а дòржишься?.. Баню придумала!.. (Липа вдругъ нервно зарыдала и убѣжала въ залъ)

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Липа! Липа! Перестань! Владимиръ идетъ къ Липѣ)

КЛЮЧНИКОВЪ. Жалко, небось!.. Печать надо! Староста! Печать есть?

ГОЛОСА. „Вѣрно!", „Печать надо", „Безъ печати нельзя... Прикладывай! Свѣчка есть?"

КОРЯВЫЙ МУЖИЧОНКО. Вотъ она! (Бѣжитъ, беретъ свѣчу со столика, зажигаетъ и подаетъ)

КЛЮЧНИКОВЪ. Прикладывай! (Староста коптитъ на свѣчкѣ печать и прикладываетъ, кряхтя и напрягаясь)

СТАРОСТА. Хорошо видать! Четко вышло! (Полковникъ подходитъ къ столу.

ПОЛКОВНИКЪ. Отлично! Теперь все по формѣ... Идите съ Богомъ! (Громко. Расходитесь!.. (На дворѣ страшный крикъ, нѣсколько выстрѣловъ. Всѣ вздрагиваютъ, настораживаются. Въ переднюю вбѣгаетъ Степанъ съ топоромъ въ рукахъ, безъ шапки, съ дикими глазами, и кричитъ, размахивая руками)

СТЕПАНЪ. Баринъ пріѣхалъ! Со стражниками. Въ народъ стрѣляютъ! Бей ихъ, проклятыхъ!

КЛЮЧНИКОВЪ. Бей ихъ! (Бѣжитъ за полковникомъ, полковникъ бѣжитъ на мезонинъ. Ключниковъ настигаетъ и убиваетъ его. Опять стрѣльба и крики на дворѣ. Истерическіе визги женщинъ въ домѣ. Толпа мечется по комнатамъ. Павелъ что то кричитъ)

СТЕПАНЪ (подбѣгаетъ къ Павлу Ивановичу). Въ народъ стрѣлять?! Въ народъ! (Замахивается топоромъ на Павла Ивановича, тотъ хватается руками за голову)

Занавѣсъ.

КРАСНЫЕ ОГНИ.

Драматическая фантазія.

ПЬЕСА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Посвящаю Валѣ.

Евгеній Чириковъ. Красные огни.

Право собственности внѣ Россіи закрѣплено за авторомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

Гг. переводчиковъ просятъ обращаться за разрѣшеніемъ на переводъ и за справками къ представителю автора, И. П. Ладыжникову, по слѣдующему адресу:

Berlin W, 15, Uhlandstrasse, 145;
„Bühnen-und-Buch-Verlag russischer Autoren
J. Ladyschnikow“.

ДѢЙСТВУЮІЦІЯ ЛИІЦА:

СТАРИКЪ.
ЭОЛЪ } его сыновья.
УРБИНЪ }
КУЗНЕЦЪ.
ЗОЙЛА, его дочь.
МИЛЬДА.
ЧЕЛОВѢКЪ съ киркой.
ЧЕЛОВѢКЪ съ камнемъ.
МУЖЧИНА,
ЖЕНЩИНА.
ЖРЕЦЪ.
РАБЫ И СТРАННИКИ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

...Предразсвѣтный часъ. Кротко мерцаютъ звѣзды и медленно зеленѣетъ синева далекихъ небесъ. Распутье. Вдали рѣзко вырисовываются сумрачные изломы древнихъ стѣнъ съ возвышающейся сторожевой башней; въ сумеркахъ ночи горитъ подобное глазу чудовища круглое окно башни, бросая зловѣщій желтый свѣтъ на переплетающіяся межъ кустами и папортниками дороги. На перекресткѣ — холмъ и на немъ каменный Идолъ. По дорогамъ медленно бредутъ силуэты сгибающихся подъ тяжестями людей... Иногда звенятъ желѣзныя оковы рабовъ. Всѣ, проходя мимо Идола, кланяются, опуская до земли правую руку; нѣкоторые падаютъ ницъ и потихоньку плачутъ... Подъ горкой, около родника, привалъ странниковъ: шалашъ изъ листьевъ и догорающій костеръ. На башнѣ бьетъ колоколъ одинъ ударъ; ему отвѣчаетъ другой, невидимый, третій, четвертый, все удаляясь и образуя грустную, пропадающую въ сумеркахъ, мелодичную гамму звуковъ... Въ этой гаммѣ звуковъ слышится покорность передъ вѣчностью... Изъ шалаша выходитъ старикъ, спускается къ роднику и умывается, потомъ долго смотритъ въ небо...

СТАРИКЪ.

Тускнѣютъ звѣзды въ небѣ... Близокъ день...
Рабы ползутъ, какъ черви, на работу...

Два путника,—одинъ съ тяжелымъ камнемъ на спинѣ, другой съ киркой,—подходятъ къ роднику; пока первый сбрасываетъ со спины тяжесть, второй пьетъ воду.

Привѣтствую васъ, труженики жизни!
Присядьте, отдохните у костра
Далекихъ и чужихъ вамъ пилигримовъ!

ЧЕЛОВѢКЪ СЪ КАМНЕМЪ.

Нѣтъ отдыха!.. Нельзя намъотдыхать
На мѣстѣ надо быть намъ до восхода солнца...

СТАРИКЪ.

Куда лежитъ твой путь и почему спѣшишь?

ЧЕЛОВѢКЪ СЪ КАМНЕМЪ.

Безумцы вновь пытались этой ночью
Разбить стѣну своими головами,
Чтобъ черезъ трещины пробраться въ неизвѣстность...
Погибли всѣ!.. Одни разбились сами,
Другихъ убила стража... Намъ опять—работа:
Таскаемъ камни—поправляемъ стѣны...
Ужъ какъ ихъ берегутъ, а устеречь не могутъ!..

Изъ-подъ горки выходитъ человѣкъ съ киркой, а этотъ идетъ къ роднику...

СТАРИКЪ.

А ты куда идешь, весь черный, какъ земля?

ЧЕЛОВѢКЪ СЪ КИРКОЙ.

Я—кротъ: копаюсь подъ землей...
Съ восходомъ опускаюсь въ темную могилу,
Съ заходомъ выхожу...
И такъ вся жизнь моя проходитъ подъ землею...
И только ночью на землѣ я... сплю!
Усталый, словно мертвый!..

СТАРИКЪ.

Мнѣ жизнь твоя напоминаетъ ночь...
Ночь вѣчную, холодную, сырую!..
Пора-бы вамъ подняться изъ могилъ...

ЧЕЛОВѢКЪ СЪ КИРКОЙ.

Сегодня, передъ спускомъ въ шахты,
Быть можетъ, намъ украдкой улыбнется
Румяный отблескъ солнца золотого...

СТАРИКЪ.

Да, солнце недалеко...
Желаю всѣмъ вамъ солнце увидать!

Оба путника, поклонившись на привѣтствіе, молча уходятъ; Старикъ смотритъ имъ вслѣдъ и качаетъ сѣдой головой.

Да, солнце недалеко...
Поднимется и ласково обманетъ
Рабовъ земли желаннымъ новымъ днемъ...
И снова силы дастъ
Самимъ себѣ ковать желѣзныя оковы,
Нести ненужный хламъ на спинахъ натруженныхъ,
И все надѣяться когда нибудь куда-нибудь прійти!..
И я шагалъ, покорный терпѣливый,
По всѣмъ тропинкамъ и дорогамъ жизни,—
И тоже думалъ, что все ближе къ счастью!..
Устали ноги... И болитъ спина...
Всѣ кости ноютъ... Кровь не грѣетъ больше...
Пришелъ опять сюда, откуда путь свой началъ...
Вездѣ стѣна: то близко то подальше,
То высится у самаго пути,
То поднимается изъ синяго тумана...
Насъ сторожитъ чудовище изъ камня
И желтый глазъ его не спитъ ни днемъ, ни ночью...

Отъ проходящихъ по дорогамъ отдѣляются и идутъ къ костру мужчина съ женщиной, связанные по поясамъ цѣпью, нагруженные тяжестями; на рукахъ женщины спящій ребенокъ.

ЖЕНЩИНА.

Скажи намъ, добрый человѣкъ,
Куда ведетъ вотъ эта торная дорога?

МУЖЧИНА.

И та, что узкою тропой теряется въ кустахъ?

СТАРИКЪ.

Здѣсь всѣ дороги, женщина, ведутъ людей къ могилѣ.
Не стоитъ выбирать...

ЖЕНЩИНА.

Куда-же ты завелъ?

МУЖЧИНА.

Мы шли на колоколъ!

ЖЕНЩИНА.

Неужто заблудились?!
Устали ноги... Силы больше нѣтъ...
А все конца не видно нашему скитанью!
Позволь, старикъ, присѣсть?

СТАРИКЪ.

Садись—огня не жалко...
Садись и ты, слѣпой путеводитель!
Снимите свой багажъ вы, скованные цѣпью!..
Должно быть, вы - рабы?

ЖЕНЩИНА.

Нѣтъ, мы свободные!

СТАРИКЪ.

А цѣпь на поясахъ?

ЖЕНЩИНА.

Мы любимъ съ нимъ другъ друга...

СТАРИКЪ.

Должно быть, сильно?

ЖЕНЩИНА.

Да! Любовь пріятна Богу!..

СТАРИКЪ.

Напейтесь: здѣсь родникъ живой воды,
Прозрачный, чистый, какъ душа ребенка!

ЖЕНЩИНА.

Напьемся?

МУЖЧИНА.

Не хочу.

ЖЕНЩИНА.

А я горю отъ жажды...
Открой мнѣ цѣпь и подержи ребенка!

Мужчина отпускаетъ цѣпь и беретъ ребенка, женщина сбрасываетъ со спины тяжелые мѣшки и идетъ къ роднику. Старикъ приближается къ человѣку и смотритъ съ любовью на ребенка.

СТАРИКЪ.

Спитъ новый странникъ жизни...

МУЖЧИНА.

Пусть спитъ: поменьше крику!..

СТАРИКЪ.

Что это у него навязано на шеѣ?

МУЖЧИНА.

Все ладанки: въ одной—страхъ передъ небомъ,
Въ другой—предъ сильными, а въ третьей...

СТАРИКЪ.

Передъ жизнью?

МУЖЧИНА.

Зачѣмъ?! Жизнь – благо, радость наша...
Здѣсь, въ черной ладанкѣ, сокрытъ страхъ передъ смертью.

СТАРИКЪ.

И жизнь и смерть, прохожій, обѣ—благо!
И смерть кого страшитъ,—всю жизнь боится жизни...
Живые мертвецы, ходящіе межъ нами,—
Всего страшнѣй... Что смерть?
Вѣдь на холмѣ могильномъ
Взойдетъ трава и, можетъ быть,—цвѣты!..

Женщина медленно поднимается отъ источника. Она отдохнула отъ ноши, утолила жажду и мечтательно смотритъ въ небеса.

ЖЕНЩИНА.

Какъ звѣзды далеко!..
Быть можетъ, есть тамъ люди—
Счастливые, свободные отъ всѣхъ тяготъ земли...

Вздохнувъ, она останавливается передъ своимъ грузомъ и начинаетъ нехотя взваливать себѣ на спину тяжелые мѣшки.

Эхъ, хорошо на звѣздахъ!

МУЖЧИНА.

Оставь ты эти бредни, собирайся!
Пора идти... Бери еще мѣшокъ!

Старикъ подходитъ и пробуетъ на рукѣ тяжесть грузовъ.

СТАРИКЪ.

Что тамъ?

ЖЕНЩИНА.

Все добродѣтели!

СТАРИКЪ.

Одна другой тяжеле!

ЖЕНЩИНА.

Да, тяжело!

СТАРИКЪ.

Жаль, нѣтъ у васъ осла:
Обоимъ было бъ легче!..

ЖЕНЩИНА.

Давай теперь ребенка!.. Осторожнѣй!

Мужчина неловко суетъ женщинѣ ребенка и тотъ, проснувшись, плачетъ.

Вотъ видишь: разбудилъ! Теперь онъ будетъ плакать...

СТАРИКЪ.

Здѣсь всѣ, рождаясь, плачутъ...
Здѣсь не хватаетъ человѣку слезъ.

Женщина баюкаетъ ребенка и тотъ затихаетъ.

ЖЕНЩИНА.

Онъ голоденъ: нѣтъ молока въ грудяхъ...
Сама давно не ѣла... истомилась...
Есть слухъ, что тамъ, за этими стѣнами,
Когда родятся дѣти,—то не плачутъ...
Счастливые родятся... Всѣ въ сорочкахъ...
И говорятъ еще...

МУЖЧИНА.

Голодная, а сказки слушать любишь!

СТАРИКЪ.

На̀ хлѣба, женщина, и утоли свой голодъ!

Быть можетъ, наша жизнь сама лишь только сказка...
Кто знаетъ, человѣкъ, гдѣ правда, а гдѣ ложь?..

ЖЕНЩИНА.

Молю я небо, добрый человѣкъ,
Прожить тебѣ на свѣтѣ долго-долго,
Чтобъ этотъ новый, мной рожденный человѣкъ
Успѣлъ воздать тебѣ за доброту сторицей!

СТАРИКЪ.

Ты думаешь, что дать кусочекъ хлѣба
Голодному—заслуга предъ богами?
А если я укралъ и далъ тебѣ—скажи:
Какъ взвѣсишь ты мой грѣхъ и добродѣтель?

МУЖЧИНА.

Ты странно говоришь...
Должно быть, ты—не здѣшній...

ЖЕНЩИНА.

Есть слухъ, что къ намъ пришли
Изъ странъ далекихъ люди,
Невѣдомые, смѣлые, безъ страха передъ небомъ...
Ужъ не изъ нихъ-ли ты, старикъ?

СТАРИКЪ.

Я, женщина, всегда жилъ между вами...
Я—нищій, пилигримъ. Я сбросилъ ношу жизни,
И лишь дорожный посохъ да клочки одежды—
Все достояніе мое... Душа же моя нага:
Всѣ добродѣтели дорогой растерялись...

Мужчина недружелюбно озираетъ Старика и проявляетъ безпокойство во взорѣ и движеніяхъ.

МУЖЧИНА.

Пора идти: мы отъ другихъ отстанемъ!

СТАРИКЪ.

Я прожилъ много лѣтъ и у могилы понялъ,
Что здѣсь лишь тотъ имѣетъ все,
Кто нагъ и босъ, какъ нищій.

ЖЕНЩИНА.

Ты странно говоришь...
Должно быть, ты—не здѣшній...

МУЖЧИНА.

Ну будетъ-же! Пойдемъ! Довольно побасёнокъ!..

Путники уходятъ; женщина пріостанавливается и оборачивается: ее притягиваетъ странный Старикъ; мужчина толкаетъ ее впередъ и они скрываются. Бьетъ на башнѣ колоколъ, перекликаясь съ другими, далекими. Старикъ смотритъ въ небо.

СТАРИКЪ.

Свѣтаетъ, а ихъ нѣтъ... Какъ соловьи весною:
Всю ночь о счастьѣ грезятъ и до разсвѣта не смыкаютъ глазъ!..
Ахъ, юность милая, дни дивныхъ сказокъ жизни!..

Слышенъ шорохъ въ кустахъ. Старикъ прислушивается и улыбается.

Идетъ мой соловей, не знаю лишь, который:
Эолъ или Урбинъ?..

Въ кустахъ появляется бѣлокурый юноша въ дорогихъ тканяхъ; на его плечѣ посохъ пастуха и свертокъ пастушечьей шкуры. Слышна свирѣль. Старикъ догадывается, кто идетъ.

Мечтательный и нѣжный мой Эолъ!

ЭОЛЪ.

Отецъ! да ты не спишь?!

СТАРИКЪ.

Смѣшалъ ты дни и ночи...
Я спалъ и всталъ.. Смотри: ужъ тухнутъ звѣзды!

Эолъ смотритъ на небо и какъ-будто бы чему-то удивляется.

ЭОЛЪ.

Да... Пурпуръ появился въ облакахъ...

Старикъ поднимается на ноги и видитъ Эола въ необычайномъ одѣяніи.

СТАРИКЪ.

А, можетъ быть, я сплю и вижу только сонъ:
Ты, сынъ мой,—не пастухъ, а королевичъ?

ЭОЛЪ.

Не унывай: сейчасъ я стану снова пастухомъ...
Пора пасти овецъ.—иду переодѣться...
А то мои друзья с страху разбѣгутся:
Вѣдь овцы не привыкли къ королямъ!..

Съ беззаботнымъ смѣхомъ скрывается въ шатрѣ. Старикъ подходитъ ко входу въ шатерь и отсюда говоритъ съ Эоломъ.

СТАРИКЪ.

Что дѣлаетъ любовь! Изъ пастуха—король,
Изъ кор ля—пастухъ...

ЭОЛЪ.

А часто—и баранъ!..

СТАРИКЪ.

Ты мастеръ пѣсни пѣть и много сказокъ знаешь...
Скажи: кому ты пѣлъ? кто сказки ночью слушалъ?

ЭОЛЪ.

Я былъ, отецъ, за золотой рѣшеткой.

СТАРИКЪ.

И чтобы голову съ собою унести...

ЭОЛЪ.

Одѣлся, какъ властитель!

СТАРИКЪ.

Однако, гдѣ ты взялъ пурпуровыя ткани?

ЭОЛЪ.

Она мнѣ ихъ дала: просунула въ рѣшетку!..
И сталъ я съ этихъ поръ счастливымъ властелиномъ!

СТАРИКЪ.

Что-жъ! Если всѣхъ, мой сынъ, раздѣнемъ донага,
То трудно распознать, который созданъ править...
Всѣ женщины рождаютъ насъ нагими...

Эолъ выходитъ изъ шатра пастухомъ.

ЭОЛЪ.

Вотъ видишь: я опять сталъ прежнимъ пастухомъ!

СТАРИКЪ.

Садись и разскажи, кому ты пѣсни пѣлъ,
Мой юный соловей! Всю ночь пѣлъ, до разсвѣта!

Эолъ полонъ восторга, разсѣянъ, пьянъ отъ воспоминаній...

ЭОЛЪ.

...Ахъ, волосы у ней похожи на лучи
Весенняго смѣющагося солнца...
Глаза—какъ море въ ясную погоду...
И странная улыбка: убѣгаетъ,

Едва скользнувъ по милому лицу
И всякій разъ, когда ея улыбка
Сверкнетъ какъ радость или какъ печаль,—
Здѣсь, въ сердцѣ, зажигается тревога
И хочется смотрѣть въ ея глаза
И снова ждать улыбки на губахъ...
Какъ долго я ходилъ—смотрѣлъ черезъ рѣшетку!..
Теперь преграды нѣтъ: она мнѣ ключъ дала..

Показываетъ отцу золотой ключъ, отецъ беретъ его и разсматриваетъ съ большимъ любопытствомъ... Эолъ безпокоится за ключъ:

ЭОЛЪ.

Давай мой ключъ!

СТАРИКЪ.

Ты побѣждать умѣешь!..
Скажи-же, наконецъ, кого ты побѣдилъ
И, побѣдивши, самъ остался побѣжденнымъ?
Кому ты сердце далъ въ залогъ за этотъ ключъ?

ЭОЛЪ.

Не знаю... Дѣвушкѣ. какъ солнце, свѣтлой, доброй.
Съ загадочной тоской, ушедшей вглубь души,
И съ нѣжной жалобой въ глазахъ, какъ море-синихъ!
А какъ ее зовутъ... и кто она...—не знаю...
Не все-ли мнѣ равно?

СТАРИКЪ.

Мечтательный Эолъ!..
Тамъ, за рѣшеткой, умираютъ люди,
Какъ попугаи въ золоченыхъ клѣткахъ...
И женщины любить тамъ не умѣютъ...

ЭОЛЪ.

Ахъ нѣтъ! Не говори! Она совсѣмъ другая:
Она съ тоской въ душѣ и съ жалобой въ глазахъ!

Они молчатъ. Отецъ смотритъ на угли костра. Эолъ—на звѣзды неба.

СТАРИКЪ.

А брата своего, Урбина, не встрѣчалъ?

ЭОЛЪ.

Онъ бродитъ по горамъ...

СТАРИКЪ.

Пора-бы ужъ вернуться...

ЭОЛЪ.

Онъ на горахъ... Тамъ, въ каменныхъ пещерахъ,
Есть кузница, сокрытая въ лѣсу...
И въ ней...

СТАРИКЪ.

Что въ ней?

ЭОЛЪ.

... И въ ней... живетъ кузнецъ...

СТАРИКЪ.

Конечно не одинъ? Кузнецъ вамъ не приманка...

ЭОЛЪ.

Да... Кажется, есть... дочь... Не знаю хорошенько...

СТАРИКЪ.

Не знаешь?.. Не скрывай... Я знаю хорошо,
Что женщина тамъ есть и что она—красива...

Какъ ночь—черна, глаза горятъ, какъ угли,
А зубы ровные сверкаютъ, словно жемчугъ
При синемъ блескѣ звѣздъ...
А губы красныя, какъ спѣющія вишни...

Эолъ удивленъ и смущенъ. Старикъ хитро ухмыляется.

ЭОЛЪ.

Ты, значитъ, видѣлъ Зойлу... Но когда-же?!.

СТАРИКЪ.

Жила она сто лѣтъ тому назадъ,
И будетъ жить, когда меня не будетъ.
Я знаю также ту, которую ты любишь...
Ты любишь утро ясное въ румяныхъ облакахъ,
Цвѣты въ росѣ и золотистыхъ блёсткахъ,
А тотъ—загадочную ночь и черный бархатъ неба
Съ холоднымъ блескомъ непонятныхъ звѣздъ...
Эолъ! Ты любишь утро...

Облака румянятся отъ утренней зари. Эолъ играетъ на свирѣли.

Я вамъ сварилъ обѣдъ...
Двухъ ворковавшихъ горлицъ я въ рощѣ подстрѣлилъ...
Такого блюда тамъ, за золотой рѣшеткой,
Навѣрное никто еще не ѣлъ...

ЭОЛЪ.

Мнѣ ѣсть не хочется... Я счастьемъ сытъ, отецъ...

СТАРИКЪ.

Эхъ, счастье никогда людей не насыщаетъ...
Отъ блюда моего, братъ, вѣетъ волей птицъ,
Зеленой тайной лѣса и ароматомъ травъ...
Поѣшь и отдохни... И ты увидишь сонъ,
Какіе снятся только вамъ, влюбленнымъ!..

ЗОЛЪ.

Дрожитъ тревога въ сердцѣ, сладкая тревога...
Зачѣмъ мнѣ спать? Я грезилъ на яву:
Я видѣлъ сонъ за золотой рѣшеткой,
Гдѣ прячутся въ ажурныхъ кипарисахъ
Дворцы изъ золота, камней и хрусталя!..

СТАРИКЪ.

Что-жъ, золото тебя плѣняетъ, какъ и тѣхъ...
Рабовъ, брящающихъ желѣзными цѣпями?

ЗОЛЪ.

Да нѣтъ! Тамъ, въ глубинѣ аллей, межъ стройныхъ кипарисовъ,
Среди цвѣтовъ душистыхъ, я увидѣлъ сонъ...

СТАРИКЪ.

Съ румяными щеками? Знаю, знаю...

ЗОЛЪ.

Съ тоской въ душѣ и съ жалобой въ глазахъ!
Она груститъ о волѣ птицъ и о далекихъ странахъ,
И носитъ въ сердцѣ жажду поклониться
Далекимъ и невѣдомымъ богамъ...

СТАРИКЪ.

Бѣда лишь въ томъ, что сонъ твой—за рѣшеткой,
Высокой, золотой и острой—какъ шипы...

ЗОЛЪ.

Ее я вырву съ корнемъ, какъ цвѣтокъ,
И унесу ее... Она пойдетъ за нами!
Она, съ тоской въ душѣ... Она пойдетъ, пойдетъ!..

Едва скользнувъ по милому лицу
И всякій разъ, когда ея улыбка
Сверкнетъ какъ радость или какъ печаль,—
Здѣсь, въ сердцѣ, зажигается тревога
И хочется смотрѣть въ ея глаза
И снова ждать улыбки на губахъ...
Какъ долго я ходилъ—смотрѣлъ черезъ рѣшетку!..
Теперь преграды нѣтъ: она мнѣ ключъ дала..

Показываетъ отцу золотой ключъ, отецъ беретъ его и разсматриваетъ съ большимъ любопытствомъ... Эолъ безпокоится за ключъ:

ЭОЛЪ.

Давай мой ключъ!

СТАРИКЪ.

Ты побѣждать умѣешь!..
Скажи-же, наконецъ, кого ты побѣдилъ
И, побѣдивши, самъ остался побѣжденнымъ?
Кому ты сердце далъ въ залогъ за этотъ ключъ?

ЭОЛЪ.

Не знаю... Дѣвушкѣ. какъ солнце, свѣтлой, доброй.
Съ загадочной тоской, ушедшей вглубь души,
И съ нѣжной жалобой въ глазахъ, какъ море—
синихъ!
А какъ ее зовутъ... и кто она...—не знаю...
Не все-ли мнѣ равно?

СТАРИКЪ.

Мечтательный Эолъ!..
Тамъ, за рѣшеткой, умираютъ люди,
Какъ попугаи въ золоченыхъ клѣткахъ...
И женщины любить тамъ не умѣютъ...

ЭОЛЪ.

Ахъ нѣтъ! Не говори! Она совсѣмъ другая:
Она съ тоской въ душѣ и съ жалобой въ глазахъ!

Они молчатъ. Отецъ смотритъ на угли костра. Эолъ—на звѣзды неба.

СТАРИКЪ.

А брата своего, Урбина, не встрѣчалъ?

ЭОЛЪ.

Онъ бродитъ по горамъ...

СТАРИКЪ.

Пора-бы ужъ вернуться...

ЭОЛЪ.

Онъ на горахъ... Тамъ, въ каменныхъ пещерахъ,
Есть кузница, сокрытая въ лѣсу...
И въ ней...

СТАРИКЪ.

Что въ ней?

ЭОЛЪ.

... И въ ней... живетъ кузнецъ...

СТАРИКЪ.

Конечно не одинъ? Кузнецъ вамъ не приманка...

ЭОЛЪ.

Да... Кажется, есть... дочь... Не знаю хорошенько...

СТАРИКЪ.

Не знаешь?.. Не скрывай... Я знаю хорошо,
Что женщина тамъ есть и что она—красива...

СТАРИКЪ.

Любовь свободныхъ страхъ у нихъ рождаетъ...

Снова на башнѣ бьетъ колоколъ и ему вторятъ другіе, далекіе Въ амбразурѣ сторожевой башни появляется жрецъ и молится поднимая руки къ небесамъ. Старикъ и Эолъ удаляются въ шалашъ.

ЖРЕЦЪ.

Великій богъ вселенной, богъ Молохъ!
Рожденный изъ себя и все рождающій,
Хвала тебѣ, Молохъ!
Великій богъ вселенной, богъ Молохъ!
Свершивъ свой путь невидимый, ты снова
Рождаешься при яркомъ свѣтѣ утра!
Хвала тебѣ, Молохъ!
Великій богъ вселенной, богъ Молохъ!
Дай день властителямъ на радость и утѣхи,
А всѣмъ рабамъ на новый тяжкій трудъ!
Хвала тебѣ, Молохъ!
Хвала тебѣ, сіяющему въ небѣ!
Хвала тебѣ, создавшему рабовъ!
Хвала тебѣ, Молохъ!..

Проходящіе путники возжигаютъ огонь на жертвенникѣ Идола падаютъ передъ нимъ ницъ и молятся; потомъ они со страхомъ отходятъ... Жрецъ исчезаетъ. Издали, изъ дворцовъ за золотою рѣшеткой, доносится едва уловимый хаосъ звуковъ: музыки, пѣнія, пляски. Старикъ выглядываетъ изъ шалаша, потомъ выходитъ; за нимъ—Эолъ.

СТАРИКЪ.

Ушелъ служитель каменныхъ боговъ...
За золотой рѣшеткой пробудились
Въ дворцахъ изъ золота, камней и хрусталя...

ЭОЛЪ.

Тамъ пляшутъ и поютъ въ честь жаднаго Молоха...

Онъ страшенъ имъ, руками сотворенный!..
Онъ, мертвый истуканъ, пьетъ кровь живыхъ людей!..

СТАРИКЪ.

Руками созданный... онъ отъ руки погибнетъ!..

ЭОЛЪ.

Тамъ пляшутъ и поютъ...

СТАРИКЪ.

И въ оргіяхъ распутства забываютъ,
Что плачутъ здѣсь умѣющіе плакать!..

ЭОЛЪ.

Что слезы наши имъ?! Она мнѣ говорила,—
Та дѣвушка съ тоскующей душой,—
Когда дѣтей рабовъ къ проклятому Молоху
Ведутъ и, плачущихъ, ввергаютъ ихъ въ огонь,—
Слезинки чистыя внезапно застываютъ
И, превратясь въ алмазы дорогіе,
Спадаютъ съ пламенѣющихъ рѣсницъ...
Всѣ храмы ихъ, дворцы и колоннады
Алмазами блестятъ...

СТАРИКЪ.

Есть тамъ еще рубины...
То—каплями свернувшаяся кровь...

Откуда-то стремительно выходитъ смуглый юноша. Онъ весь—порывъ и огонь; орлиный взоръ его напоминаетъ приближающуюся бурю.

Ну вотъ и нашъ Урбинъ! Тебя мы поджидаемъ...

Урбинъ взволнованъ. Недовольно глядя на брата, онъ словно не замѣчаетъ отца.

УРБИНЪ.

Что-жъ ты не приходилъ? Тебя мы долго ждали...
Боялись, что и ты погибъ тамъ, у стѣны..

СТАРИКЪ.

Онъ новый путь открылъ...

ЭОЛЪ.

Товарищей схоронили?

УРБИНЪ.

Мы отняли ихъ трупы у враговъ
И тамъ, въ горахъ, среди угрюмыхъ сосенъ,
Въ одной могилѣ братской схоронили...

Всѣ стоятъ нѣсколько мгновеній молча, съ опущенными головами, съ печалью во взорѣ.

Погибъ твой другъ, веселый сынъ полей!
Погибъ молотобоецъ чернокудрый...
Погибла дѣвушка съ веселыми глазами...

Эолъ, вздрогнувъ, приподнимаетъ голову и вспоминаетъ что-то

Та—помнишь? дѣвушка, которая весною
Все слушала какъ пѣлъ ты тамъ, въ долинѣ!..

ЭОЛЪ.

...Съ большими синими, какъ васильки, глазами. .

УРБИНЪ.

И, умирая, тихо повторяла
Все чье-то имя... Кажется, твое!..

ЭОЛЪ.

Мое?..

УРБИНЪ.

Тебя мы долго ждали...

Эолъ пораженъ и словно въ чемъ-то виноватъ. Онъ смотритъ въ землю и голосъ его дѣлается тихимъ.

ЭОЛЪ.

Ты былъ тамъ, у стѣны, гдѣ всѣ они погибли?

УРБИНЪ

Мы всѣ тамъ были..

СТАРИКЪ.

Всѣ они погибли...

УРБИНЪ.

На острыхъ отколовшихся камняхъ
Остались кровь и мозгъ... И каплями стекая,
По выбоинамъ стѣнъ,
Кровь красными значками записала
Всѣ имена погибшихъ славной смертью...

Угрюмо молчитъ и, послѣ долгой паузы, съ упрекомъ подымаетъ взоръ на брата.

Тебя мы долго ждали...

СТАРИКЪ.

Придутъ рабы и смоютъ эту кровь,
Пескомъ сотрутъ, и вложатъ новый камень...
И не останется ни знаковъ, ни могилъ!..
А въ памяти рабовъ нѣтъ мѣста для безумныхъ!..

ЭОЛЪ.

...Съ большими синими, какъ васильки, глазами...

Внезапно воспламеняется; глаза его загораются грознымъ блескомъ.

Мы имъ отмстимъ, Урбинъ!..

УРБИНЪ.

Кровавыми слезами тамъ заплачутъ!

Слезами матерей, слезами женъ и маленькихъ дѣтей
Они поймутъ имъ чуждыя страданья!..

Эолъ подходитъ ближе къ брату и начинаетъ говорить страстнымъ шопотомъ:

ЭОЛЪ.

Мы имъ отмстимъ... Вотъ видишь этотъ ключъ?
Тамъ, въ золотой рѣшеткѣ, у оврага,
Есть тайныя ворота... Понимаешь?

УРБИНЪ.

Что месть!.. Разрушить надо стѣну,
Разбить ихъ идоловъ, оковы снять съ рабовъ
И вывести измученныхъ отсюда...

ЭОЛЪ.

Послушай! Тамъ, въ садахъ, среди дворцовъ хрустальныхъ,
Есть ходы тайные,—ведутъ они за стѣны...
Вотъ ключъ въ сады... Пускай рабы бѣгутъ!..

СТАРИКЪ.

Нѣтъ, рабъ не убѣжитъ, какъ человѣкъ отъ тѣни,—
Покамѣстъ онъ звенитъ желѣзными цѣпями
И передъ Идоломъ валяется въ пыли...
Разбейте идоловъ, снимите цѣпи съ ногъ...
О, если-бы я сдѣлать это могъ!..

Урбинъ встряхнулъ головой и преобразился... Онъ весь огонь и во взорѣ его сверкаетъ молнія далекой грозы.

УРБИНЪ.

Тамъ, на синихъ горахъ,
На высокихъ скалахъ,
Собралися орлы со всѣхъ странъ!..

Куда нам [illegible]
Куда ты [illegible]—
И у всех [illegible] струятся [illegible]...
Пойдем с нами и ты—
Посмотреть [illegible]
Въ [illegible] [illegible] [illegible]
Но [illegible] нам [illegible]
Это—[illegible]
Ихъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

ПАРИЖЪ.

Тамъ, на [illegible]
На высокихъ скалахъ,
Собралися орлы со всѣхъ странъ...

На небѣ разгорается кровавымъ пламенемъ утренняя заря. Вдали все громче звучатъ обрывки музыки, пѣсенъ и пляски.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Лунная ночь. Мрачное ущелье съ далекимъ узкимъ просвѣтомъ въ небеса. Скаты ущелья и дно его въ густыхъ зарослях папоротниковъ, уродливыхъ кактусовъ и какихъ-то странныхъ ползучихъ растеній. Надъ ущельемъ—мраморныя колонны, переплетенныя золотой рѣшеткой; изъ-за ограды поднимаютъ къ небесамъ свои вершины стройные и величавые кипарисы дворцовыхъ садовъ... Тамъ глухо звучатъ поющія арфы. Лунный свѣтъ дрожитъ въ ажурныхъ кипарисахъ, играетъ синеватымъ огнемъ на мраморѣ колоннъ и наполняетъ мрачное ущелье таинственнымъ дрожаніемъ тѣней и бликовъ... Тихо вокругъ... Ночь плыветъ, спокойная и величавая... Звенитъ ключъ, тихо отворяется потайная дверь ограды: появляется Эолъ въ драгоцѣнныхъ тканяхъ и стройная бѣлокурая дѣвушка въ блѣдно-розовой ткани... Дѣвушка оборачивается къ Эолу и молчаливая улыбка долго играетъ на ея лицѣ...

МИЛЬДА.

Когда ты здѣсь, со мной,—тоскую, что уйдешь...
Когда уйдешь,—сгораю отъ огня воспоминаній!..
И все мнѣ кажется, что *всю* мою любовь,
Весь трепетъ и огонь, *всю* грусть ея и радость,
Неутолимую, какъ жажда въ знойный полдень,
Я не умѣю и не знаю, какъ отдать!..
И руки эти, что тебя сжимаютъ,
И губы эти, что тебя цѣлуютъ,
И блѣдныя слова, слетающія съ нихъ—
Безсильны передать тоску моей любви,
Неутолимую, какъ жажда въ знойный день...

Мильда обвиваетъ тонкими руками шею Эола и такъ они стоятъ нѣсколько мгновеній, неподвижные, какъ мраморное изваяніе.

подъ луннымъ свѣтомъ... Потомъ Мильда откидываетъ голову и пристально, съ лаской во взорѣ, смотритъ въ лицо Эола.

Скажи: кто ты? откуда ты пришелъ?

ЭОЛЪ.

Изъ той страны, которую ты часто въ грёзахъ видишь,
Гдѣ люди вольные и легкіе, какъ птицы,
На сильныхъ крыльяхъ носятся, не зная страха жизни...
Кто я... и какъ меня зовутъ?.. Спроси объ этомъ сердце,
Спроси его, о чемъ оно груститъ,
Когда рабы идутъ, звеня желѣзной цѣпью!..

Мильда сперва смотритъ на Эола недоумѣвающимъ взоромъ, потомъ радостно улыбается и наивно, по-дѣтски, спрашиваетъ Эола:

МИЛЬДА.

Такихъ, какъ-ты, свободными зовутъ?

Опускаетъ руки и съ восхищеніемъ смотритъ на Эола.

Какое счастіе свободнаго любить!..

Очень далеко перекликаются сторожевые колокола. Эолъ пробуждается...

ЭОЛЪ.

Сейчасъ придетъ отецъ и ты его проводишь...

МИЛЬДА.

Все сдѣлаю, что скажешь мнѣ, мой голубь!
Владѣй моей душой: она—твоя рабыня...

ЭОЛЪ.

Не говори такъ, Мильда...

МИЛЬДА.

Отчего?

ЭОЛЪ.

Душа отъ рабства вянетъ, какъ цвѣтокъ безъ солнца.

МИЛЬДА.

Ну хорошо... Не буду... Не сердись!..

Эолъ озабоченъ. Онъ цѣлуетъ руки Мильды, а думаетъ о другомъ.

ЭОЛЪ.

Мнѣ пора сойти туда, подъ гору:
Тамъ я встрѣчу старика-отца...

МИЛЬДА.

Подождать мнѣ здѣсь, у тайной двери,
Или ты... позволишь... проводить тебя?

ЭОЛЪ.

Если хочешь... Если не боишься...

МИЛЬДА.

Нѣтъ. Эолъ, съ тобою хоть въ огонь!..

Тихо спускаются на дно ущелья, помогая другъ другу, то появляясь, то исчезая въ кустахъ и за каменными глыбами... На уступѣ скалы оба пріостанавливаются... Мильда смотритъ на небо...

Какая ночь! Взгляни, какъ ярко свѣтятъ звѣзды!

ЭОЛЪ

Онѣ привѣтъ намъ посылаютъ....

МИЛЬДА.

И нашъ союзъ хотятъ благословить...
О, какъ тебя люблю! Взгляни въ мои глаза:

Они, мои глаза, тебя повсюду ищутъ...
Мнѣ скучно безъ тебя! невыносимо грустно!

ЭОЛЪ.

У васъ тамъ вѣчный пиръ: мѣшаетъ онъ грустить.

МИЛЬДА.

Нѣтъ. Въ этомъ сонмѣ лицъ, среди гостей блестящихъ,
Въ потокѣ музыки, веселья, смѣха, словъ—
Одна лишь мысль: тебя скорѣй увидѣть,
Услышать твою рѣчь и, обмѣнявшись взглядомъ,
Подъ нимъ затрепетать и улетѣть куда-то...

Оба исчезаютъ въ темной безднѣ ущелья. Какъ музыка звучитъ въ тихомъ мракѣ голосъ Мильды:

Безжалостенъ законъ страны моей родной:
Караетъ смертью онъ такихъ, какъ я, преступницъ....
За что? Любить, какъ я люблю, безцѣльно, безсвѣтно—
Да развѣ это грѣхъ?

ЭОЛЪ.

Природа и любовь такихъ грѣховъ не знаютъ...

МИЛЬДА.

Но пусть! Я не боюсь... За мигъ такого счастья
Я жизнь отдамъ... Не жаль... О, нѣтъ, не жаль, мой голубь!..

ЭОЛЪ.

Звѣзда скатилась съ неба... вотъ другая!..
Онѣ землѣ разскажутъ нашу тайну...

МИЛЬДА.

Не бойся и цѣлуй! Цѣлуй скорѣй! Пусть смотрятъ...

Появляются на выступѣ ущелья, около большого, обросшаго мохомъ, камня.

ЭОЛЪ.

Вотъ здѣсь мы подождемъ.

МИЛЬДА.

Какой сердитый камень!..
Сѣдой, въ морщинахъ... вѣрно, онъ старикъ...

Садится на камень. Эолъ безпокойно прислушивается и вглядывается въ темноту ущелья.

ЭОЛЪ.

Сейчасъ придетъ отецъ и ты его проводишь...

МИЛЬДА.

Да. Провожу...

ЭОЛЪ.

Укажешь подземелье
И съ факеломъ проводишь до стѣны...

МИЛЬДА.

А онъ, отецъ, зачѣмъ отъ насъ уходитъ?

ЭОЛЪ.

Далекò, за темной бездной ночи,
За песками жгучими пустыни,
За горами, за туманомъ синимъ,
Есть страна, гдѣ солнце не заходитъ...
Ласково тамъ плещетъ въ берегъ море,
Синее, глубокое, какъ небо,
И разсказываетъ море людямъ сказки,
Трепеща на солнцѣ въ золотомъ сіяньи...
Нѣтъ тамъ стѣнъ и нѣтъ высокихъ башенъ...

Они, мои глаза, тебя повсюду ищутъ...
Мнѣ скучно безъ тебя! невыносимо грустно!

ЭОЛЪ.

У васъ тамъ вѣчный пиръ: мѣшаетъ онъ грустить.

МИЛЬДА.

Нѣтъ. Въ этомъ сонмѣ лицъ, среди гостей блестящихъ,
Въ потокѣ музыки, веселья, смѣха, словъ—
Одна лишь мысль: тебя скорѣй увидѣть,
Услышать твою рѣчь и, обмѣнявшись взглядомъ,
Подъ нимъ затрепетать и улетѣть куда-то...

Оба исчезаютъ въ темной безднѣ ущелья. Какъ музыка звучитъ въ тихомъ мракѣ голосъ Мильды:

Безжалостенъ законъ страны моей родной:
Караетъ смертью онъ такихъ, какъ я, преступницъ....
За что? Любить, какъ я люблю, безцѣльно, безсвѣтно—
Да развѣ это грѣхъ?

ЭОЛЪ.

Природа и любовь такихъ грѣховъ не знаютъ...

МИЛЬДА.

Но пусть! Я не боюсь... За мигъ такого счастья
Я жизнь отдамъ... Не жаль... О, нѣтъ, не жаль, мой голубь!..

ЭОЛЪ.

Звѣзда скатилась съ неба... вотъ другая!..
Онѣ землѣ разскажутъ нашу тайну...

блескъ своего холоднаго сіянія. Въ садахъ, за оградой, грустно поютъ арфы. Мильда сидитъ, подперевъ голову руками..

Арфы такъ странно звучатъ,
Струны такъ сладко поютъ...
Кажется, плачутъ онѣ...
Грустно и такъ хорошо!..

Мильда плачетъ отъ счастья... Красный огонь все ближе. Кажется, онъ плаваетъ въ черной водѣ. Доносятся голоса приближающихся людей, а потомъ появляются и люди: Эолъ, Зойла, съ краснымъ фонаремъ въ рукѣ и съ кувшиномъ на плечѣ, и Старикъ въ одеждѣ ветхозавѣтнаго пророка, съ высокимъ посохомъ; Зойла—въ черныхъ тканяхъ, босая.

ЭОЛЪ.

Здѣсь много змѣй и гадовъ ядовитыхъ...

ЗОЙЛА.

Они боятся краснаго огня.

ЭОЛЪ.

Храните тишину: тамъ, на горѣ, не спятъ...

ЗОЙЛА.

О! тамъ всегда пируютъ...

СТАРИКЪ.

Сказалъ Господь: „я сдѣлаю имъ пиръ
И упою ихъ всѣхъ, чтобы, повеселившись,
Они заснули крѣпкимъ сладкимъ сномъ,
И чтобы на зарѣ они не пробуждались...
Я сдѣлаю имъ день: падутъ твердыни стѣнъ
И съ ужасомъ земля вся содрогнется,
И шумъ паденія услышатъ небеса!“

Мильда вздрагиваетъ и прячетъ слезы счастья. Услыша голоса, она привстаетъ и смотритъ въ темноту.

МИЛЬДА.

Ихъ кажется, тамъ трое...

Золъ, Зойла и Старикъ подходятъ къ камину.

ЗОЛЪ.

Вотъ, Мильда, мой отецъ!

СТАРИКЪ.

Будь счастлива, дитя!

Мильда озираетъ Зойлу пугливыми глазами. Зойла смотритъ гордо.

МИЛЬДА.

Благодарю... А эта дѣвушка?

ЗОЛЪ.

А эта дѣвушка?.. Она..

ЗОЙЛА.

Дочь кузнеца!

Золъ съ отцомъ тихо бесѣдуютъ въ отдаленіи, предъ разлукой; двѣ женщины, бѣлокурая и черная, стоятъ другъ противъ друга. Мильда смотритъ съ безпокойнымъ любопытствомъ, иногда переходящимъ въ страхъ: Зойла—гордо, съ оттѣнкомъ пренебреженія и насмѣшки.

МИЛЬДА.

Свѣтъ фонаря въ твоихъ глазахъ играетъ...
Они какъ угли въ очагѣ сверкаютъ.

ЗОЙЛА.

Вѣдь я—дочь кузнеца... Я угли раздуваю,
И искры отъ углей мнѣ прыгаютъ въ глаза!..

МИЛЬДА.

Красивая, какъ ночь...

ЗОЙЛА.

Нѣтъ, черная, какъ уголь...
И такъ-же жгусь, когда меня зажгутъ...

Мильда улыбается и лицо ея озаряется восхищеніемъ.

МИЛЬДА.

Эолъ! Ты не обжегся?

ЗОЙЛА.

Ты видишь: онъ король, а я—дочь кузнеца,
А короли углей не зажигаютъ...

МИЛЬДА.

Ты странная... Ты черная... А какъ тебя зовутъ?

ЗОЙЛА.

Я родилась отъ голода и вашего обжорства,
Я родилась отъ золота и нашей нищеты...
Дочь гордаго страданія и слезъ я!
Дочь смѣха вашего и нашихъ вѣчныхъ стоновъ...
Зови меня, какъ хочешь!.. ха-ха-ха!..

МИЛЬДА.

Ты страшная...

ЗОЙЛА.

А, можетъ быть, смѣшная?
Когда ты плачешь тамъ, я весело смѣюсь,
И плачу всякій разъ, когда ты тамъ смѣешься!.

МИЛЬДА.

А тамъ, въ кувшинѣ, что ты принесла?

МИЛЬДА.

Ихъ, кажется, тамъ трое...

Эолъ, Зойла и Старикъ подходятъ къ камню.

ЭОЛЪ.

Вотъ, Мильда, мой отецъ!

СТАРИКЪ.

Будь счастлива, дитя!

Мильда озираетъ Зойлу пугливыми глазами. Зойла смотритъ гордо.

МИЛЬДА.

Благодарю... А эта дѣвушка?

ЭОЛЪ.

А эта дѣвушка?.. Она..

ЗОЙЛА.

Дочь кузнеца!

Эолъ съ отцомъ тихо бесѣдуютъ въ отдаленіи, предъ разлукой; двѣ женщины, бѣлокурая и черная, стоятъ другъ противъ друга. Мильда смотритъ съ безпокойнымъ любопытствомъ, иногда переходящимъ въ страхъ: Зойла—гордо, съ оттѣнкомъ пренебреженія и насмѣшки.

МИЛЬДА.

Свѣтъ фонаря въ твоихъ глазахъ играетъ...
Они какъ угли въ очагѣ сверкаютъ.

ЗОЙЛА.

Вѣдь я—дочь кузнеца... Я угли раздуваю,
И искры отъ углей мнѣ прыгаютъ въ глаза!..

МИЛЬДА.

Красивая, какъ ночь...

ЗОЙЛА.

Нѣтъ, черная, какъ уголь...
И такъ-же жгусь, когда меня зажгутъ...

Мильда улыбается и лицо ея озаряется восхищеніемъ.

МИЛЬДА.

Эолъ! Ты не обжегся?

ЗОЙЛА.

Ты видишь: онъ король, а я—дочь кузнеца,
А короли углей не зажигаютъ...

МИЛЬДА.

Ты странная... Ты черная... А какъ тебя зовутъ?

ЗОЙЛА.

Я родилась отъ голода и вашего обжорства,
Я родилась отъ золота и нашей нищеты...
Дочь гордаго страданія и слезъ я!
Дочь смѣха вашего и нашихъ вѣчныхъ стоновъ...
Зови меня, какъ хочешь!.. ха-ха-ха!..

МИЛЬДА.

Ты страшная...

ЗОЙЛА.

А, можетъ быть, смѣшная?
Когда ты плачешь тамъ, я весело смѣюсь,
И плачу всякій разъ, когда ты тамъ смѣешься!.

МИЛЬДА.

А тамъ, въ кувшинѣ, что ты принесла?

ЗОЙЛА.

Тамъ кровь.

МИЛЬДА.

Тамъ кровь?!

ЗОЙЛА.

Чего-жъ ты испугалась?

МИЛЬДА.

Зачѣмъ-же тебѣ... кровь?

ЗОЙЛА.

Конечно, не затѣмъ, чтобъ жажду утолять...

Мильда содрогается, отступаетъ отъ Зойлы и кого-то ищетъ испуганными глазами.

МИЛЬДА.

Эолъ! Эолъ! Эолъ!..

Эолъ подбѣгаетъ къ Мильдѣ, она жмется къ нему, какъ ребенокъ къ матери.

ЗОЙЛА.

Она боится крови...

ЭОЛЪ.

Не дрожи!..

МИЛЬДА.

Тамъ... кровь!

СТАРИКЪ.

Она святая...
Тамъ кровь отважныхъ, молодыхъ и гордыхъ,
Погибшихъ славной смертью у стѣны...

ЗОЙЛА.

И кровь погибшихъ на огнѣ у вашего Молоха...
Нá, посмотри!

МИЛЬДА.

Ахъ, нѣтъ!..

ЭОЛЪ.

Она боится, Зойла!..

СТАРИКЪ.

По каплямъ собирали мы ее въ теченіе вѣковъ
И многіе, сбирая, сами гибли...

МИЛЬДА.

Зачѣмъ вамъ кровь?

СТАРИКЪ.

Свѣтильники зажечь въ пустынѣ нашей жизни.

ЭОЛЪ.

Я говорилъ тебѣ: отецъ пойдетъ искать...

МИЛЬДА.

Дорогу? Да, я знаю...

ЭОЛЪ.

И уходя отъ насъ, онъ красными огнями
Укажетъ путь рабамъ...

МИЛЬДА.

Да, да, ты говорилъ!
Пусть будетъ такъ, какъ хочешь!..

ЗОЙЛА.

Какъ вамъ, Эолъ, угодно, такъ и будетъ!..

ЭОЛЪ.

Оставь насмѣшки, Зойла! Ты—жестока...

МИЛЬДА.

Ты странная...

ЗОЙЛА.

А, можетъ быть, смѣшная?

Бьютъ далекіе сторожевые колокола; всѣ замолкаютъ. Послѣдній ударъ теряется въ ночномъ молчаніи.

ЭОЛЪ.

Пора, отецъ! Иди! Она тебя проводитъ.
Быть можетъ, ты уйдешь и больше не вернешься:
Дай—посмотрю въ твое лицо,—я въ сердцѣ его спрячу!..

СТАРИКЪ.

Прощай, Эолъ! Останься пастухомъ
И въ спутники страхъ жизни не бери!..

Отецъ обнимаетъ Эола... Мильда грустно смотритъ на нихъ. Зойла приготовляетъ кувшинъ и фонарь.

Что смерть? И на холмѣ могильномъ
Растетъ трава и могутъ быть цвѣты...
Смотри впередъ! Иди къ орламъ на горы
И тамъ гнѣздо свое на скалахъ съ ними вей!..
Наступитъ день: во тьмѣ глубокой ночи
Въ пустыняхъ вспыхнутъ красные огни...
Смотри и помни: гдѣ-то... тамъ... отецъ
Ждетъ сына гордаго... И если не дождется,
То значитъ,—онъ погибъ... и больше не живетъ...

Что смерть? И на холмѣ могильномъ
Растетъ трава...

Старикъ никнетъ головой на плечо Эола. Тотъ беззвучно цѣлуетъ ему сѣдую голову. Мильда потихоньку плачетъ.

ЗОЙЛА.

Ты плачешь, нѣжная?

МИЛЬДА.

Мнѣ жалко ихъ обоихъ...

СТАРИКЪ.

Ну, Зойла... Я иду... угрюмая дочь скалъ!
Тебѣ свой старый посохъ я вручаю...
Побереги его: я съ нимъ всю жизнь прошелъ...

Зойла съ благоговѣніемъ принимаетъ посохъ, кланяется Старику и отходитъ.

Прощайте, звѣзды неба мнѣ родного!
Ведите странника въ далекій край земли!
Вы первыя мнѣ въ сердце заронили
Тревогу объ иныхъ мірахъ и странахъ,
И, глядя пристально съ далекой высоты,
Заснуть душѣ моей вы помѣшали!..

Подходитъ къ Мильдѣ и кладетъ ей руку на голову.

Дитя! Ты вся —любовь, и въ ней ты велика!
Подъ сводами въ землѣ, гдѣ нѣтъ далекихъ звѣздъ,
Гдѣ мракъ и ночь, гдѣ сердце только видитъ,
Ты проведешь меня, дитя святой любви!..

МИЛЬДА.

Пойдемъ... Я помогу: я понесу кувшинъ...

Мильда хочетъ взять кувшинъ, но Зойла вскакиваетъ и не даетъ.

ЗОЙЛА.

Ты—нѣжная... Смотри: твоя рука дрожитъ,
Она привыкла къ арфѣ и къ цвѣтамъ...
Возьми фонарь! Кувшина я не дамъ...

Мильда беретъ фонарь, а Зойла ставитъ кувшинъ на свое плечо и съ посохомъ идетъ за Мильдой. За ними слѣдуетъ Старикъ. Эолъ остается на камнѣ. Мильда оглядывается назадъ.

МИЛЬДА.

Эолъ остался... Я сейчасъ вернусь!..

Торопливо возвращается къ Эолу, взволнованная и спѣшащая.

Не забывай меня!.. Когда настанетъ время
И вы, свободные, пойдете въ дальній путь,
Ты не забудь меня... Смотри-же, не забудь!!.
А если не возьмешь,—я здѣсь умру съ тоски...

ЭОЛЪ.

Оставь свою тревогу... И ты пойдешь! и ты!..

Мильда, оглянувшись на ушедшихъ, торопливо склоняется и цѣлуетъ Эола.

Еще одинъ разокъ! Темно: они не видятъ...
Не хмурься!.. Я иду.. и буду вспоминать...

Оторвавшись, идетъ къ Старику и Зойлѣ. Они идутъ по извилистой тропѣ среди кактусовъ, папоротниковъ и ползучихъ растеній. Красный огонекъ шевелится въ темнотѣ, то пропадаетъ, то опять появляется. Скоро онъ загорается около потайной двери. Здѣсь Зойла отдаетъ кувшинъ Старику и тотъ вмѣстѣ съ Мильдой скрывается за оградой. Зойла идетъ обратно. До возвращенія Зойлы, Эолъ сидитъ на камнѣ въ грустномъ раздумьи. Въ садахъ играютъ арфы. Эолъ произноситъ обрывки кружащихся въ его головѣ думъ.

ЭОЛЪ.

...Ахъ, Мильда, Мильда! Ты совсѣмъ слѣпая!..
...Гдѣ мракъ и ночь, гдѣ сердце только видитъ,—

...Ты проведешь меня...
...И, если не дождется, то значитъ,—онъ погибъ..

Зойла появляется около камня; Эолъ, заслыша шумъ, встряхиваетъ головой.

Ушли?

ЗОЙЛА.

Ушли... А ты сидишь и предаешься грусти?

ЭОЛЪ.

Мнѣ музыка ласкаетъ, Зойла, душу...
Присядь! Послушаемъ, какъ тамъ рыдаютъ арфы!..

ЗОЙЛА.

Пожалуй, скоро ты, какъ женщина оттуда,
Украдкой станешь слезы утирать?..

ЭОЛЪ.

Зачѣмъ ты такъ жестока? Зойла! Зойла!..

ЗОЙЛА.

Я не люблю, когда мужчина плачетъ.
Своей любовью приторной ты мнѣ напоминаешь
Избитаго и прогнаннаго пса!..
Тебѣ-бы тамъ родиться, за рѣшеткой...

Эолъ грустно улыбается и встаетъ съ камня.

ЭОЛЪ.

Пойдемъ!..

ЗОЙЛА.

Куда съ тобой пойдешь?..
Ты—ласковый теленокъ...

ЭОЛЪ.

Зойла, Зойла!..

ЗОЙЛА.

Сиди, и слушай, какъ они пируютъ!

Зойла уходитъ, карабкаясь по глыбамъ камней. Эолъ, съ опущенной головою, слѣдуетъ позади. На краю ущелья Зойла останавливается и грозитъ рукою мраморнымъ колоннамъ.

Пируйте вы, исчадье сатаны!
И смѣйтесь вы, съ блудницами своими!
Сокъ жизни пейте въ золотыхъ сосудахъ!
Упейтесь имъ и спите до зари!..
Мы сдѣлаемъ вамъ день: падутъ твердыни стѣнъ
И съ ужасомъ земля вся содрогнется...
И шумъ паденія услышатъ небеса!..
Пируйте вы!.. Исчадье сатаны!..

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Кручи орлиныхъ горъ, облитыхъ розоватымъ отблескомъ вечерней зари. Причудливыя скалы и каменныя глыбы чередуются съ вершинами красныхъ сосенъ, съ похожими на большихъ змѣй вѣтвями. Орелъ кружится надъ горами. Въ темной пасти пещеры—кузница... Съ долинъ, спрятанныхъ повисшими на скалахъ облаками, вьется вверхъ тропа, развѣтвляясь по скатамъ, то спускаясь, то заползая вверхъ Вдали, на вершинѣ горъ, какъ чугунное изваяніе на пьедесталѣ, рисуется фигура Зойлы... Зойла напряженно вглядывается въ тускнѣющія дали гдѣ, чуть-видные, встаютъ блѣдными призраками изломы древнихъ стѣнъ. Вѣтеръ треплетъ черную ткань одежды и развѣваетъ волосы Зойлы. На плоскогорьи передъ кузницей сидитъ слѣпой кузнецъ, сухой старикъ съ мускулистыми руками, точно бронзовый, а рядомъ, на камнѣ,—Мильда въ блѣдно-розовой ткани и въ сандаліяхъ, съ лютней на колѣняхъ... Старикъ говоритъ съ Мильдой ласковымъ голосомъ отца съ дочерью. Голосъ Мильды звучитъ, какъ голосъ ребенка...

КУЗНЕЦЪ.

...И ты разбила каменнаго бога?

МИЛЬДА.

Да, дѣдушка... Мнѣ такъ велѣлъ старикъ.
Отецъ Эола, что ушелъ въ далекій край, за стѣны...

КУЗНЕЦЪ.

И богъ разсыпался, какъ каменная кукла?

МИЛЬДА.

Да, дѣдушка, разсыпался... А было очень страшно!..

Дрожали руки, трепетало сердце...
И долго я ударить не рѣшалась...

КУЗНЕЦЪ.

Боялась, милая?

МИЛЬДА.

Боялась очень сильно...
Взмахну рукой и опущу сѣкиру!..
Покажется, что богъ дрожитъ отъ гнѣва,
И опущу глаза...

КУЗНЕЦЪ.

А онъ дрожалъ отъ страха.

МИЛЬДА.

...А сердце бьется, бьется,
Какъ птица бьется крыльями о клѣтку...

КУЗНЕЦЪ.

И все-таки разбила...

МИЛЬДА.

Да, разбила...
Взглянула въ небо, увидала звѣзды...
И вдругъ мнѣ показалось, что онѣ
Мнѣ ласково такъ сверху подмигнули...
И я, закрывъ глаза, ударила съ размаху!..

КУЗНЕЦЪ.

Вотъ такъ? Какъ молотомъ—каленое желѣзо?!

МИЛЬДА.

И страхъ вдругъ, дѣдушка, совсѣмъ-совсѣмъ прошелъ...

Свалилась голова у истукана,
Я засмѣялась и ударила еще!

КУЗНЕЦЪ.

Такъ, такъ...

Кузнецъ радостно киваетъ головой; Мильда возбужденно смѣется

МИЛЬДА.

Разбила чрево... Ха-ха-ха!..

КУЗНЕЦЪ.

Такъ, такъ!..

МИЛЬДА.

Потомъ опять я въ небо посмотрѣла
И радостно мнѣ звѣзды засмѣялись...
Я въ руки голову холодную взяла
И плюнула въ тѣ мертвые глаза,
Которые меня недавно такъ пугали!..

КУЗНЕЦЪ.

И убѣжала?

МИЛЬДА.

Къ вамъ! сюда!.. къ Эолу...
Взяла лишь лютню, больше ничего!..

КУЗНЕЦЪ.

Ну счастье, что ушла... Они-бы растерзали!
Ахъ, смѣлая! Поди ко мнѣ поближе
И дай тебя коснуться и понять!..

Мильда, легкая и гибкая, скользитъ съ камня и становится на колѣни около стараго кузнеца, отложивъ лютню въ сторону. Кузнецъ ласкаетъ ее по головѣ и рукамъ, беретъ ея руки въ свои.

Ты, какъ ребенокъ... Нѣжная какая!..
И руки у тебя, какъ вѣтки молодыя!..
И этими руками ты разбила,
Чему молились цѣлые вѣка
И передъ чѣмъ рабы земли дрожали?!

Начинаетъ жадно цѣловать у Мильды руки. Мильда старается ихъ высвободить.

МИЛЬДА.

Ахъ, что ты, дѣдушка!.. Нельзя это... Не надо!
Мнѣ стыдно: у тебя—сѣдая борода...

КУЗНЕЦЪ.

Ахъ, руки милыя, какъ вѣтки молодыя!..

Выпускаетъ руку Мильды. Мильда отходитъ къ обрыву и грустно смотритъ вдаль.

МИЛЬДА.

Садится солнце, а Эола нѣтъ...

Садится на камень, спустивъ къ обрыву ноги; вздыхаетъ.

Эолъ! Эолъ! Я здѣсь, какъ сирота!..

Задумчиво смотритъ затуманенными глазами въ вечерѣющее небо.

И въ синемъ туманѣ небесъ,
И въ золотѣ, въ пурпурѣ тучъ,
Тамъ вѣчный и сладкій обманъ!..
Ты меркнешь, мой синій туманъ...

КУЗНЕЦЪ.

Пора разжечь огонь,—горнило приготовить.
Прохладу чувствую... Должно быть, солнце сѣло...

Поднимается съ земли и, согбенный, идетъ къ кузницѣ. Наткнувшись на брошенную лютню, пугается и взмахиваетъ руками, какъ птица крыльями.

Что тутъ?

МИЛЬДА.

Ахъ, это—лютня! лютня!..

Мильда отходитъ отъ обрыва и перекладываетъ лютню къ камнямъ.

КУЗНЕЦЪ.

У насъ здѣсь только вѣтеръ на свободѣ
Поетъ межъ скалъ и старыхъ хмурыхъ сосенъ,
Да Зойла пер'кликается съ орлами...
Да я порой, когда взгрустнется, вспомню,
Что молодъ былъ когда-то вѣдь и я!..
И замурлыкаю, какъ старый котъ на солнцѣ!..
Теперь ужъ старъ и слѣпъ, а прежде я, бывало...

МИЛЬДА.

Ты, дѣдушка, давно уже ослѣпъ?

КУЗНЕЦЪ.

Давно не вижу свѣта...
Когда я жилъ внизу, среди родныхъ полей,—
Ковалъ я для людей серпы, плуга и косы
И оба глаза потерялъ...

МИЛЬДА.

Ахъ, бѣдный!..

КУЗНЕЦЪ.

Но сдѣлавшись слѣпымъ, я все-таки былъ силенъ...
Меня схватили, въ подземелье завели
И, какъ Самсона, приковали къ камню...
И долго самъ сидѣлъ я на цѣпи
И цѣпи для другихъ ковалъ и днемъ и ночью!..

МИЛЬДА.

И что-же? Убѣжалъ? А кто тебѣ помогъ?

КУЗНЕЦЪ.

Помогъ?.. Да только время!..
Цѣпь перержавѣла и стала часто рваться;
Они ее чинили, да не крѣпко...
А дочка у меня все больше подрастала,
Да сильная, проворная, какъ дикая коза...
А гдѣ она?

МИЛЬДА.

Вонъ тамъ стоитъ, на скалахъ!

КУЗНЕЦЪ.

Все скачетъ по горамъ! все норовитъ повыше!..
Однажды ночью сторожа заснули,—
Она пришла, разбила цѣпь и вывела меня изъ подземелья...

Мильда съ грустью смотритъ въ лицо слѣпому старику.

МИЛЬДА.

Ни солнца, ни цвѣтовъ
Глаза твои не видятъ...

КУЗНЕЦЪ.

Глаза не видятъ, а душа прозрѣла.
Теперь я вижу дальше многихъ зрячихъ..

МИЛЬДА.

Но какъ-же? Ты—слѣпой?

КУЗНЕЦЪ.

Глаза моей души теперь сокрыты въ Зойлѣ...
Она мнѣ въ кузницѣ работать помогаетъ.

МИЛЬДА.

Позволь и мнѣ помочь! Сберу углей, зажгу ихъ...

КУЗНЕЦЪ.

Ты хочешь мнѣ помочь? Иди, иди,--попробуй!
Жаль,—руки у тебя какъ вѣтки молодыя...

Оба идутъ въ кузницу, гдѣ скоро загорается красный огонь. Зойла, спустившись съ вершинъ, идетъ къ кузницѣ, задѣваетъ ногой лютню и небрежно отталкиваетъ ее въ сторону... Зойла торопится.

ЗОЙЛА.

Отецъ! Гдѣ ты?.. Урбинъ ведетъ рабовъ...
Огонь зажги скорѣй и приготовь мнѣ молотъ!

Мильда выглядываетъ изъ кузницы и говоритъ, какъ ожидающій похвалы ребенокъ:

МИЛЬДА.

Мы угли разожгли... Не знаешь, гдѣ Эолъ?

ЗОЙЛА.

Что?

МИЛЬДА.

...Гдѣ Эолъ?

ЗОЙЛА.

Не знаю!..

МИЛЬДА.

Не знаешь .. Ахъ, Эолъ!..

Мильда скрывается въ кузницѣ. Зойла приближается къ обрыву и кому-то машетъ руками въ сильномъ возбужденіи.

ЗОЙЛА.

Идутъ! Они идутъ!
Углей—въ горнило больше!
Гдѣ—молотъ?..

Стремительно идетъ къ кузницѣ, откуда показывается Мильда съ молотомъ въ слабой рукѣ.

МИЛЬДА.

Вотъ онъ!

ЗОЙЛА.

Да нѣтъ! другой! тяжелый!..

Зойла съ раздраженіемъ идетъ въ кузницу... Гдѣ-то глухо звякаютъ цѣпи,—то рабы вползаютъ на горы. Изъ кузницы слышится энергичный голосъ Зойлы:

Вотъ онъ! Вставай, отецъ, къ мѣхамъ!
А ты, нарядная, уйди: ты намъ мѣшаешь...
Взяла-бы лютню вмѣсто молотка!..

Мильда съ лицомъ, испачканнымъ углемъ, выходитъ изъ кузницы; печальная, отходитъ въ сторону и, положивъ на колѣни лютню, смотритъ въ пространство. Солнце сѣло и ярче зашевелился красный огонь въ кузницѣ.

Ну, дуй сильнѣй! Не надо силъ жалѣть...
Работаемъ теперь мы для себя...
Клади желѣзо... разъ! (ударъ молота)
Эй! берегись желѣзнаго огня!..
Разъ два, разъ-два!.. (удары молота).

МИЛЬДА

Эолъ, Эолъ! Я здѣсь, какъ сирота...

Внизу шумъ голосовъ и звонъ желѣза... Появляется Урбинъ, за нимъ, одинъ за другимъ, влѣзаютъ рабы. Урбинъ словно пьяный.

УРБИНЪ.

Сюда! Наверхъ! За мной!
Пылаетъ пламя въ горнѣ...
Садитесь по скаламъ, какъ птицы на ночлегъ!

Изможденныя фигуры людей, истерзанныхъ, темныхъ, съ перевязками на головахъ, съ блуждающими взорами, однѣ съ кирками, другія съ лопатами, третьи съ косами, возбужденно махая руками и переговариваясь странными словами и жестами, разсаживаются по камнямъ и скаламъ, то по-одиночкѣ, то парами.

Совсѣмъ темно. Только блескъ звѣздъ да огонь изъ кузницы освѣщаютъ это логовище странныхъ людей.

Гдѣ Зойла?

Зойла выбѣгаетъ изъ кузницы съ молотомъ въ рукѣ.

ЗОЙЛА.

Здѣсь, Урбинъ!

УРБИНЪ.

Едва пробились... Пить!..
Скорѣе пить!.. Горю я...

Зойла едва сдерживаетъ порывъ—броситься на шею къ любимому человѣку: она прячетъ восторженную улыбку.

ЗОЙЛА.

Сейчасъ!.. Ты такъ красивъ...

Зойла бѣжитъ за водой. При появленіи Урбина Мильда поднимается съ мѣста и стоитъ, прислонясь къ скалѣ и пряча за спиной лютню. Она тревожно слушаетъ, что говорятъ. Зойла приноситъ воду. Урбинъ жадно пьетъ, а Зойла смотритъ на него влюбленными глазами.

Урбинъ! Да ты въ крови!..
Дожно быть, ты...

УРБИНЪ.

Пустое!..
Убилъ раба, который всѣхъ насъ предалъ...
Проклятый рабъ... Скорѣй огонь и молотъ!
А тамъ ты не была? Огней еще не видно?..

Кузнецъ выходитъ изъ кузницы и идетъ на голосъ Урбина.

КУЗНЕЦЪ

Глаза не видятъ, видитъ только сердце...
Урбинъ! Урбинъ! Не думалъ я дожить!..

Кузнецъ плачетъ отъ радости.

ЗОЙЛА.

Оставь ребятамъ слезы!

УРБИНЪ.

Скорѣй огонь!

ЗОЙЛА.

Готовъ!

УРБИНЪ.

Устали у нихъ ноги..
Скорѣе цѣпи прочь!..
Гдѣ мой любимый молотъ?

КУЗНЕЦЪ.

Урбинъ, Урбинъ! Не думалъ я дожить!.

Урбинъ подходитъ къ старику, по-товарищески хлопаетъ его рукой по плечу.

УРБИНЪ.

Ты—съ бѣлой бородой, а плачешь, какъ ребенокъ...
Не плачь! Ну, перестань!..

КУЗНЕЦЪ.

Я дожилъ! дожилъ! дожилъ!..

Онъ кричитъ въ радостномъ изступленіи. Мильда, испуганная этими криками, бѣжитъ къ кузнецу и ласкаетъ его, какъ дѣвочка—стараго отца.

Я дожилъ! дожилъ! дожилъ!..
Кто здѣсь со мной?

МИЛЬДА.

Я та, что давеча съ тобою говорила...

КУЗНЕЦЪ.

Ты—нѣжная? Которая разбила истукана?

МИЛЬДА.

Да, дѣдушка...

Кузнецъ смотритъ на Мильду; его лицо подергивается судорогами и вдругъ онъ начинаетъ радостно кричать:

КУЗНЕЦЪ.

Тебя я вижу! вижу!
И звѣзды вижу! вижу скалы! сосны!..
И вижу кузницу... огонь въ горнилѣ... Зойла!!.

Зойла бѣжитъ къ отцу. Мильда тихо отходитъ къ обрыву.

ЗОЙЛА.

Отецъ! Пора...

КУЗНЕЦЪ.

Тебя я вижу, Зойла!
Такъ это--ты? ты дочь моя? ты--Зойла?..
Глаза—твои... и руки?.. твои губы?..

Бросается и цѣлуетъ Зойлу. Та, сдерживая слезы, отвѣчаетъ и словно стыдится ласкъ.

ЗОЙЛА.

Да. Это—я, отецъ...

КУЗНЕЦЪ.

Я дожилъ! дожилъ! дожилъ!..

УРБИНЪ (изъ кузницы).

Огонь пылаетъ въ горнѣ,—
Веди сюда рабовъ!..

На камняхъ среди скованныхъ движеніе.

По одному! Не разомъ!..

Зойла ведетъ скованнаго въ кузницу и здѣсь работаетъ вмѣстѣ съ Урбиномъ. Кузнецъ ходитъ, какъ помѣшанный... Приближается къ Мильдѣ.

КУЗНЕЦЪ.

Тамъ звѣзды, дѣвушка! огни святого бога!..
А завтра я увижу въ небѣ солнце!

Раскованный рабъ идетъ изъ кузницы и смотритъ на свои ноги.

РАБЪ 1-Й.

Всю жизнь звенѣли цѣпи на ногахъ тяжелыхъ...
Теперь ихъ нѣтъ... Легко... Какъ будто я безъ ногъ!..

ЗОЙЛА.

Иди другой, съ цѣпями на ногахъ!

Отдѣляется второй рабъ и, встрѣтивъ раскованнаго, останавливается.

РАБЪ 2-Й.

Легко?

РАБЪ 1-Й.

Да. Словно я на крыльяхъ!..

МИЛЬДА.

Эолъ! Эолъ!.. Услышь мою печаль!..

ЗОЙЛА.

Иди скорѣй—съ цѣпями на ногахъ,
А ты, свободный, помогай работать!..

Кузнецъ ходитъ и смотритъ по всѣмъ сторонамъ. Приближается къ Мильдѣ... и вдругъ что-то замѣчаетъ внизу подъ горами.

КУЗНЕЦЪ.

Смотри! вонъ тамъ, гдѣ высятся ихъ храмы,
И гдѣ дворцы бѣлѣютъ, прячась въ кипарисахъ,—
Тамъ... желтые огни... мелькаютъ... Тамъ смятенье!
Чу?.. Что это?.. Тревожные сигналы?!.

МИЛЬДА.

Эолъ! Эолъ!..

КУЗНЕЦЪ.

Эй, братья! Тамъ—тревога!..
Скорѣе куйте изъ цѣпей мечи!!.

Кузнецъ бѣжитъ къ кузницѣ. Среди людей—волненіе. Чрезъ грохотъ ударовъ молота и звона цѣпей прорываются съ разныхъ сторонъ выкрики: „скорѣе куйте изъ цѣпей мечи!“

МИЛЬДА.

Кто тамъ идетъ? Кто стонетъ?..
Эолъ! Эолъ...

Прыгаетъ съ кручъ и пропадаетъ во мракѣ. Въ кузницѣ, освѣщенныя краснымъ огнемъ, движутся черныя фигуры возбужденныхъ людей. Тамъ слышны сильные голоса Урбина и Зойлы.

УРБИНЪ.

Иди скорѣй къ орлиному гнѣзду!
Смотри тамъ въ бездну ночи:
Быть можетъ, тамъ горятъ уже огни...

ЗОЙЛА.

Гдѣ мой фонарь?.. Иду!

Зойла появляется съ фонаремъ. Урбинъ выбѣгаетъ и бросаетъ ей веревку.

УРБИНЪ.

Возьми еще веревку!
Гроза идетъ... Тамъ—вѣтеръ...
Можетъ сбросить!..

Поймавъ на-лету веревку, Зойла спѣшитъ на горы, поднимаясь на вершину. Тамъ она пропадаетъ во мракѣ ночи.

УРБИНЪ.

Костры зажгите по обрыву горъ!
Готовьтесь къ оборонѣ!!.

РАБЫ.

Къ оборонѣ!..

По склонамъ горъ загораются костры, около которыхъ группируются силуэты раскованныхъ; въ рукахъ у нѣкоторыхъ—кривые мечи. Въ кузницѣ работаютъ подъ руководствомъ Урбина и прозрѣвшаго кузнеца. Изъ-подъ горъ выходятъ Мильда и Эолъ Мильда печальна и безпомощна: она старается помочь раненому Эолу влѣзть на уступы.

ЭОЛЪ.

Слабѣю, Мильда... Дальше не могу...

Эолъ опускается на камни.

МИЛЬДА.

Мой голубь... Раненый олень мой!..
Ты истекаешь кровью... Небо! Небо!..

ЭОЛЪ.

Далеко небо... Небо не услышитъ.
Дай посмотрю еще въ твои глаза:
Тамъ звѣзды, богъ и небо!..
Блистаютъ слезы на твоихъ глазахъ?
Зачѣмъ? И на холмѣ могильномъ
Растетъ трава... Не плачь!..

МИЛЬДА.

Нѣтъ, нѣтъ... Ты не умрешь...
Ты будешь жить... Не дамъ я..

ЭОЛЪ.

Ушелъ отецъ и уходя сказалъ:
„Живи и помни,—гдѣ то тамъ отецъ
Ждетъ сына гордаго.. И если не дождется,
То значитъ, онъ погибъ“.. Гдѣ онъ? старикъ—отецъ?
Быть можетъ,—тамъ, во мракѣ черной ночи

Зажгутся скоро красные огни...
И вы уйдете... я же...

МИЛЬДА.

Вмѣстѣ! Вмѣстѣ!..

ЭОЛЪ.

Пусть всѣ здоровые куютъ себѣ мечи...
Мой мечъ упалъ...

МИЛЬДА.

Эолъ, Эолъ! Живи!..

Мильда, склонившись надъ Эоломъ, тихо плачетъ.

ЭОЛЪ.

Не надо слезъ!.. Пусть лучше плачутъ струны...
Смотри въ мои глаза и пусть играетъ лютня!
И я усну подъ лаской ихъ спокойно...

Мильда беретъ лютню и, аккомпанируя на ней, говоритъ, стараясь сдерживать слезы:

МИЛЬДА.

Далекò, за темной бездной ночи,
За песками жгучими пустыни,
Есть страна, гдѣ не заходитъ солнце...
Ласково тамъ плещетъ въ берегъ море,
Синее, глубокое, какъ небо,
И разсказываетъ море людямъ сказки,
Трепеща на солнцѣ въ золотомъ сіяньи...
Нѣтъ тамъ стѣнъ и нѣтъ высокихъ башенъ.
Только небо... море... голубой туманъ..

На далекой вершинѣ горъ вспыхиваетъ красный фонарь Зойлы и слышенъ голосъ, относимый вѣтромъ. Мильда обрываетъ игру.

ЗОЙЛА.

Огни! Огни!

Тамъ красные огни!..

Среди раскованныхъ радостное волненіе. Взоры всѣхъ устремляются въ глубину ночи, гдѣ длинной цѣпью, убѣгая во тьму, показались едва видимыя красныя точки огней. Урбинъ выбѣгаетъ, какъ безумный...

УРБИНЪ.

Огни! Огни!
Тамъ загорѣлись красные огни!

ЭОЛЪ.

Тамъ кричатъ отъ радости и счастья...
Что тамъ увидали?..

МИЛЬДА.

...Красные огни...

ЭОЛЪ.

Мильда! Мильда! Я безумно счастливъ:
Тамъ горятъ во мракѣ красные огни!..

Мильда снова беретъ лютню и, аккомпанируя, говоритъ сквозь слезы:

МИЛЬДА.

Нѣтъ тамъ стѣнъ и нѣтъ высокихъ башенъ,
Только небо, море, голубой туманъ...
Тамъ вся жизнь...

Рѣзкимъ движеніемъ обрываетъ игру и бросаетъ лютню въ пропасть; скатываясь по камнямъ, лютня жалобно звенитъ струнами. Мильда опускаетъ голову и неподвижно смотритъ въ лицо умершаго Эола. Старый кузнецъ карабкается на высоты, гдѣ качается красный фонарь Зойлы. Раскованные рабы, протягивая руки къ далекимъ огнямъ и потрясая мечами, издаютъ воинственные клики. Въ небесахъ молніи... Слышенъ раскатъ грома... Близится гроза.

Занавѣсъ.

Stanford University Libraries
3 6105 124 450 011

PG
3460
C5
1903
V.7

DATE DUE			

Stanford University Libraries
3 6105 124 450 011

PG
3460
C5
1903
V.7

DATE DUE			